

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра общей психологии и психологии развития

К.С. Лисецкий

**СУБЪЕКТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ
НАРКОТИЧЕСКОЙ
ЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ**

Монография

Самара

Издательство «Универс групп»

2008

УДК 159
ББК 88.8
Л 63

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН

В.А. Петровский

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой
социальной психологии Самарского государственного университета

С.В. Березин

Редактор

кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей
психологии и психологии развития Самарского государственного
университета **Е.В. Литягина**

Лисецкий, К.С.

Л 63 Субъектная детерминация наркотической зависимости
личности [Текст] : монография / К.С. Лисецкий. – Самара :
Изд-во «Универс групп», 2008. – 232 с.
ISBN 978-5-467-00190-6

В монографии излагаются взгляды автора на природу негативной зависимости, а также основы психологической профилактики наркотической зависимости личности, которая понимается как содействие в решении онтологических задач взросления личности.

Оригинальные идеи организации психопрофилактической работы и богатый эмпирический материал может быть полезен всем специалистам, исследующим проблему зависимого поведения, как основа для собственного научного творчества.

УДК 159
ББК 88.8

Перепечатка материала допускается только со ссылкой на данное издание.

Исследование проведено при поддержке РГНФ (Грант № 07-06-26601 а/В)

Исследование проведено при поддержке РГНФ (грант № 08-06-00391а/В)

ISBN 978-5-467-00190-6 © Лисецкий К.С., 2008

© Самарский государственный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Проблема детерминации наркотической зависимости личности	7
1.1. Краткий обзор исследований и перспективные направления изучения наркотической зависимости личности	7
1.2. Особенности сознания наркозависимой личности; адекватность саморефлексии в среде; особенности ценностно-смысловой сферы; феномен «Превосходящего Я»	21
1.3. Феномен «подростковой» фиксации и возрастной регрессии к подростковой ступени развития.	50
Выводы по первой главе.....	70
Глава 2. «Взросление» как альтернатива зависимости	74
2.1. Понятия «взрослость», «взросление»: теории развития личности	74
2.2. Мультисубъектность личности: онтосубъектный подход.....	89
2.3. Обоснование и диагностика актуальности задач взросления методом тематической тревожности.....	119
Выводы по второй главе.....	126
Глава 3. Эмпирическая проверка эффективности нового подхода психопрофилактики наркомании	130
3.1. Развитие субъектности как определяющее условие психопрофилактики наркомании в период взросления	130
3.2. Условия и критерии результативности программы «Задачи взросления»	168
Выводы по третьей главе.....	204
Заключение	206
Список литературы	219

ВВЕДЕНИЕ

Наркомания представляет собой явление, которое может оказывать влияние на все сферы жизни общества и государства: на общественное производство, на экономику страны, на состояние обороноспособности, на физическое и духовное здоровье нации, на преступность (ее состояние, структуру и динамику) и т.д.

Несмотря на декларации, фактически продолжает игнорироваться позиция, согласно которой наркозависимость не является «изолированным» заболеванием, а есть специфическая активность личности, которая употребляет наркотические вещества в определенном социальном контексте.

В настоящее время термин «наркотическое вещество» (наркотик) применяется по отношению к тем ядам или веществам, которые способны вызвать при их употреблении эйфоризирующее, снотворное, болеутоляющее или возбуждающее действие. К наркотическим относятся вещества, удовлетворяющие трем критериям: медицинский критерий (это вещество оказывает специфическое (седативное, стимулирующее, галлюциногенное и др.) влияние на ЦНС); социальный критерий (немедицинское употребление вещества широко распространено, и последствия приобретают социальную значимость); юридический критерий (данное вещество признано законодательством наркотическим) (А.В. Надеждин и др., 1998, Н.Н. Иванец и др., 1995, и т.д.).

В зависимости от позиции автора, проблема наркомании рассматривается как психологическая (А.Е. Личко, В.С. Битенский), личностная (В.Д. Менделевич, К.С. Лисецкий, С.В. Березин), социальная (Дж.А. Соломзес, В. Чеурсан, Г. Соколовский) или медицинская (Н.Н. Иванец, М.А. Винникова). Отмечается общая низкая разработанность проблем наркомании и наркотизма, имеющиеся психологические данные неоднородны и противоречивы по характеру, а корреляты употребления наркотиков часто путают с их причинами. Несмотря на многообразие концепций, теорий и практик, в литературе пока не представлено системного описания психологической зависимости.

Кроме того, присутствует терминологическая неопределенность относительно понятия зависимости, и как следствие – профилактики, на что указывают многие ученые (В.М. Менделевич, А.Ю. Егоров, А.Е. Личко, Н.Н. Иванец, С.В. Березин и др.). Вне обстоятельного теоретического анализа до сих пор остаются вопросы деятельности центров социальной защиты, школы и других социальных институтов по организации профилактики молодежной наркомании.

В сфере наркомании, как и в отношении других заболеваний, профилактику принято разделять на *первичную*, *вторичную* и *третичную*. В подростковой наркологии первичная профилактика – это предотвращение аддиктивного (зависимого от психоактивных веществ) поведения подростков. Вторичная – предотвращение рецидивов после лечения ранних форм алкоголизма и наркомании. Третичная – реабилитация в случаях неоднократных рецидивов и безуспешного лечения. В предлагаемых теориях и подходах, как правило, эти виды профилактики оказываются несвязанными между собой, что и объясняет низкую эффективность проводимых мероприятий.

Недостаточно изученными остаются особенности сознания наркозависимой личности. Мы полагаем, что серьезных качественных изменений в понимании природы наркотизма и повышении эффективности профилактики можно будет добиться при условии, что наркомания будет рассматриваться как сложное явление, имеющее специфическую представленность на физиологическом, психологическом, социально-психологическом и социальном уровнях.

Одна из наименее разработанных проблем – **проблема детерминации наркотической зависимости личности**. Столкновение личности с обстоятельствами, препятствующими реализации ее глубинных, базисных тенденций в жизни, обуславливает возникновение специфической «предрасположенности» к злоупотреблению наркотиками. Речь в данном случае идет не о преднаркотической или донаркотической личности, с некоторой долей уверенности можно говорить лишь о факторах, повышающих риск злоупотребления психоактивными веществами. Речь идет об особой форме детерминации

(С.В. Березин, В.А. Петровский, и др.), всестороннему изучению сущности которой посвящено наше исследование.

Употребление наркотиков является защитной активностью личности перед лицом трудностей, открывающихся в пространстве бытия взрослеющей личности. Предрасположенность к наркотикам возникает после пробного употребления как переживание избыточных возможностей преодоления внешних и внутренних обстоятельств, препятствующих удовлетворению индивидом наиболее значимых для него потребностей. В поведении каждого наркомана может быть обнаружен его уникальный паттерн взаимодействия с жизнью, который вместе с типичными для наркоманов чертами образует его «наркоманский» образ жизни.

Практически все авторы, описывающие особенности личности наркозависимых, отмечают их инфантилизм. Психика людей, зависимых от наркотических веществ, сохраняет черты, качества и особенности, присущие детскому возрасту, для которого характерны незрелость эмоционально-волевой сферы, что находит свое отражение в несамостоятельности решений и действий, чувстве незащищенности, пониженной критичности по отношению к себе, повышенной требовательности к заботе других о себе и т.д. Этот факт неоднократно был подтвержден данными эмпирических исследований (А.В. Сухарев, С.В. Кривцова, С.В. Березин, К.С. Лисецкий, Н.Ю. Самыкина, Е.В. Литягина, Д.Д. Козлов, М.Е. Серебрякова, А.В. Соболева и др.)

Таким образом, профилактика наркотизма необходимо должна быть связана с проблемой взросления личности как основной в преодолении зависимости, должна быть направлена на десенсибилизацию факторов риска и на усиление препятствующих факторов в сфере существования различных ипостасей человека: индивидуальной, личностной, субъектной, социальной.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ДЕТЕРМИНАЦИИ НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ

1.1. Краткий обзор исследований и перспективные направления изучения наркотической зависимости личности

Оценивая современное состояние психологических исследований проблем наркотизма и наркомании отметим, что на фоне немногочисленных эмпирических исследований практически отсутствуют попытки теоретических обобщений, построения психологической теории наркозависимой личности, создания теоретической модели психической зависимости и т.п.

Современные исследования наркотической зависимости личности группируются вокруг двух принципиально разных установок по отношению к наркомании. В совокупности исследования, реализующие медицинскую (клиническую) установку, составляют клинический (медицинский) подход. Исследованиям наркотической зависимости, выполненным в рамках этого подхода, имманентно присуще восприятие наркомании как болезни. Для клинического подхода свойственна присущая медицине вообще и наркологии в частности синдромологическая методология.

Психологический подход объединяет исследования, реализующие более широкий, чем в медицине, спектр установок.

Однако для исследований и клинического, и психологического направления характерно редуцирование понимания наркомании, игнорирующее собственную активность личности индивида, употребляющего наркотики как в дебюте наркомании, так и в ее генезисе.

Заметим, что в исследованиях наркомании, выполненных в рамках различных дисциплин, этот *системный феномен* изучается как *комплексный*. Это обстоятельство в значительной степени затрудняет разработку эффективных программ первичной, вторичной и третичной профилактики.

Весь корпус научных исследований, посвященных различным аспектам наркомании, может быть классифицирован по двум основаниям. Во-первых, в зависимости от уровня, на котором рассматривается наркомания. Второй критерий – установка исследователя, определяющая его восприятие наркомании либо как проблемы медицинской (клиницисты), либо как проблемы в большей степени психологической.

Классификация исследований проблем наркомании и наркотизма разработана нами совместно с С.В. Березиным (табл. 1) [Березин, 2007].

Таблица 1

Классификация исследований проблем наркомании

№	Уровни проявления наркомании	Клинический подход (наркомания как болезнь)	Психологический (наркомания как специфический способ построения отношений индивида с миром)
1	Физиологический	Изменения обменных процессов	Отражение в сознании наркозависимого физиологических и телесных феноменов, возникающих вследствие употребления наркотиков
		Влияние наркотических веществ на функционирование органов и систем	
		Изменение физиологии ВВД	
		Предпосылки информатизации	Физиологические факторы поисковой активности наркориска
2	Психологический	Нарушения в структуре и динамике психических явлений под влиянием наркотика	Особенности психики употребляющих наркотики
		Психологическая предрасположенность	
		Отклонения от нормального функционирования психики	

3	Личностный	Донаркотическая личность	Личностная динамика индивида, употребляющего наркотики
		Личностные факторы предрасположенности	
		Нарушения личности потребителей наркотиков	
4	Социально-психологический	Первичная профилактика	Наркоманические группы и сообщества
		Созависимость как болезнь	Созависимость как система отношений
			Семья наркомана
5	Социальный	Эпидемиология	Психологические последствия социальной стигматизации наркоманов
		Социальные факторы распространения наркомании	
		Социальная профилактика наркотизма	Наркоманская субкультура

Как показывает анализ статей, опубликованных в журналах «Вопросы психологии» и «Психологический журнал» за период с 1990 по 2006 гг., наиболее распространенной схемой организации исследований психологических аспектов наркомании является обследование актуальных наркоманов и интерпретации полученных результатов как возможных причин наркотизации. Мы полагаем, что полученные таким образом данные имеют низкую ретроспективную валидность и не дают возможности с уверенностью говорить о причинах начала употребления наркотиков. Очевидно, что достоверные данные о возможных причинах употребления наркотиков подростками и юношами могут быть получены только в результате лонгитюдного эксперимента на большой выборке. При этом усилия исследователей, на наш взгляд, должны быть направлены на изучение динамических особенностей взаимодействия личности и социальной среды, соответственно возникает проблема адекватных поставленной задаче исследовательских средств.

Анализ исследований, посвященных поиску факторов личностной предрасположенности к наркомании (В.С. Битенский, Ю.В. Валентик, В.В. Гульдман, О.В. Зыков, Е.А. Личко, В.В. Макаров, И.Н. Пятницкая), приводит к выводу о том, что не существует никакой преднаркотической или донаркотической личности.

Мы полагаем, что попытки обнаружить специфические причины наркотизации, личностные или психологические предпосылки наркотизма и наркомании выражают установку исследователей на поиск общего целевого основания (зачем?) и причинной обусловленности (почему?).

Однако вполне возможно, что, как полагает В.А. Петровский, наркомания не имеет общего телеологического основания. Допуская это, мы должны будем принять положение о том, что поскольку нет «общего телеологического основания», то нет и результирующей терапии психической зависимости. Достаточно убедительным аргументом в пользу последнего утверждения является одинаково низкая эффективность методов и программ терапии психической зависимости, используемых в настоящее время. Как показал анализ работ по проблемам психокоррекции и психотерапии наркозависимости, проведенный Р.Р. Гарифулиным, используемые методы направлены либо на создание новых фиксированных смысловых установок, либо на формирование целевых установок против потребления психоактивных веществ [Гарифуллин, 2000], т.е. исходят из предположения о целевой или причинной обусловленности наркомании. В связи с этим мы полагаем, что качественное изменение в понимании наркотизма и наркомании возможно, если исследователь будет свободен от той фундаментальной методологической предпосылки эмпирической психологии, которую В.А. Петровский обозначил как постулат сообразности [Петровский, 1992].

Таким образом, в «лице» наркомании психология столкнулась с одной из наиболее сложных проблем, степень разработанности которой явно не соответствует ее актуальности, но четко отражает общее состояние современной психологии.

Перечислим наиболее перспективные, на наш взгляд, направления исследований проблем наркомании и наркотизма.

По нашему мнению, нуждается в глубокой теоретической проработке и основательной эмпирической проверке существующая практика терапии зависимости и созависимости. Глубокому теоретическому анализу должны быть подвергнуты механизмы развития личности на фоне наркомании. Самое пристальное внимание должно быть уделено изучению развития созависимости у сибсов и ее влияния на динамику и прогрессивность наркомании. Наши данные говорят о существовании специфических феноменов, связанных с развитием личности сибсов наркоманов [Научно-методологические основы..., 2000]. На наш взгляд, необходимы специальные исследования, которые были бы посвящены анализу особенностей формирования созависимости у брачных и сексуальных партнеров наркоманов. Особый предмет исследования должны составить пары, где оба партнера являются наркоманами.

Практически не исследованы вопросы межличностного взаимодействия родителей наркоманов внутри родительской пары и его влияния на наркомана. Мы предполагаем существование специфической для наркомании динамики отношений в супружеской подсистеме. Важной исследовательской задачей является разработка принципов, форм и методов работы с семьей наркомана.

Вне обстоятельного теоретического анализа до сих пор остаются вопросы деятельности центров социальной защиты, школы и других социальных институтов по организации профилактики молодежной наркомании.

Важной проблемой, имеющей непреходящее социальное значение, является разработка организационных, содержательных и методических основ деятельности социально-реабилитационных центров для наркоманов. Анализ деятельности таких центров, ведущих свою работу у нас в стране, показывает, что они могут быть разделены на несколько типов в зависимости от организации реабилитационного процесса: стационарные и амбулаторные; кратковременные (от меся-

ца до трех) и долговременные (свыше полугода); религиозные, трудовые, религиозно-трудовые, психотерапевтические. Изучение литературы, посвященной реабилитационным центрам для наркоманов, показывает острый дефицит серьезных исследований факторов, условий, надежных и обоснованных методов реабилитации, а также критериев ее эффективности.

Мы полагаем, что очень серьезную перспективу имеют психолого-педагогические исследования проблем молодежной наркомании. Наша точка зрения связана с предположением о том, что наибольшими возможностями в организации первичной профилактики наркомании располагает система образования. Мы исходим из все более и более утверждающегося мнения о том, что реабилитация наркоманов подросткового (а тем более, младшего подросткового) возраста есть, по сути, воспитательный процесс. Таким образом, помимо психологии наркомании, открывается еще одна область исследований – реабилитационная педагогика.

Одна из наименее разработанных проблем – **проблема детерминации наркотической зависимости личности.**

Недостаточно исследованными остаются особенности сознания наркозависимой личности. Мы полагаем, что серьезных качественных изменений в понимании природы наркотизма и повышении эффективности профилактики можно будет добиться при условии, что наркомания будет рассматриваться как сложное явление, имеющее специфическую представленность на физиологическом, психологическом, социально-психологическом и социальном уровнях.

Одна из наиболее сложных проблем, неизбежно возникающая перед любым исследователем наркотической зависимости, – это проблема ее детерминации. Суть проблемы может быть легко выражена двумя вопросами, за каждым из которых явно просматривается собственная проблематика. Что побуждает подростков к употреблению наркотических веществ? Какие (по способу происхождения и способу существования) феномены детерминируют саму зависимость? Оче-

видно, что оба эти вопроса взаимосвязаны, однако характер этой взаимосвязи продолжает оставаться неясным.

Заметим, что в существующих на сегодняшний день программах профилактики в той или иной, явной или неявной форме (чаще в неявной) присутствуют не только ответы на эти вопросы, но и ответы на вопрос о характере их взаимосвязи. Складывается ситуация, когда проблему профилактики зависимостей пытаются решить, опираясь на непрочный фундамент допущений о детерминации наркотической зависимости.

Исследования, посвященные подростковой наркомании, показали, что выделение конкретных причин наркотизации подростков и старшеклассников является невозможным. Распространение наркомании связано с одновременным существованием нескольких групп факторов, каждая из которых, взятая в отдельности, не является определяющей. Обстоятельный анализ отечественной и зарубежной научной литературы по проблемам наркомании показал многообразие точек зрения и подходов к данному вопросу. Если обобщить причины, перечисляемые авторами, получится достаточно продолжительный и весьма разнородный список, который, однако, не будет исчерпывающим [Лисецкий, 2003; Профилактика наркотизма..., 2005].

- Подражание взрослым, специфика социализации и поиск новых впечатлений, нарушения в эмоциональной сфере.

- Стресс, внушаемость, любопытство, педагогическая запущенность, последствия травм.

- Экономические причины, несовершенство законодательства, традиции употребления легальных наркотиков (кофе, табак, пиво, алкогольные напитки).

- Семейные проблемы, наследственность, психопатологии, неполная семья, деструктивная семья, ригидная семья и т.д.

- Особенности характера, такие, как уступчивость, чувство вины, нерешительность, внушаемость, тревожность и т.д.

- Личностные особенности, аффилиативность (поиск покровителя), потребность в признании, подавленность душевных и сексуаль-

ных переживаний, психологическая защита, стиль поведения и мышления и т.д.

Для удобства мы обобщили и классифицировали все названные различными авторами причины по нескольким основаниям, получив, таким образом, совокупность факторов, находящихся во взаимодействии друг с другом.

Факторы наркотизации, представленные и описанные в научных источниках, условно можно разделить на объективные и субъективные. Внутри объективных причин можно выделить макропричины и микропричины. Субъективные разделяются на индивидуально-биологические, индивидуально-психологические и личностно-психологические [Профилактика наркотизма..., 2006].

Обобщив результаты многолетних исследований, мы также пытались определить факторы, детерминирующие подростковую наркотизацию как совокупность внутренних и внешних условий, влияющих на формирование у подростка предрасположенности к употреблению психоактивных веществ: низкая стрессоустойчивость, любопытство, последствия травм и заболеваний, педагогическая запущенность и отсутствие навыков конструктивного решения проблем и конфликтов.

Исследования различных авторов показали, что существуют общие черты, свойственные людям, злоупотребляющим наркотиками или алкоголем: слабое развитие самоконтроля, самодисциплины; низкая устойчивость к всевозможным воздействиям, неумение прогнозировать последствия действий и преодолевать трудности; эмоциональная неустойчивость и незрелость, склонность неадекватно реагировать на препятствия, неумение найти продуктивный выход из психотравмирующей ситуации [В.Д. Менделевич, 2003]. Нетрудно заметить, что эти черты свойственны не только алкоголикам и наркоманам, но и плохо социально адаптированным людям. Кроме того, такие личностные характеристики часто проявляются в подростковом возрасте, особенно, если этот период развития протекает с осложнениями. Именно это обстоятельство нередко служит основанием для утверждения о принципиальном единстве механизмов формирования

всех видов зависимости, а также для обоснования понятия «зависимая личность». При этом, обнаруживая тождество механизмов формирования на одном уровне, например, психологическом, исследователи игнорируют принципиальные отличия различных видов зависимостей на других уровнях.

Многие исследователи считают, что влечение подростка к употреблению наркотиков является признаком глубокого личностного неблагополучия и логическим завершением предшествующего развития [Максимова, 1996].

Можно и дальше продолжать перечисление причин наркотизации, обнаруженных различными специалистами, однако становится все более очевидным, что **количество причин употребления психоактивных веществ оказывается таким же нескончаемым, как и количество проблем, с которыми может встречаться человек в течение своей жизни.**

Нам удалось подтвердить на практике мысль В.А. Петровского о том, что «наркомания не имеет телеологического основания, а, следовательно, и результирующей терапии». **Все объяснения причин наркотизации возникли как приписывание отдельным, частным случаям статуса общих.** В этом настойчивом поиске причин наркотизации нам видится одно из проявлений человеческого способа осмысления мира: если есть явление, то должна быть причина, которая порождает (или инициирует) это явление. Аристотелевский тип мышления упрямо сопротивляется возможному допущению (сейчас хотя бы гипотетически) спонтанных явлений. Достижения современной науки, особенно естественных наук, подтверждают тотальность принципа детерминизма. А между тем, оставаясь в границах такого типа мышления, невозможно понять действительную природу наркотизма и наркотической зависимости. Мы намерены в дальнейшем обосновать тезис о возможности принципиально другого типа взаимосвязи между явлениями, когда причина явления возникает после самого явления. Применительно к проблеме детерминации наркотической за-

висимости это означает, что причина, по которой индивид продолжает употреблять наркотики, формируется уже после их употребления.

Никому на самом деле неизвестно, у скольких подростков, пробующих из любопытства алкоголь или наркотики, возникает наркотическая зависимость. На ранней стадии очень трудно установить связь, после которой чувство настоящей тревоги и раздражительность («генерализованная неудовлетворенность») появляются у подростка в результате отказа от алкоголя или наркотиков, а когда в основе чувств подростка лежат другие причины. Если помнить, что наркотические вещества в тех или иных количествах содержатся во многих лекарствах, в том числе предназначенных для детей, то определение первопричины в ее «классическом» понимании становится практически невозможным.

Человек – не моносистема. В его действиях невозможно найти одну единственную причину, один мотив, один специфический смысл. Одномотивность в действительности – не столько научная абстракция, сколько характеристика конкретной патологии [Асмолов, 2002].

Окончательный вывод становится все более очевидным: конкретных причин первичной наркотизации нет и быть не может, кроме доступности наркотических веществ и решения индивида проверить на себе их действие. Следовательно, в исследовании детерминации наркотической зависимости необходимо развивать альтернативную причинному подходу позицию, а именно, необходим взгляд на генезис наркотической зависимости как на процесс с собственной инициацией и условиями самоподдержки. Таким образом, есть все основания (логические, эмпирические, клинические) для развития исследований с позиции субъектной детерминации наркотической зависимости.

Междисциплинарный подход к анализу наркомании дает основание рассматривать ее как социально «заразное» заболевание, распространение которого происходит внутри социальных групп. Именно поэтому невозможно «изолированное» существование наркомана в среде – рано или поздно вокруг него формируется группа, вовлекае-

мая в сферу потребления наркотиков, образуя свою культуру, альтернативную традиционной. Иначе говоря, наркомания – это болезнь, порождающая свою субкультуру. Вместе с тем заметим, что этот аспект наркомании исследован в психологии крайне слабо.

Значительное место в психологических исследованиях проблем наркомании отводится изучению психологических и социально-психологических механизмов вовлечения подростков в наркотизм. Установлено, что приобщение к наркотикам происходит на эмоциональном уровне, т.е. на уровне впечатлений и собственных переживаний. Со стороны группы наркоманов существует два основных способа приобщения к наркотикам. Первый – «негласный». Он заключается в косвенном влиянии на подростка. Наблюдая за сверстниками, имеющими опыт употребления наркотиков, подросток видит насыщенность их жизни, слышит о «красочности» переживаний, об «ином» мире и т.д. Помимо этого, каждое «мнение» подкрепляется чрезвычайно ярким эмоциональным рассказом, невольно заражающим, «зачаровывающим» подростка своей насыщенностью. В результате подросток начинает верить в то, что самое интересное в жизни – наркотики и все, что с ними связано. Кроме того, в среде подростков существует мнение о «престижности» наркотиков, что также поддерживается группой наркоманов, особенно состоящей из детей обеспеченных родителей. Высокая эффективность косвенных влияний на процесс развития личности (ценности, самооценка, правила и нормы поведения, уверенность-неуверенность) детально обоснована в работах Н.М. Магомедова, В.А. Петровского, О.В. Шапатиной. Однако потенциал косвенных влияний в профилактической деятельности почти не используется.

Второй способ заключается в непосредственном предложении попробовать наркотик. Например, подросток общается в кругу друзей – наркоманов и, в конечном счете, «выпадает» из этой группы. «Выпадает» либо реально (перестает общаться с этой группой), либо эмоционально (чувствует себя неловко, неудобно, чувствует себя чужим и т.д.). В этом случае, если группа является для подростка значимой, он

стремится вернуть себе расположение группы. Очень часто группа предлагает наркотик как средство, опосредующее общение, и подросток принимает его. Однако очень скоро наркотик становится не средством общения, а средством существования.

И в том, и в другом случае наркоманская субкультура привлекательна для подростка эмоциональностью «наркоманской» жизни. Вхождение подростка в наркоманскую субкультуру может рассматриваться в качестве одной из наиболее серьезных причин приобщения к употреблению наркотических веществ (К.С. Лисецкий, А.В. Соболева и др.).

Исследования, проведенные нами совместно с нашими коллегами (А.В. Соболева, Д.Д. Козлов, С.В. Березин, Н.Ю. Самыкина), позволяют утверждать, что наркокультура имеет свою внутреннюю логику и организацию, влияющую и на вовлечение в наркотики новых «рекрутов», и на динамику наркомании как болезни. В наркокультуре легко обнаруживаются некоторые динамические и функциональные аспекты. Являясь изначально абсурдной, поскольку ее цель и результат находятся в непримиримом противоречии, наркокультура реализуется в постоянном преодолении моральных и правовых ограничений посредством низложения всех традиционных человеческих ценностей.

Потребность человека в преодолении ограничений, снятии запретов, освобождении чувств, удовлетворяемая в условиях наркокультуры универсальным способом (социальное и чувственное синхронное подкрепление), может быть осмыслена в рамках наркомании как механизм формирования психологической зависимости (В.А. Петровский, С.В. Березин, К.С. Лисецкий).

Изучив особенности взаимодействия наркоманов друг с другом и социумом, проанализировав существующие законы и принципы существования группы наркоманов, мы определили следующие отличительные черты наркокультуры.

1. *Слитность (нерасчлененность) содержательных и операциональных значений.* В наркокультуре предложения строятся, как правило, безлично. Большинство суждений имеют чаще всего форму гла-

голов, а субъект высказывания (подлежащее) в предложениях либо обозначается невербально, либо не обозначается вообще.

2. *Инакоязычность. Зашифрованность.* «Язык», живущий в общепринятом языке общения. Слова, которые используются при построении фраз, текстов и даже диалогов в среде «посвященных» в наркокультуру, по существу не имеют никакого отношения к своим первоначальным значениям.

Наши исследования показали, что главная опасность существования «тайного языка» не столько в том, что его не всегда понимают родители, наставники и учителя, сколько в том, что, разговаривая на «общепринятом» языке, используя общепринятые слова, взрослые направляют мысли своих воспитанников в другое русло, не подозревая об этом. Поэтому даже обыденный язык может быть механизмом подкрепления поведения, направленного на употребление наркотиков.

3. *Прямая противоположность значений и действий.* Противоположность первоначально обнаруживается в том, что из лексикона подростка, «входящего» в наркокультуру, постепенно «вымываются» высказывания личностного характера, высказывания от первого лица единственного числа, то, что принято называть «Я» и заменяются на высказывания от третьего лица множественного числа, то, что принято называть «Мы». Однако, формирование спланивающего, на первый взгляд, образа «Мы» на самом деле не соответствует и даже противоречит действительным отношениям, складывающимся между подростками, начавшими употреблять наркотики. Есть основания говорить, что реальная формула выглядит следующим образом: чем глубже переживаемое «Мы», тем больше недоверия друг другу в межличностных отношениях подростков, употребляющих наркотики. По мере формирования психической зависимости и углубления болезни происходит дальнейшая замена аутентичного «Я» выхолощенным от отношений доверия «Мы». Этот процесс результируется в конечном счете в феномене обезличивания [Генайло, 1990].

4. *Квазирелигиозные и квазифилософские утверждения.* В высказываниях подростков, употребляющих наркотики, часто присутству-

ют ригидные когнитивные конструкции, наполняемые лишенными смысла (вне контекста) религиозно-философскими утверждениями. Утверждения, взятые из различных литературных источников, выполняют скорее агитационно-идеологическую роль и предназначены преимущественно для тех, кто испытывает интеллектуальные сомнения в предлагаемых действиях, связанных с употреблением наркотиков. Здесь легко обнаружить и буддийский отказ от всех желаний, и христианское всепрощение как необходимое употребляющим наркотики условие для жизни в среде, построенной на тотальном обмане, и презрительное отношение к земным благам, и обещанную всеми религиями вечность, и всеобщее коммунистическое равенство.

В качестве внешних атрибутов рекламно-побудительного характера наркокультуры (для начинающих) выступает мифологическая эклектика двух самостоятельных субкультурных образований. Первое можно назвать элитарной (богемной) субкультурой, носителями которой являются артисты, художники, звезды эстрады, люди искусства и люди около искусства, а также богатые меценаты и спонсоры. Второе можно назвать криминальной субкультурой, носителями которой являются люди, живущие «по понятиям», воры, бандиты, криминальные авторитеты, мошенники, бывшие осужденные, преступные группировки. Как в элитарной, так и в криминальной субкультуре допустимо употребление наркотиков, однако оно (употребление) не является самоценным и стержневым, как в наркокультуре. Более того, каждая из двух названных субкультур имеет четко выраженную направленность и отнюдь не аморфную систему ценностей. Наличие правил и ценностей обуславливает существование санкций за их нарушение или попрание. Таким образом, существуют механизмы (экономического, морального, психологического характера), сдерживающие умеренное употребление наркотических веществ как в элитарной, так и в криминальной субкультуре.

В названных субкультурах складывается иерархия, обуславливающая соподчиненность всех ее членов, а значит и конкуренцию между ними. В наркоманской субкультуре лидеры могут возникать

лишь ситуативно, только для получения дозы, поскольку иерархии как таковой не существует, то соответственно и устойчивой структуры в наркоманской группе не складывается (С.В. Березин, К.С. Лисецкий).

Обобщая результаты исследований, можно говорить об особых отличиях наркокультуры от других субкультур: отсутствие иерархии, недиалогичность наркокультуры, единомыслие ее членов, отсутствие доверия во взаимоотношениях, демонстративное псевдоэлитарное поведение в сочетании с универсальной преступной направленностью. Высокая степень подражательности говорит о маргинальности наркокультуры, в которой остается одна единственная ценность и правило – наркотик.

Наша позиция заключается в том, что мишенью профилактических воздействий должна быть личность как субъект отношений с Собой, Другими, культурой, Природой. Мы убеждены в том, что профилактика наркомании есть – и по сути, и по содержанию – содействие личности в становлении ее субъектности.

1.2. Особенности сознания наркозависимой личности; адекватность саморефлексии в среде; особенности ценностно-смысловой сферы; феномен «Превосходящего Я»

Анализируя современное состояние исследований проблем наркотизма и наркомании, мы пришли к выводу, что сами по себе интересные и ценные эмпирические данные, полученные в ходе этих исследований, не могут быть использованы при проектировании программы профилактики. Дело в том, что подавляющее большинство рассмотренных нами исследований носит исключительно «частный», точечный характер. При этом игнорируется несколько важных обстоятельств. Во-первых, системная структура наркотической зависимости, о чем речь шла выше. Во-вторых, изучая различные аспекты проблемы, исследователи избегают, на наш взгляд, самого главного – вопроса о том, какое место наркотик и вызываемые приемом нарко-

тика эффекты занимают в сознании индивида. По сути дела, в исследованиях хорошо изучены эффекты наркотизации: физиологические, психологические, личностные, социальные. При этом исследований, посвященных изучению отражения в сознании наркомана эффектов наркотизации, явно недостаточно. В своем стремлении к объективности научных данных современные исследователи наркомании потеряли самое главное – интерес к субъективному. Мы полагаем, что именно здесь, в сфере переживаний индивидами эффектов наркотического опьянения и нужно искать ответы на принципиальные, с точки зрения профилактики наркотизма, вопросы. В наших исследованиях основной акцент делается на изучении индивидуального сознания потребителя наркотиков. Для этого используют методы экспериментальной психосемантики (семантический дифференциал, методику множественной идентификации). При разработке модифицированных психосемантических методик мы опирались на работы Ч. Озгуда, Дж. Келли, А.Г. Шмелева, В.Ф. Петренко и др.

Выбор экспериментальной психосемантики и методики множественной идентификации связан с несколькими обстоятельствами. Методы экспериментальной психосемантики дают возможность исследования уникальных личностных причин обращения к наркотику, позволяют увидеть природу возникновения зависимости.

В отличие от распространенной модели определения «факторов риска», предложенная нами модель отвечает на вопрос: «ЗАЧЕМ» подросток обращается к наркотику, в чем заключается значимость наркотика для подростка.

Исследование аддиктивного поведения проводилось с целью изучения особенностей индивидуального сознания людей, употреблявших наркотики. Конструируя методику множественной идентификации, мы исходили из следующих теоретических положений.

Пространство, реконструирующее внутриличностные отношения человека, может быть объективировано, обозначено и проинтерпретировано как пространство отношений между его частными «Я», особого рода автономиями, которые Р. Ассаджиоли назвал субличностями.

ми. Субличности – это множество разнообразных персонажей или психологических узлов внутри личности, которые в какой-то степени действуют независимо, обладают своими относительно суверенными потребностями и целями [Психосинтез и другие интегративные..., 1997]. В современной психологии существует ряд понятий, которые обозначают подобные психологические образования личности, своеобразные синонимы субличностей. В психоаналитической традиции подобные образования обозначаются как «интроекты», в теории личностных конструктов – как «ролевые позиции» (Дж. Келли), в теории персонализации – как «идеальные другие» (А.В. Петровский, В.А. Петровский), а также роли, позиции, архетипы (К.Г. Юнг), фиксированные элементы «Я-концепции» (Я реальное, Я идеальное, Я отвергаемое и др.).

Все субличности связаны друг с другом как части единого целого, но отношения между ними могут возникать в соответствии с суверенными потребностями и целями. Отношения эти могут иметь различную эмоциональную окраску: от симпатии и полного принятия друг друга до антипатии, ненависти, противоборства и взаимного уничтожения. Эмоциональная «заряженность» дает внутреннему образу не только психическую, но и физическую энергию. Целостное, интегральное «Я» человека может по-разному относиться к своим субличностям, однако возможно даже, когда оно полностью отождествляется с одной из них. В таких случаях говорят, что человек отождествил себя с ролью, отрицает существование себя как возможного иного. По мнению К.Г. Юнга, идентификация человека со своей социальной ролью является источником неврозов. Человек не может безнаказанно «отделяться» от самого себя в пользу самой идеальной, но искусственной личности [Юнг, 1994; 1996]. Это чревато ригидностью в отношении социальной адаптации, потерей возможностей для развития и саморазвития личности. Одна из субличностей, лидируя постоянно, подавляя все остальные, создает внутриличностный «раскол», нарушает психологическую целостность, создает условия для возникновения и воспроизводства зависимого поведения человека.

Зависимость в данном случае становится объективной необходимостью, поскольку выполняет функцию внешнего подкрепления однозначно принятой человеком роли, особенно если сам человек предпочитает избегать в отношении себя принятия самостоятельных решений, выступать в качестве онтологической причины себя.

Для изучения внутриличностных отношений мы использовали методы экспериментальной психосемантики, в частности, методику множественной идентификации (В.Ф. Петренко) в авторской модификации.

Нами было обследовано пять групп испытуемых: наркозависимые подростки, находящиеся в состоянии ремиссии от 2 до 6 месяцев; не употребляющие наркотики подростки; наркозависимые взрослые, находящиеся в состоянии ремиссии от 1 до 8 месяцев; не употребляющие наркотики взрослые; лица, находящиеся в состоянии ремиссии более 4 лет [Литягина, Лисецкий, 1997; Литягина, Черемушкина, 1999].

Бланк методики представлял собой таблицу, в которой испытуемому предлагалось оценить, насколько у той или другой предлагаемой субличности выражено соответствующее качество. Для исследования были выбраны следующие качества: общительный, властный, подчиняющийся, нравится мне, напрягающий, смелый, пугающий, опасный, противоречивый, лидер, деятельный, экспериментирующий, обидчивый, уверенный в себе, авторитетный.

В данной методике мы использовали следующие субличности: Я, Отец, Друг, Отвергаемое Я, Муж/Жена (реальные или представляемые), Идеальное Я, Мать, Значимый другой, Враг, Я под действием алкоголя или наркотика (реальное или представляемое состояние).

Кратко остановимся на теоретическом обосновании выбора вышеперечисленных субличностей.

Субличности «Мать» и «Отец» выбраны как наиболее значимые для личности. Для ребенка эмоциональные связи с другими людьми, особенно с близкими, являются определяющими в развитии, психика ребенка зависит от психики родителей, особенно матери, настолько,

что ее рассматривают в качестве придатка к психике родителей (К.Г. Юнг). Система привязанностей имеет свою мотивацию, которая включает две противоположные тенденции: стремление к новому, к опасности и поиск поддержки и защиты [Смирнова, 1995].

В детстве привязанность мотивирована поддержкой и защитой, исходящей от близких взрослых, образуя контур внешнего подкрепления. Любопытство, как реализация стремления к новому и опасному, контролируется взрослыми. При благоприятном течении психологического развития у ребенка постепенно формируется внутренняя система самоподдержки, и он сам начинает контролировать собственную мотивацию к риску и опасности. Однако при нарушении формирования внутренней системы самоподдержки подросток, отвергая внешний контроль взрослых, реализует стремление к опасности и риску, самостоятельно не может контролировать свои действия, не видит предельных границ риска, не может ответственно оценить последствия своего поведения. Поэтому нам важно понять, на чем основана система привязанности подростка, изучить ее особенности, а также определить, насколько подросток находится под влиянием родителей.

Степень совпадения позиций «Я», «Отец», «Мать» (т.е. близкое расположение в семантическом пространстве, приписывание сходных характеристик) может косвенно отражать степень принятия опыта родителей, их ценностей и установок. Как правило, вся жизнь, которую могли бы прожить, но не прожили родители, передается детям по наследству в превращенной форме, т.е. последних бессознательно принуждают к такому течению жизни, которое должно компенсировать несбывшееся в жизни родителей. Определить, насколько дети подвержены такому родительскому влиянию, в свою очередь, помогает изучение образов «Идеального Я» и «Отвергаемого Я».

Известно, что образы «Идеального Я» и «Отвергаемого Я» формируются под влиянием родителей. В наше исследование мы их включили по двум причинам. Во-первых, для определения внутриличностного конфликта, основой которого является расхождение ме-

жду образами «Я» и «Я идеальное». Во-вторых, чтобы «увидеть», какие качества личность вытесняет, не признает, отвергает, определить возможные причины этого неприятия. С помощью методики множественных идентификаций можно определить, содержит ли образ «Идеального Я» родительские установки или же этот образ – результат самостоятельного, субъектного развития личности. Очень часто люди вместо того, чтобы развиваться по собственному пути, идти к образу «Идеального себя», стремятся реализовать то, что от них ожидали родители. В результате недостижение самоидентичности приводит к разочарованиям, психологическим кризисам и, возможно, к негативной зависимости. «Отделенность» образа «Идеальное Я» от образов «Мать», «Отец» в семантическом пространстве выступает одним из критериев психологической зрелости. Это означает, что личность в своем развитии руководствуется собственной перспективой, а не реализует родительские ожидания.

С образом «Я Отвергаемое» тесно связан образ «Враг», который играет значительную роль в функционировании внутренней системы отношений личности. Известный факт, что личность, узнавая в другом собственные непринимаемые (нежелательные, отвергаемые) качества, относится к этому человеку негативно. Другой человек может вызывать негативное отношение и потому, что обладает желаемыми качествами, которых у личности нет или они плохо развиты. Характеристики субличности «Враг» и взаимоотношения с другими внутренними образами дают нам представление о возможных конфликтах и предпочтениях в структуре отношений внутренних образов, о том, что личности недостает, и, возможно, чего боится человек.

Субличность «Избранник» (муж, жена) способна определять круг общения человека, его жизненные перспективы, относящиеся к выбору партнера для близкого, интимного общения, совместной жизни, создания семьи. Из анализа семантического пространства мы можем узнать, насколько человек подвержен влиянию семейного сценария при выборе партнеров для интимного общения и/или спутника жизни. Для молодого человека определяющим является отно-

шение к матери, а для девушки – к отцу. Степень связи с родителями и сложившееся к ним отношение неосознанно влияет на выбор супруга, поощряя или затрудняя его. Сознательная любовь к отцу или матери способствует выбору партнера, похожего на отца или мать. Бессознательная связь (которая сознательно не проявляется в виде любви), напротив, усложняет выбор и вызывает различные модификации поведения [Юнг, 1994]. Таким образом, чем сильнее бессознательное влияние родительского образа, тем чаще партнер выбирается в качестве позитивной или негативной замены родителям. Э. Берн считал, что с семейными сценариями передаются и игры, характерные для родительской семьи [Берн, 1988]. Например, игра «Алкоголик» («Наркоман») может изначально ориентировать подростка к построению такой семьи (с подходящим для этого партнером), в которой роли, функции и выигрыши будут уже известны на бессознательном уровне. Правила этой игры подросток усвоил с опытом жизни в родительской семье. Альтернативные варианты построения отношений он может просто не знать.

Субличность «Значимый другой» дает представление о наиболее ценных личностных качествах, состояниях, значимых людях. Это могут быть родители, друг, а иногда даже враг. В последнем случае человек может переживать внутриличностный конфликт: с одной стороны, он боится врага, враждует с ним, с другой – стремится к отношениям, бессознательно подражая ему. Близость расположения в семантическом пространстве «Врага» с еще одной важной субличностью, которую мы назвали «Я под действием алкоголя и наркотика», может указывать на значимость самого состояния опьянения и тех приобретений, которые личность получает при этом.

Включая в исследование субличность «Я под действием алкоголя/ наркотиков», мы получаем возможность увидеть вероятную основу для употребления психоактивных веществ. Наркотик может использоваться как средство снятия психологического напряжения, возникающего из отношений между субличностью. Например, в состоянии алкогольного опьянения подросток может чувствовать себя

более раскованным, самодостаточным, способным на поступки, которые в обычном состоянии для него затруднительны. Он может в субъективных переживаниях, находясь в состоянии опьянения, приближаться к образу «Идеального Я». Поэтому употребление психоактивных веществ будет оставаться ценным для подростка, если ему не показать альтернативные способы достижения тех же целей. Просто запретить употребление ПАВ невозможно.

После обработки результатов методом факторного анализа, мы выявили несколько относительно независимых факторов у каждой группы испытуемых. Факторы (или координатные оси) состоят из используемых в методике оценочных качеств (общительный, властный, лидер и т.д.). Отнесенность того или иного качества к конкретному фактору определяется по величине факторной нагрузки: чем больше факторная нагрузка, тем больше это качество имеет вес в данном факторе. Факторная нагрузка качества может быть отрицательной. Это означает, что данное качество включено в противоположный полюс фактора, т.е. противостоит качествам с положительной нагрузкой.

Мы установили сходство особенностей индивидуального сознания взрослых наркоманов (находящихся в состоянии ремиссии от 1 до 8 месяцев), наркотизирующихся подростков (находящиеся в состоянии ремиссии от 2 до 6 месяцев) и подростков, не употребляющих наркотики.

Рассмотрим семантическое пространство подростков, употребляющих и не употребляющих наркотики (рис. 4). При обработке совмещенной матрицы результатов выборки зависимых и здоровых подростков было получено четыре относительно независимых фактора. Первый фактор образован качествами: общительный (факторная нагрузка – 0,53), лидер (0,89), деятельный (0,88), экспериментирующий (0,74), уверенный в себе (0,54), авторитетный (0,75). Все перечисленные качества располагаются на одном (положительном) полюсе первого фактора. Другой полюс этого фактора (отрицательный) состоит из прямо противоположных качеств: необщительный, не лидер, пассивный (не деятельный, ленивый), не экспериментирующий, не-

уверенный в себе, не авторитетный. Четвертый фактор образован следующими качествами: положительный полюс – общительный (0,68), нравится мне (0,63), отрицательный полюс – властный (- 0,56), напрягающий (- 0,56), опасный (- 0,78).

Итак, на одном полюсе первого фактора сгруппировались «сильные» личностные качества, которые обеспечивают успешность в жизни. Другой полюс этого фактора образован противоположными качествами. Первый фактор мы назвали «сила эго», заимствовав термин у В.Ф. Петренко. Четвертый фактор отражает степень принятия личностью образа (субличности).

Выделенные факторы дают нам представление о системе категоризации действительности, познания других людей и самого себя. Если качества по оценке испытуемых попадают в один фактор, значит, они близки по значению, связаны. Например, подросток оценивает другого человека как властного, значит, он склонен расценивать его как опасного для себя и напрягающего, и этот человек подростку не нравится. И, скорее всего, общаться с таким человеком подростку будет тяжело, так как он оценивается подростком как необщительный.

При реконструкции семантического пространства мы приняли фактор 1 за ось X, а фактор 4 – за ось Y. В качестве объектов семантического пространства выступили субличности, которые испытуемые оценивали во время исследования. В расположении объектов в семантическом пространстве (графически представленном как координатная плоскость) наблюдается следующая закономерность: чем дальше от центра расположены субличности (чем больше по модулю их координаты на оси X, Y), тем больше в них выражены качества, образующие данный фактор.

В совмещенном семантическом пространстве серым цветом выделены субличности, которые оценивали подростки, употребляющие наркотики; звездочкой (*) отмечены субличности, которые оценивали здоровые подростки (рис. 1).

Совмещенное семантическое пространство наркозависимых подростков и подростков, не употребляющих наркотики*

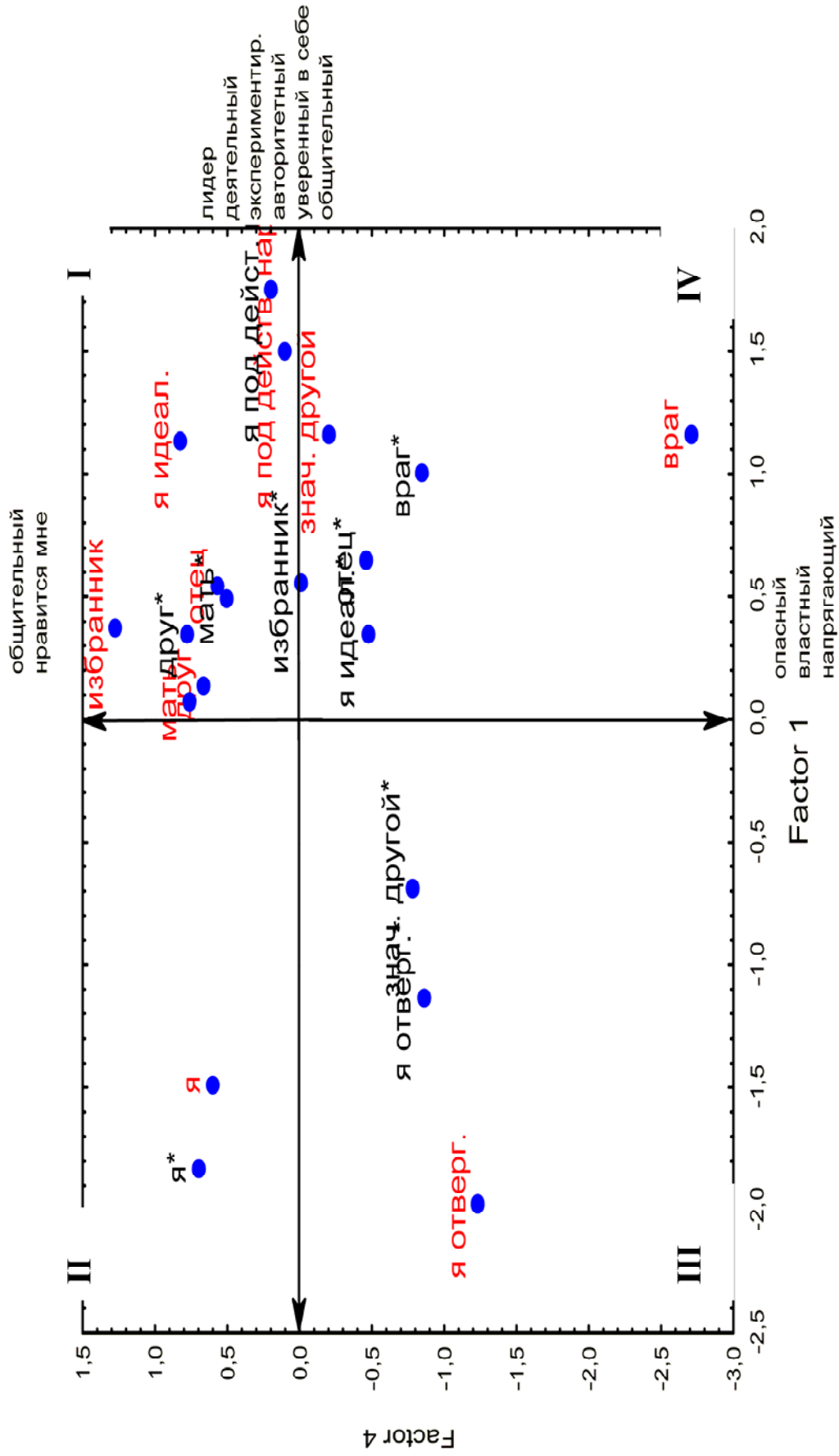

Рис. 1

Полученное семантическое поле можно условно разделить на четыре области:

- I. Область принимаемого и сильного эго.
- II. Область принимаемого, но слабого эго.
- III. Область отвергаемого, пугающего и слабого эго.
- IV. Область пугающего, но сильного эго.

Самая насыщенная первая область включает в себя субличности: «Избранник», «Избранник*», «Я идеальное», «Отец», «Друг», «Друг*», «Мать», «Мать*», «Я под действием наркотика», «Я под действием наркотика*». Данные персоны принимаются, положительно оцениваются личностью и обладают теми качествами, которые образуют полюса факторов этой части семантического пространства. Эти субличности в той или иной степени характеризуются таким качествами как: лидер, деятельный, экспериментирующий, авторитетный, уверенный в себе, общительный, нравится мне. Относительная близость всех рассмотренных сублинностей говорит об их качественном сходстве, сходстве состояний, целей, ценностей, установок и т.д.

Если принять положение, что расстояние между сублиностями в семантическом пространстве, т.е. близость – удаленность, отражает характер существующих отношений, то можно предположить следующее.

Относительная близость сублинностей «Мать», «Отец» к субличности «Я идеальное» и «Избранник» указывает на то, что родители влияют не только на формирование «Я идеального», но и на выбор спутника жизни: подростки стараются найти партнера, похожего на родителей. Этот вывод согласуется с положением теории транзактного анализа о наследовании семейного сценария (Э. Берн), психодинамическими теориями (З. Фрейд и др.).

В подростковом возрасте содержание образов «Друг» и «Избранник» практически совпадают. Можно предположить, что друзей подросток также выбирает под влиянием родителей.

Во второй области располагается субличность «Я», «Я*». Относительная удаленность сублинностей «Я», «Я*» и «Я идеальное», «Я идеальное*» указывает на несоответствие актуального и желаемого

уровня развития личности, т.е. идентичность, к которой стремится подросток, пока не достигнута. Однако, проекция образа «Я» у наркозависимых подростков по первому фактору близка к проекции образа «Я идеальное». Этот факт свидетельствует, что наркозависимые подростки, используя наркотическое вещество, достигают большего тождества образов «Я» и «Я идеальное».

Третья область содержит субличности «Я отвергаемое», «Я отвергаемое*», «Значимый другой». Эта область состоит из качеств, которые противоположны желаемым качествам для подростка. Они вызывают внутреннее напряжение и оцениваются как опасные. Проекции субличностей «Я отвергаемое», «Я отвергаемое*» и «Я», «Я*» на первый фактор близки, что указывает на сходное содержание этих образов. Подростки отрицают образ «Я настоящее» как слабый, не уверенный в себе, не обладающий авторитетом и т.п.

Четвертая область – пугающего и сильного эго – содержит субличности: «Враг», «Враг*», «Я идеальное*», «Отец*», «Мать*», «Значимый другой». Все перечисленные субличности в той или иной мере обладают качествами сильного эго. Они являются менее принятыми образами, чем субличности из I области. Самой опасной, вызывающей напряжение и заставляющей подчиняться является образ «Враг», особенно для наркозависимых подростков. Для здоровых подростков образы «Я идеальное*», «Отец*», «Значимый другой*» оказываются также не приняты, как и образы «Я отвергаемое*», «Враг*».

Таким образом, можно говорить, что **подростки, не употребляющие наркотики, оказываются в ситуации меньшей личностной определенности, чем наркозависимые подростки.**

Полученные результаты позволяют утверждать, что употребление наркотиков в старшем подростковом возрасте способствует достижению личностной идентичности. Подросток воспринимает психоактивное вещество как средство обретения желаемых личностных качеств. Постепенно состояние «Я под действием алкоголя и наркотиков» может заменить состояние «Я настоящее», отождествиться с ним. Находясь в состоянии опьянения, подросток, таким образом,

приближается по субъективным переживаниям к состоянию «Я идеальное», которое является для него недостижимым никакими известными ему другими средствами. Тем самым происходит сближение образов «Я настоящее» и «Я идеальное», возникает иллюзия достижения целостности, идентичности. Однако само по себе *употребление наркотиков не разрешает психологических (онтологических) задач взросления*, поэтому подросток снова и снова вынужден употреблять наркотики, чтобы избавляться от генерализованной неудовлетворенности и поддерживать иллюзорное состояние идентичности.

Семантическое пространство наркозависимых взрослых оказывается похожим по основным характеристикам на семантическое пространство наркозависимых подростков и подростков, не употребляющих наркотики. Однако все основные субличности более, чем у подростков, группируются вокруг главной субличности «Я под действием наркотика», т.е. «наркоманская личность» уже сформировалась. Она обслуживает незавершенность, незаконченность развития в период взросления, компенсируя нерешенные психологические задачи подросткового возраста (рис. 2).

Данные проведенных исследований позволяют нам утверждать, что взрослые наркоманы продолжают жить в условиях неразрешенных задач взросления подросткового возраста.

Рассмотрев три выборки испытуемых, мы выделили риск и динамику развития аддикции: 1) подростки с нерешенными психологическими задачами взросления; 2) наркозависимые подростки; 3) наркозависимые взрослые.

В процессе анализа групповых и индивидуальных результатов исследования были выявлены следующие предпосылки наркотизации:

1. Образ «Идеального Я» состоит в основном из качеств, которые способствуют достижению социальной успешности – общительный, лидер, авторитетный, уверенный и др. Таким образом, наркотик может восполнять личности недостаток субъектности, активной жизненной позиции (близкое расположение субличностей «Я под действием наркотика» и «Идеальное Я»).

Семантическое пространство наркозависимых взрослых

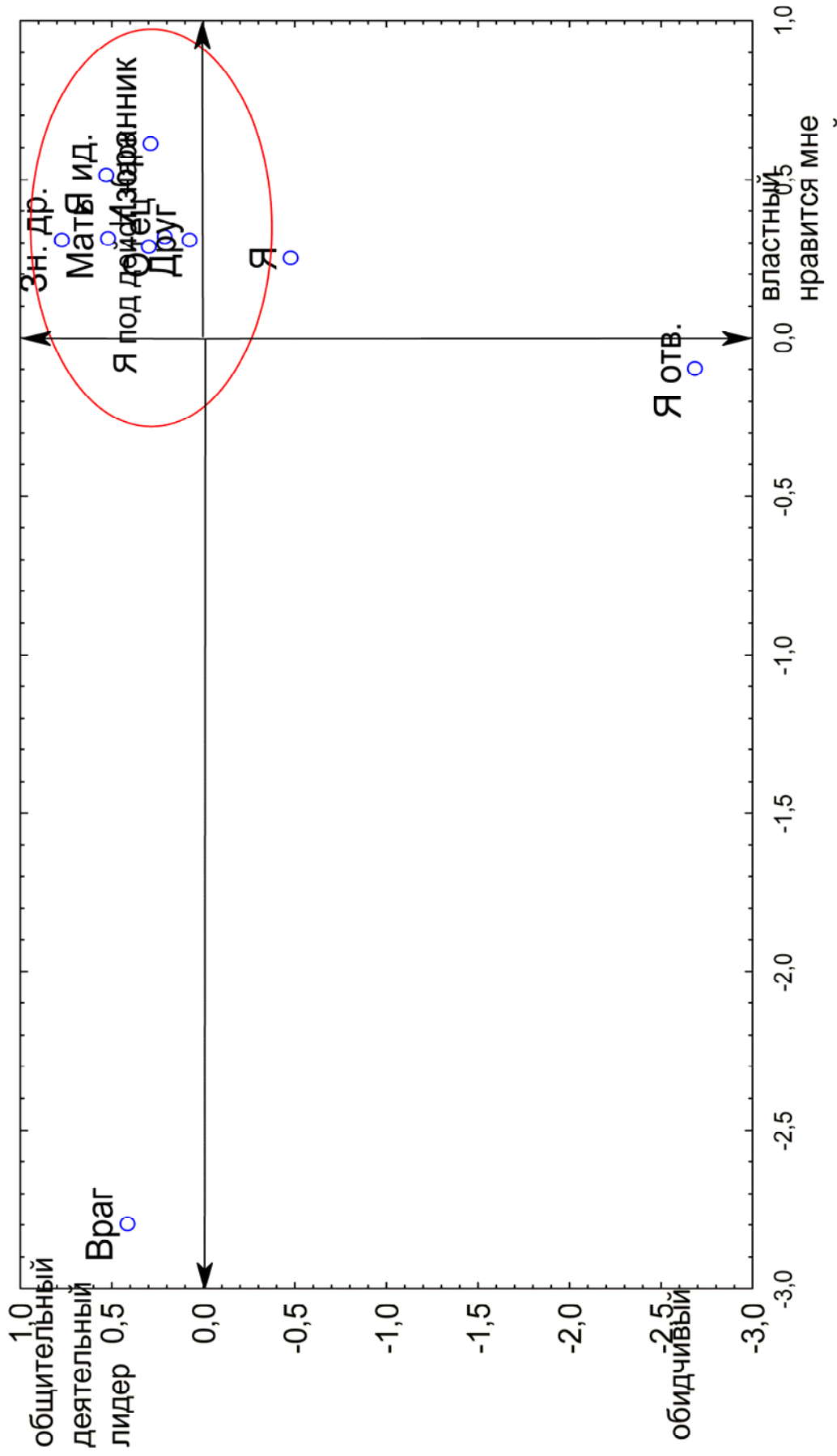

Рис. 2

Невозможность достижения идеала (как правило, сформированного под родительским влиянием).

2. Открытие «теневых» сторон в собственной личности и незнание, что с этим делать (используя терминологию К.Г. Юнга – открытие базового конфликта эго и тени), создает напряжение внутри личности и вынуждает подростка к поиску средства разрядки.

3. Наркотик выступает как средство, поддерживающее отношения со значимыми другими (это может быть способ чувствовать себя нужным).

На первый взгляд, обозначенные нами проблемы относятся к области межличностных отношений. Однако, межличностные отношения, возникающие конфликты с окружающими – это, прежде всего, проекция внутриличностных отношений. В основе нарушений межличностного взаимодействия лежат дисфункциональные отношения между отдельными субличностями.

Для проверки наших выводов мы изучили семантические пространства людей, находящихся в состоянии длительной ремиссии (более 4 лет) (рис. 3), и взрослых, не употребляющих наркотики (рис. 4).

Полученные семантические пространства оказались сходными между собой и качественно отличными от семантических пространств, рассмотренных нами выше (подростков и наркозависимых взрослых).

Субличность «Я под действием алкоголя...» оказалась исключенной из области значимых субличностей и для здоровых взрослых, и для лиц, находящихся в длительной ремиссии. Для здоровых взрослых состояние «Я под действием алкоголя и наркотиков» оценивается как опасное и отвергается.

Близкое расположение «Я отвергаемого» и «Я под действием алкоголя...» указывает на сходство этих образов. Они характеризуются необщительностью, обидчивостью, трусостью, ленью, неуверенностью, отсутствием авторитета и др. Для выборки наркозависимых, успешно прошедших профилактические и реабилитационные мероприятия, субличность «Я под действием алкоголя и наркотика» не

Семантическое пространство лиц, находящихся в состоянии длительной ремиссии

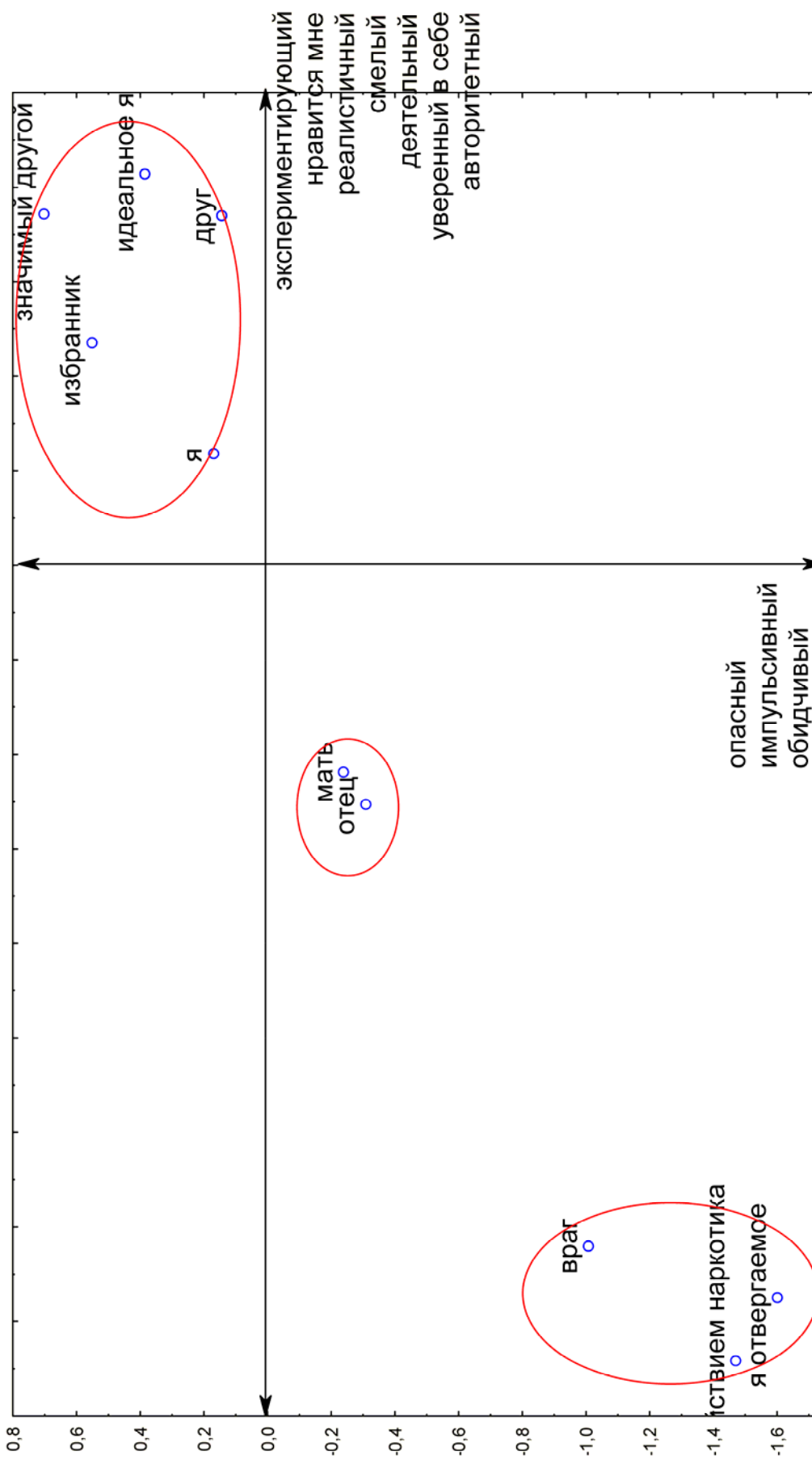

Рис. 3

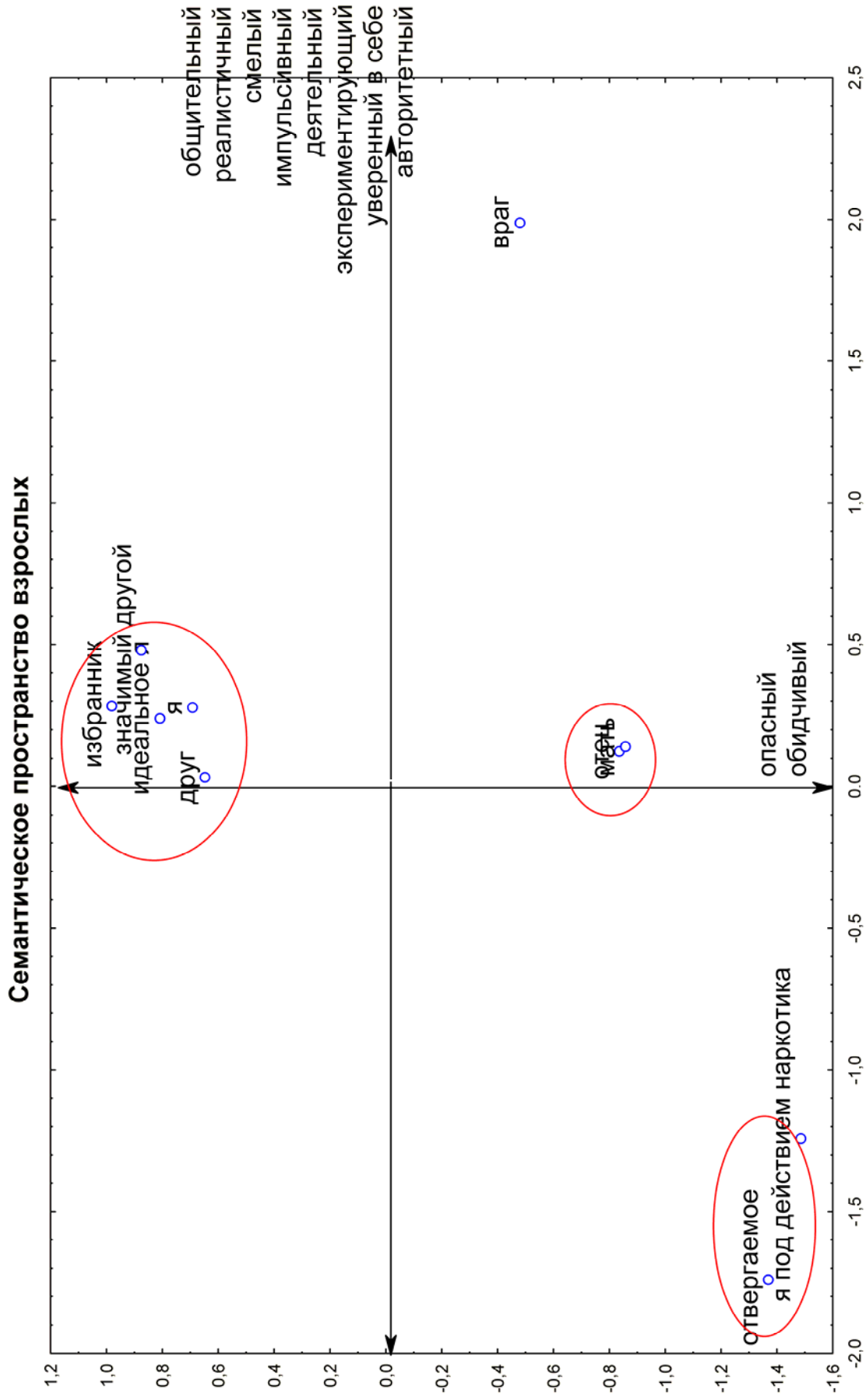

Рис. 4

только отвергается, но и рассматривается как враждебная. Для подростков и наркозависимых взрослых образ «Я под действием алкоголя...» имеет прямо противоположные характеристики.

В систему значимых субличностей включены такие образы как: «Я настоящее», «Я идеальное», «Друг», «Избранник», «Значимый другой». В обеих выборках субличности «Мать» и «Отец» сходны по содержанию и отстоят от основных образов. Этот факт свидетельствует о приобретенной независимости от родителей. Сближение образов «Я настоящее» и «Я идеальное» говорит о содержательном их сходстве и достижении определенной степени идентичности личности взрослого.

У здоровых взрослых и людей, находящихся в состоянии ремиссии, оказывается пройденным этап подросткового кризиса. На это указывают данные исследования. Первые преодолели его самостоятельно, вторые в решении задач взросления вынуждены были обратиться за помощью к другим людям. Результатом взросления явилась приобретенная независимость от родителей, ответственность и способность самостоятельно определять содержание значимых для себя образов «Я идеальное», «Значимый другой», «Избранник», «Друг».

Приведенные результаты исследований представляют групповые, обобщенные тенденции. Количественный анализ результатов исследования, получаемых с помощью данной методики, будет важен когда необходимо выявить общие для исследуемой группы тенденции, а качественный – когда изучается отдельная личность, ее отношения, проблемы, способы категоризации и др.

Итак, мы обнаружили, что состояние «Я под действием алкоголя (наркотика)» может быть для человека ценным, поскольку дает избыточность возможностей, снимает внутриличностное напряжение, создает иллюзию идентичности. Если человеку ничего не предложить взамен, не дать другого средства достижения этих целей, то отказаться от употребления психоактивных веществ он не сможет. В качестве альтернативы употребления наркотиков подросткам предлагают ценности здорового образа жизни. Однако как показали отечественные и

зарубежные исследования, такой подход к профилактике оказывается неэффективным. В поисках действительно значимой для подростков альтернативы наркотикам, как своеобразного средства снижения неопределенности задач взросления, мы провели специальное исследование.

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе исследования нас интересовало представление работников образования о сути и содержании реализуемых ими профилактических программ.

По данным проведенного нами анкетирования работников системы образования (психологов, социальных педагогов, заместителей директоров по воспитательной работе), а также из анализа их работы с подростками можно констатировать, что организация профилактики зависимого поведения является для них проблемной областью. Основная трудность в организации профилактики состоит в отсутствии личностно-ориентированного подхода к ее проведению. В основном профилактическая работа сводится к проведению лекций, бесед (возможно с привлечением специалистов здравоохранения, работников центров социально-психологической помощи, правоохранительных органов, юристов), конкурсов рисунков, плакатов, рефератов и др., тренингов на развитие навыков коммуникативной компетентности у подростков, которые, при отсутствии методологического подхода, превращаются в клуб общения. Конференции, круглые столы для специалистов, занимающихся организацией и проведением профилактики, малоэффективны и превращаются в отчет о проделанной работе.

Профилактическая работа с детьми, входящими в группу риска, сводится к постановке их на внутришкольный учет или на учет в отделение по делам несовершеннолетних, проведению бесед с подростками и их родителями, контролю за посещением учебных занятий. Подростки группы риска, по данным анкетирования, являются самой сложной категорией для социально-психологической работы, поэтому специалисты вынуждены либо дистанцироваться, либо формально выполнять необходимую работу.

Основной идеей организации профилактики является формирование у подростков навыков здорового образа жизни и сохранения здоровья, информирование о последствиях действия психоактивных веществ на организм, запугивание и др. На втором этапе исследования нас интересовало, насколько значимо для подростков здоровье, ценности здорового образа жизни. Иными словами, мы пытались установить, насколько идея формирования здорового образа жизни релевантна подростковому возрасту и валидна с точки зрения профилактики подросткового наркотизма.

Для нас было важно выявить ценности в актуальной жизни подростка, на которые он ориентируется в период взросления, которыми он живет, а не просто имеет о них представление.

С целью определения наиболее значимых жизненных ценностей подросткового возраста мы провели опрос 250 подростков в возрасте 15-16 лет [Литягина, Лисецкий, 2003; 2004]. Респондентам предлагалось перечислить 20 ценностей, которые для них являются значимыми в жизни. После этого необходимо было выбрать из написанного списка 10 самых важных ценностей и расположить их в порядке значимости от 1 до 10. Первое место должна была занять самая важная ценность, десятое – наименее важная из выбранных.

Результаты показали наличие устойчивого противоречия между общепринятыми «взрослыми» представлениями о ценностях подросткового возраста и реальными ценностями периода взросления.

Наиболее значимыми ценностями для подростков являются: семья, родители; друзья; образование. Они занимают первые три позиции в рейтинге. Далее идут: любовь как отношение с противоположным полом; такие абстрактные ценности, как жизнь, свобода, независимость; материальное благополучие, карьера, работа. В рейтинге важных жизненных ценностей здоровье заняло десятое место, причем здоровье близких (родителей, родственников) оказалось более значимым, чем собственное.

Подросток не имеет достаточного знания о себе как здоровом или больном, но он хорошо знает, что такое здоровье и болезнь близких.

Так как сфера отношений с родителями и близкими людьми для подростка является значимой, то естественно желание, чтобы они были здоровы. Здоровье является внутренне конфликтной сферой для подростков. С одной стороны, они опасаются в будущем не иметь хорошего здоровья, с другой, у подростков постоянно присутствует тенденция рисковать своим здоровьем. Подросток не знает, что такое здоровье, потому что в норме растущий организм достаточно сильный и способен справляться с болезнями. Чтобы понять, что такое здоровье, и почувствовать себя здоровым, подросток должен знать, что такое болезнь. Опыт болезненных состояний он может получить, проводя эксперименты с собственным здоровьем, рискуя, испытывая свой организм. Само по себе состояние здоровья интересно для подростка, и конечно, он хочет быть здоровым. Способ, который предлагают взрослые, а именно, здоровый образ жизни, рассматривается подростком как ограничение возможностей.

Принцип формирования навыков и ценности здорового образа жизни у подростков и молодежи, который положен в основу большинства программ профилактики зависимого поведения, не соотносится с ценностями подросткового возраста, и потому не может служить ориентиром и критерием для их разработки и распространения.

Выше обозначенное положение подтвердило исследование значения категорий «здоровье» и «здоровый образ жизни» (точнее, смысла, который вкладывают подростки и взрослые в эти понятия) на выборке (181 респондент) подростков в возрасте 15-17 лет и взрослых от 25 до 67 лет. Исследование проводилось с использованием модификации метода семантического дифференциала. В результате выяснилось, что в определении рассматриваемых категорий подростками и взрослыми имеются существенные различия.

Приведем пример семантического пространства категорий «здоровье» и «ЗОЖ» так, как их оценивают подростки (для лучшего понимания мы приводим несколько упрощенную картину) (рис. 5).

Сравнение понимания категорий «здоровье» и ЗОЖ подростками

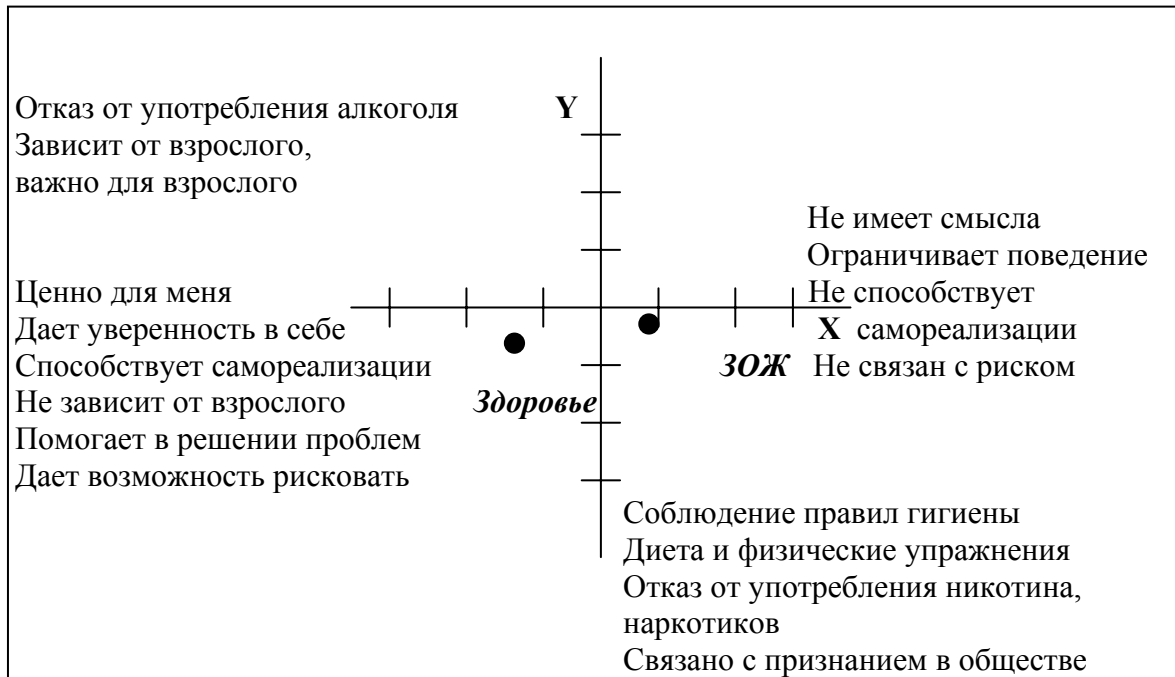

Рис. 5

Факторы X и Y обозначены нами соответственно как личностный и медико-социальный аспекты оцениваемых категорий «здоровье» и «ЗОЖ».

В медико-социальном аспекте в сознании подростка значение понятий «здоровье» и «здоровый образ жизни» сближаются: и здоровье, и здоровый образ жизни требует соблюдения правил личной гигиены, связано с физическими упражнениями и с соблюдением определенных правил питания (больше для понятия «ЗОЖ»), дает уважение и признание в обществе.

В этом аспекте в определении подростками рассматриваемых понятий только на первый взгляд заметно сходство. На самом деле, можно видеть между ними принципиальные отличия:

1) здоровый образ жизни предполагает правильное питание, а «здоровье», как его понимают подростки, позволяет человеку не придерживаться особых правил питания;

2) подростки считают, что «здоровый образ жизни» предполагает отказ от употребления алкоголя и табака, в отличие от «здоровья», который позволяет курить и употреблять алкоголь;

3) здоровье дает больше возможности рисковать и быть уверенным в себе, в своих силах и возможностях, тогда как соблюдение правил здорового образа жизни ведет к ограничению;

4) здоровье важно для подростка значительно больше, чем здоровый образ жизни.

Следует обратить внимание на полярность фактора, отражающего медико-социальный аспект: употребление алкоголя и отказ от курения и наркотиков входят в противоположные полюса фактора. Этот факт не случаен. В профилактической работе в настоящее время упор делается на информировании о вреде наркотиков и никотина на организм человека, тогда как алкогольные напитки (в частности, пиво) постоянно рекламируются в СМИ.

Из полученного семантического пространства (рис. 5) видно, что ценность «здоровье» для подростков заключается в том, что его наличие дает уверенность в себе, способствует самореализации, дает возможность рисковать, помогает в решении проблем и не зависит от взрослого. Тогда как «здоровый образ жизни» оценивается подростками как не имеющий смысла (т.е. не актуальный в подростковом возрасте); соблюдение правил ЗОЖ не связано с риском, ограничивает поведение и поэтому не ведет к самореализации.

Взрослый, формируя у подростка навыки здорового образа жизни, основывается на понимании категории «болезнь – здоровье», принятой во взрослом мире, где границы уже известны. Для подростка же здоровье ценно в том смысле, что дает возможность экспериментировать с телом и собой, выявляя таким образом свои возможности и способности. Переживая физический риск, подросток острее ощущает реальность собственного «Я», узнает об особенностях личностных границ и, таким образом, усваивает категории «болезнь – здоровье». Подросток не может разделить эти ценности, т.к. они не пережиты, отсутствуют в его опыте, а принять на веру – означает подчиниться,

потерять свободу и попасть в зависимость от взрослого, снова оказаться в детской позиции.

Здоровый образ жизни в том смысле, как его понимают взрослые (отсутствие наркотиков, ограничение потребления табака и алкоголя, здоровое питание, соблюдение режима дня и др.), ограничивает самопознание подростка. Он может формально согласиться с задачами, поставленными ему взрослыми, но реально будет поступать в соответствии с собственными задачами взросления. Употребление, например, пива, компенсируя неуверенность и невзрослость, обеспечивает психологическое благополучие, которое важнее отсроченного во времени (когда-то в старости что-то может болеть) физического здоровья. Таким образом, физическое самочувствие сильно зависит от психологического, и оно становится опережающим у подростков, в отличие от взрослых, у которых физическое и психологическое самочувствие более уравновешены. («Я знаю от взрослых, что употреблять алкоголь плохо, но сами взрослые это делают. Мне это дает ощущение собственной значимости, и я буду продолжать»).

С возрастом человек начинает понимать, что представляет собой содержание понятий «здоровье» и «здоровый образ жизни», в отличие от подростков, для которых эти понятия во многом являются абстрактными.

Понимание того, что здоровье связано с соблюдением правил ЗОЖ, зависит от него самого, требует затраты волевых усилий и полного отказа от любых наркотиков, приходит только к 25-35 годам. Однако даже в этом возрасте существуют различия в рассматриваемых понятиях: «ЗОЖ» предполагает соблюдение правил гигиены, правильного питания, отказа от употребления табака и алкоголя, тогда, как здоровье дает возможность полностью или частично игнорировать эти правила; здоровье является большей ценностью, в отличие от ЗОЖ, его наличие позволяет быть взрослым и чувствовать себя уверенным и независимым, дает возможность рисковать, в сравнении с правилами ЗОЖ, которые ограничивают поведение; обладая здоровьем, можно реализовать себя, оно помогает в решении проблем.

Таким образом, мы видим, что человек даже в возрасте 25-35 лет осознает ценность здоровья как возможность собственной реализации и не рассматривает ЗОЖ как условие сохранения здоровья.

По результатам нашего исследования, это понимание приходит только в 40 – 60 лет, когда понятия «здоровье» и «здоровый образ жизни» для взрослых становятся семантически близкими между собой категориями. Для одной группы взрослых ЗОЖ является условием сохранения здоровья, и они стараются соблюдать правила ЗОЖ. Другая группа взрослых рассматривает ЗОЖ как условие сохранения здоровья в подростковом и юношеском возрасте. Эта группа характеризуется большей пассивностью собственного поведения и, как правило, «не ведут» ЗОЖ. Основная причина такого образа жизни в том, что здоровье уже потеряно в молодости.

Результаты наших исследований согласуются с исследованием Т.А. Лазаревой [Лазарева, 2006]. В своей дипломной работе «Исследование переживания счастья в различные периоды жизни человека» она показала, что потребность в здоровье своем и своих близких возникает в возрасте 20-35 лет, а ведущей эта потребность оказывается у людей в возрасте 65-75 лет. По данным ее исследования, для детей и подростков от 7 до 18 лет здоровье вообще не включено в систему значимых ценностей, достижение которых способствует переживанию счастья. Молодые люди 20-35 лет рассматривают здоровье как один из необходимых источников материальной обеспеченности. Для пожилых людей здоровье ценится как само по себе, так и за то, что позволяет поддерживать более широкие межличностные связи. Сохранение и поддержание уровня здоровья становится важнейшим и необходимым условием для продуктивной жизни пожилых людей. Однако, если пожилой человек разочарован, находится в состоянии апатии и уже ничего от жизни не ждет, здоровье, по его же представлениям, ему ни к чему.

Исследуя подростковые ценности, мы заинтересовались вопросом, насколько подросток сам разделяет и осознает декларируемые им ценности, кто является носителем этих ценностей в социальном

окружении подростка, и в каких внутренних образах (субличностях) они воплощаются.

Для исследования мы вновь использовали методы экспериментальной психосемантики, в частности, методику множественной идентификации. Всего было обследовано 35 подростков в возрасте 16 лет. Результаты были обработаны с использованием процедуры факторного анализа.

В качестве оценочных характеристик мы взяли ценности подростков, выявленные в предыдущем исследовании, и добавили параметр «здоровый образ жизни» (рис. 6).

Респондентам предлагалось оценить, насколько предъявляемые ценности актуальны для следующих персонажей: «Я в 13 лет», «Я – взрослый», «Я – идеальное», «Я в настоящем», «Мои родители», «Типичный подросток», «Типичный взрослый», «Здоровый человек», «Счастливый человек», «Успешный человек».

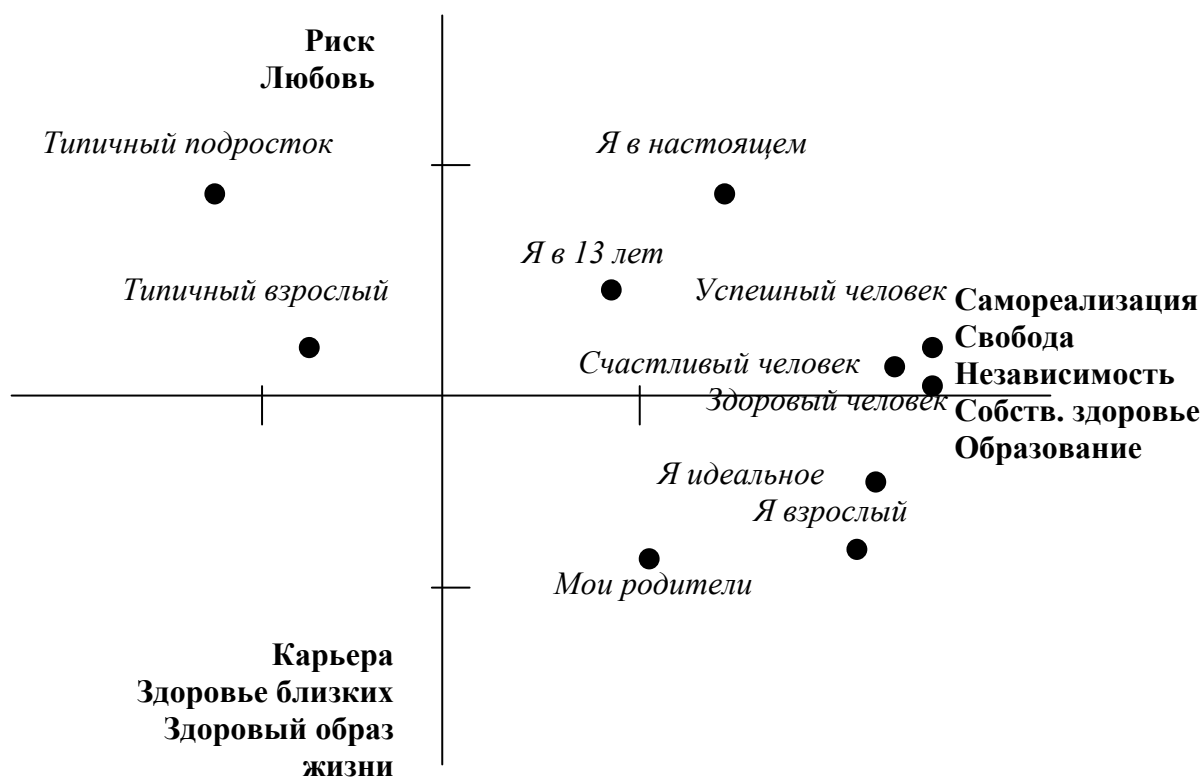

Рис. 6

Анализ полученных результатов показал следующее.

1. Для подростка оказались связаны такие ценности, как самореализация, свобода и независимость, собственное здоровье, образование, уважение и признание. Собственное здоровье и образование рассматриваются подростками как условие личной успешности. Эти ценности составили положительный полюс фактора X.

Фактор Y образован такими ценностями, как «риск» и «любовь», с одного полюса, а другой включает осознание здоровья близких как ценность, карьерный рост, наличие хорошей работы и здоровый образ жизни. Обратим внимание, что в сознании подростка любовь (отношения с противоположным полом) связывается с возможностью рисковать, а риск и любовь противопоставляются здоровому образу жизни.

Расположение вышеперечисленных качеств еще раз подтверждает тезис о том, что здоровый образ жизни не согласуется с ценностями подростков, т.к. ограничивает реализацию потребности в интимно-личностном общении с противоположным полом и рискованное поведение.

2. Себя подростки оценивают как склонных к риску, стремящихся к установлению контактов с противоположным полом, не заботящихся о соблюдении правил здорового образа жизни, и в этом образ «Я в настоящем» совпадает с образом «Типичного подростка». Однако «Типичный подросток» представляется ограниченным в возможности самореализации, проявлениях свободы и независимости, его меньше волнует собственное здоровье и образование в отличие от образа «Я в настоящем», который оценивается как более успешный. Это может свидетельствовать о несколько оптимистичных, возможно, неадекватных представлениях о себе в сравнении со своими сверстниками.

3. Образы успешного, счастливого и здорового человека практически сливаются в оценках подростков и характеризуются высокой степенью личной успешности.

4. Близость образов «Мои родители», «Я-идеальное», «Я-взрослый» объясняется тем, что они складываются под влиянием родителей. Содержание понятий «здоровье» и «здоровый образ жизни» и от-

ношение к ним подростка изначально определяется тем, как родители определяют и относятся к собственному здоровью, к здоровью близких и соблюдению правил здорового образа жизни.

5. В сознании подростка образ «Типичного взрослого» близок по значению с образом «Типичного подростка». Подросток приписывает взрослому достаточно высокую вероятность проявления риска и допущение несоблюдения правил здорового образа жизни. Подросток рассуждает примерно так: «Если сами взрослые поступают не так, как учат меня, значит, чтобы быть взрослым, я тоже не буду соблюдать правила ЗОЖ».

На основании результатов проведенных исследований, в частности сравнения выявленных ведущих ценностей подросткового возраста и основных задач взросления, можно утверждать, что решение задач взросления является ценным для подростка (таблица 2).

Таблица 2

Сравнение ведущих ценностей подростка и задач взросления

<i>Ценности</i>	<i>Задачи взросления, онтологического укоренения</i>
* Я и мое имя	Принятие своего имени
Риск, признание	Принятие собственной внешности и тела
Любовь, дружба	Выстраивание отношений с противоположным полом, усвоение специфики поведения и образа мужской или женской роли
Семья, родители, родственники. Здоровье близких. Свобода, независимость	Выстраивание отношений с родителями и другими взрослыми, освобождение от эмоциональной зависимости
Друзья, дружба, доверие, преданность	Выстраивание отношений со сверстниками обоих полов, с группой
Жизнь как целое Образование; карьера и профессиональная перспектива, благосостояние и благополучие	Выбор профессиональной перспективы. Выстраивание отношений со временем (будущим, смертью, жизнью, Богом / Абсолютом)

Собственное здоровье (больше психологическое, чем физиологическое)	Принятие себя
Мой город, мир, Родина. Этнокультурные основания.	Построение системы ценностей. Формирование социальноответственного поведения (подготовка к участию в деятельности общества и усвоение политической и общественной ответственности гражданина)

* задача отношения к имени как чувственно-телесному переживанию решается в начале подросткового возраста

Результаты исследований свидетельствуют, что принцип формирования навыков здорового образа жизни у подростков и молодежи, положенный в основу большинства программ профилактики, не соотносится с ценностями подросткового возраста. Ценность «здоровье» для подростков в том, что его наличие дает уверенность в себе, способствует самореализации, дает возможность рисковать, помогает в решении проблем и не зависит от взрослого. «Здоровый образ жизни» оценивается подростками как не имеющий смысла (т.е. не актуальный в подростковом возрасте); соблюдение правил ЗОЖ не связано с риском, ограничивает поведение и поэтому не ведет к самореализации [Лисецкий, Литягина, 2003; 2004; Литягина 2004]. Любое ограничение подросток оценивает как «покушение» на собственную взрослость, что вызывает реакцию протеста. Часто естественные особенности развития подростков в период взросления, прежде всего, противоречивость, расцениваются взрослыми как личностные нарушения. При таком подходе неудивительно, что учащиеся подросткового возраста, как правило, пополняют категорию «детей группы риска». Профилактика, как правило, связывается с термином «формирование» (навыков здорового образа жизни, конструктивного общения, преодоления стрессовых ситуаций и др.), т.е. предполагается отсутствие в личности подростка каких-то качеств, дефицит навыков, неверные жизненные ориентации и др. Воспитывающие взрослые практически не помогают подростку решать специфически психологические задачи взросления. В итоге подросток взрослеет вопреки взрослому миру,

используя известные и доступные для себя способы – курит, необоснованно рискует и др.

В период взросления физическое развитие обычно опережает социальное, вызывая при этом гиперчувствительность во всех важных сферах жизни. Там, где подросток не справляется с ситуацией, в его поведении появляется реактивность. Задача воспитателей – научить подростков трансформировать реактивность в личностную активность и актуализировать устремления.

Адекватно используя энергию и сопротивление реактивности, можно содействовать в решении задач взросления. Если подросток переживает ощущение «Я МОГУ решать свои задачи САМ», он будет доверять себе, верить в собственные силы. А человек, доверяющий себе, – доверяет миру [Скрипкина, 1998]. Подросток осваивает ценности взрослого мира, не теряясь в нем, а приобретая ощущение уникальности и неповторимости собственного Я, которое переполнено желаниями и активностью в поисках проверки своих возможностей.

1.3. Феномен «подростковой» фиксации и возрастной регрессии к подростковой ступени развития.

Анализ представлений о наркотической зависимости, формирующихся в исследованиях клиницистов и психологов, не оставляет сомнений в том, что проблему детерминации наркотической зависимости личности невозможно решить, игнорируя отношения индивида к наркотику и эффектам, связанным с его употреблением. Так мы переходим к идее субъектной детерминации наркотической зависимости личности. Предпосылки и логика обоснования этой идеи раскрывается в следующих рассуждениях.

Искать единственную причину употребления людьми наркотических веществ малопродуктивно. Наркотическая зависимость легче всего возникает у подростка не тогда, когда его жизнь невыносимо тяжела, и не тогда, когда она легка (и потому бывает скучна), а тогда, когда он переживает в себе избыточные возможности, открывает в

себе другой «формат» своей личности, позволяющий ему расправляться как с тяжестью, так и со скукой в своей жизни [Научно-методические основы, 2000].

Наркотики в буквальном смысле «отдают» судьбу каждого в его собственные руки. Но это уже проблема личного выбора варианта отношения к себе, к другим, к окружающему миру [Лисецкий, 2002].

Единственный мотив в ситуации выбора, который может быть выражен однозначно – ЗАХОТЕЛ. Человеку всегда, даже в счастливые мгновенья, не хватает чего-то, чтобы еще лучше себя почувствовать.

Мы предприняли попытку разобраться в некоторых особенностях субъективного выбора подростка, его «хотении хотеть», в неисчерпаемом желании испытать себя, даже если это осуждается окружающими или опасно для жизни. Дело даже не в том, что «запретный плод так уж сладок», и не в том, что подростку вдруг стало нечем себя занять, а в том, что ситуация, в которой есть множественность исходов, дает шанс подростку на преодоление себя, на переживание личностной целостности.

Психология зависимости от наркотических веществ становится принципиально важной, когда речь идет о «срывах» после длительного неупотребления (ремиссии). Почему возникают срывы? Как их предотвратить в условиях, когда физическая зависимость и абстинентный синдром полностью отсутствуют? Каким образом личностно-психологические особенности человека становятся первопричинными в отношении биологических и социальных оснований употребления наркотиков?

Медицинская наука и практика придерживаются объективных методов и показателей в лечении больных. Иначе быть и не должно. Однако, когда речь заходит о низкой результативности наркологической помощи, то все специалисты высказывают обвинения в адрес «плохих» личностных качеств своих пациентов. «Бессубъектный» в начальный период лечения больной после неудачного лечения объявляется субъектом своего активного, чуть ли не сознательного «невыздоровления», а наркомания – неизлечимой болезнью. Неизлечимость

наркоманов обосновывается их психопатиями, особенностями (акцентуациями) характеров, искаженными представлениями о себе, низкой самооценкой, преобладанием гедонистических установок, недооценкой вреда наркотиков, положительным отношением к легальным наркотикам, затруднениями в общении, стремлением зарабатывать на распространении наркотиков, несформированностью высших эмоций, личной незрелостью, стремлениями искать защиту у окружающих, неспособностью принимать рациональные решения и контролировать себя, привычкой избегать жизненно важных проблем. Все это может послужить поводом для употребления наркотиков. Но тогда получается, что первопричиной наркомании нужно признать «неидеальность» человека. По медицинским показателям только у идеального человека нет повода для употребления наркотиков.

Изучая поведение наркозависимых в условиях стационара, мы обнаружили большое количество аргументов в пользу психической детерминации самочувствия наркомана даже в периоды острой абстиненции, то есть в период усиленной биологической детерминации. Известно, что в состоянии «ломки» возникают нарушения сна, пищеварения, функционирования слизистых оболочек, терморегуляции организма и др. В таких случаях говорят, что «больной не может найти себе места». Однако на практике приходится сталкиваться с явлениями, которые не вписываются ни в одну из биодетерминистских концепций. Например, если наркоману, находящемуся в «ломке», удастся раздобыть деньги, даже если у него нет в данный момент возможности приобрести наркотики, то лишь представление о том, как он приобретет их потом, завтра, когда-нибудь, – снимает признаки болезненного состояния. Выходит, что абстиненция иногда зависит от психологического настроения личности не меньше, чем от обезболивающих таблеток. Если это так, то психология зависимости заслуживает более глубокого изучения.

Приведенные примеры – вовсе не уникальные случаи психологического обезболивания. В некоторых центрах реабилитации наркозависимых часто используют духовно-ориентированные практики пси-

хологической помощи для уменьшения физических страданий, особенно на этапе отказа от наркотических веществ. Нам известно множество фактов, когда болевые ощущения «исчезали» или вовсе не появлялись в условиях переживаний трансперсонального характера.

Человек – предмет взаимодействия двух разнородных, противоречащих друг другу источников: природного и культурного. Синтез природного и культурного (организмического и социального) создает «новые единицы» бытия человеческого Мира – мир Отношений. Эти отношения являются основой существования и дальнейшего развития человеческой личности. Если синтез осуществляется в условиях сложного, противоречивого, с точки зрения личности, выбора (в ситуации неопределенности, непредрежденности, риска), то мы говорим о проявлении человеком своей субъектности, об акте его личностного самоопределения. Если личность человека в какой-то мере психофизична, то его соматика в той же мере личностна.

В связи с этим мы предлагаем понимать проблему злоупотребления наркотическими веществами как проблему личности, употребляющей наркотики в определенном социальном контексте, когда общество и культурная среда реагируют на это весьма противоречиво. Личность и социум имеют источники собственной активности и при определенных условиях могут становиться причинами изменений самих себя. Наркотическую зависимость мы будем понимать как форму отношений «Личность – наркотик», а также как форму взаимоотношений субъекта с самим собой.

О взаимосвязи умственных, эмоциональных и волевых процессов с физическими действиями человека известно давным-давно. Еще в XIX веке И.М. Сеченов подробно описал взаимовлияние «чувствования» (невидимого извне психического процесса) и «действия» (внешне наблюдаемого физического движения). Будучи различными по происхождению, они сопровождают друг друга до момента завершения человеком своего действия и «разрядки» чувства. Когда «разрядка» чувства и окончание действия совпадают, человек переживает

состояние удовлетворения. Когда они не совпадают, снижается мотивация к дальнейшему действию.

«Чувствование» выполняет сигнальную функцию для «действия». Оно непрерывно посылает сигналы обратной связи в мозг человека, обеспечивает ему различение ситуативной динамики пространственно-временных изменений и возможность отличать одно мгновение от другого.

«Чувствование» имеет свой онтологический статус. Это легко заметить в случаях, когда человек вынужден делать то, что не хочет, или то, что ему неприятно. Сознание может «нашептывать» различные мотивы, но обмануть «чувствование» на протяжении всего «действия» ему удастся редко. Действие наперекор своим чувствам не бывает успешным. Противоположные чувства вызывают в теле дополнительные напряжения и усталость.

Активационная теория Линдсея–Хебба раскрывает влияние ретикулярной формации нижней части ствола головного мозга на эмоциональное состояние человека. Эмоции возникают вследствие нарушения и восстановления равновесия в соответствующих структурах центральной нервной системы [Изард, 1980].

Эмоции регулируют психическую активность человека, оказывая на нее вполне определенное влияние в зависимости от характера и интенсивности эмоционального переживания. Д.О. Хебб экспериментальным путем получил кривую, выражающую зависимость между уровнем эмоционального возбуждения человека и успешностью его практической деятельности. Между эмоциональным возбуждением и эффективностью деятельности человека существует криволинейная, «колоколообразная» зависимость.

Для каждого человека (а в целом и для всех людей) имеется оптимум эмоциональной возбудимости, обеспечивающий максимум эффективности в работе. Оптимальный уровень эмоционального возбуждения, в свою очередь, зависит от многих факторов: от особенностей выполняемой деятельности, от условий, в которых она протекает, от индивидуальности включенного в нее человека и от многого

другого. Слабое эмоциональное возбуждение не обеспечивает должной мотивации деятельности, а слишком сильное разрушает ее, дезорганизует и делает практически неуправляемой.

Возбуждение усиливает или ослабляет мотив. Но, по результатам исследований Д.О. Хебба, и мотив усиливает или ослабляет возбуждение. Это позволяет нам говорить о взаимосвязи побуждений и возбуждений человека, побуждений, направленных на поиски оптимального в конкретной ситуации возбуждения.

До сих пор не получил окончательного ответа вопрос о том, каков этот оптимальный уровень. Некоторые сторонники данной концепции считали, что оптимальный уровень, к которому стремится организм, – некий нулевой уровень. Однако факты говорят о том, что это не так, поскольку некоторые виды раздражителей мы, несомненно, активно ищем сами. Например, такие, как вкус сладкого, сексуальные заигрывания, спортивные тренировки или захватывающие дух аттракционы. Эти действия не имеют смысла, если стремиться снизить уровень возбуждения или избежать стимуляции.

Люди изобрели много способов испытывать парадоксальные удовольствия от страха и опасности. Похоже, что переживание удовольствия от решения не необходимой, не навязанной извне задачи уже является наградой. Люди приобретают загадки-головоломки, решают кроссворды и анаграммы в газетах, а также другим бесконечным множеством способов, часто весьма экстремальных, усиливают свою активность вместо того, чтобы постараться снизить ее, сэкономить свою энергию. Например, прыжки с парашютом с высотных зданий требуют огромных эмоциональных затрат.

Эти факты говорят, что оптимальный уровень возбуждения, вероятнее всего, находится выше нуля. Если же мы находимся значительно выше этого уровня, мы пытаемся снизить стимуляцию своей активности.

Каков же оптимальный уровень? Меняется ли он от мотива к мотиву? Для чего люди «охотятся» за дополнительными стимулами? Чтобы достигать оптимального уровня возбуждения, люди изыскива-

ют разные способы. Поиск стимуляции может привести к радикальным изменениям уровня возбуждения с помощью употребления наркотиков.

Можно говорить о перманентно присущей человеку потребности улучшать свое состояние. Психоактивные вещества обладают в этом смысле значительными, хотя и специфическими возможностями. Мы бы сказали «возможностями, изменяющими возможности». Проясним нашу мысль.

Вопрос о том, как возникают у человека новые возможности, всегда интересовал исследователей различных философских и психологических школ. Избыточные возможности приносят человеку любовь, вера, вдохновение, устремления, состояние «потока», различного рода измененные состояния сознания (ИСС) и др. От остальных сфер индивидуальной активности человека их отличают самоценность, способность сообщать смысл всему происходящему во внешнем и внутреннем мире человека, переживание личностной целостности и самопричинности. При помощи ПАВ появляется суррогатная возможность преднамеренно изменять психическое и физическое состояние человека, регулировать непосредственно нерегулируемое самочувствие, снижать онтологическую энтропию мотивационной сферы, «утолять жажду» психологической целостности.

Психические состояния – наименее изученная сфера психологии. Понятие «состояние» относят к характеристике системы, отражающей ее положение относительно координатных объектов среды.

Психическое состояние индивида (невидимое, непосредственно не наблюдаемое) может быть зафиксировано его сознанием на определенный момент времени как интегральное ощущение: благополучия – неблагополучия, комфорта – дискомфорта и т.п. в тех или иных подсистемах организма или всего организма в целом.

Недостаточная изученность психических состояний ограничивает возможности их диагностики, прогноза развития или устойчивости, затрудняет учет влияния состояний на поведение, деятельность, межличностные отношения людей. Остаются недостаточно исследован-

ными социальные и социально-психологические причины изменений различных (благоприятных и неблагоприятных) состояний.

В психологии развивается несколько направлений исследования психических состояний. Описанию психических состояний уделяли внимание классики психоанализа З. Фрейд, К.Г. Юнг. Общие представления о психических состояниях нашли отражение в работах отечественных ученых Н.Д. Левитова, Т.А. Немчина, В.Н. Мясищева, В.А. Ганзена и других. Проблемами регуляции и саморегуляции функциональных состояний занимались В.Л. Марищук, П.Я. Шлеман, Е.П. Ильин, Л.Г. Дикая и др. Эмоциональные состояния изучали М. Аргайл, А. Кемпински и др.; активационные состояния возбуждения, вдохновения – Б.М. Теплов, Н.В. Гончаренко, В.Д. Шадриков; состояния скуки и апатии – Л.П. Гримак; состояния пресыщения, переутомления, сна – К.К. Платонов, Е.Г. Ильин, А.М. Вейн; состояния напряженности, фрустрации, стресса – Т.А. Немчин, Э.И. Киршбаум, Г. Селье и др.

Психические состояния многомерны. Они могут рассматриваться как система организации психических процессов, как субъективное отношение к отражаемому явлению, как механизм оценки отражаемой действительности. Изменение психического состояния непосредственно в процессе деятельности проявляется в виде смены субъективного отношения к отражаемой ситуации или смены мотивов по отношению к решаемой задаче. Состояние – форма саморегуляции психики, это важнейший механизм интеграции человека как целостности. В состоянии отражается единство духовной, психической и телесной организации человека.

К детерминантам состояния принято относить потребности, возможности, условия среды. Состояние – посредник между мыслью, чувством и телом.

Сознание и самосознание выполняют регулирующую роль в отношении психических состояний человека. И, если исходить из самоочевидного факта изменения сознания индивида под действием наркотика, то невозможно найти объяснений тому, что сознание наркоза-

висимых изучено крайне слабо. В связи с этим еще раз выскажем, хотя и другими словами, одну из наших гипотез: **наркотик выполняет в отношении психических состояний человека регулирующую роль тогда, когда сознание и самосознание личности неспособны выполнить такую функцию в полном объеме.** Наркотик приобретает некоторые функции субъекта. Но принимать наркотик или не принимать – решает не наркотик, а индивид, обнаруживший возможность более эффективной саморегуляции с помощью наркотика. В этом, собственно, и заключается субъектная детерминация наркотической зависимости личности. К сожалению, и сегодня остаются малоразработанными вопросы обусловленности состояний сознанием личности – осознанием своих отношений с миром живой и неживой природы, осознанием отношений с миром людей (с обществом в целом, с отдельными группами, со значимыми другими), осознанием себя (восприятием, пониманием, оцениванием и принятием себя).

Внутренняя жизнь личности, ее внутренний мир чрезвычайно богаты, занимают внимание человека не меньше, а часто – больше, чем события и обстоятельства внешнего мира. Центральное место в осознании состояний занимают отношения человека к самому себе.

Одной из двух главных субъективных характеристик психического состояния человека является его «настроение». Понятие «настроение» широко употребляется, причем в обыденной речи даже чаще, чем в языке психологов. В психиатрии этот термин признается вполне инструментальным.

Согласно взглядам С.Л. Рубинштейна, настроение, в отличие от других эмоциональных образований, ЛИЧНОСТНО. «Настроение – не специальное переживание, приуроченное к какому-то частному событию, а разлитое ОБЩЕЕ состояние» [Рубинштейн, 1989].

Н.Д. Левитов понимал настроение как общее эмоциональное состояние, которое в течение известного времени окрашивает переживания и деятельность человека. Причина такого состояния человеком не всегда осознается, и в этих случаях настроение переживается как «безотчетное». «Для понимания специфичности настроения его по-

лезно сравнивать с музыкой. Именно настроение дает душевной жизни мелодию, гармонию и тембр» [Левитов, 1964]. По мнению И.М. Сеченова, детерминантами настроения являются interoцептивные ощущения («смутное валовое чувство общего благополучия или неблагополучия») и отношение человека к окружающей действительности, к самому себе и так далее в каждый момент времени.

Настроение можно считать общим смысловым контекстом всей духовной жизни и деятельности человека, оно связано со всеми переживаниями и поступками личности. В отличие от эмоций, чувств, аффектов, настроение является эмоциональной реакцией не на ближайшие, непосредственные события и ситуации, а на внутреннюю интегральную оценку их значимости для личности в контексте ее общих жизненных планов и интересов, целей и ожиданий. Психика целостна, в ней есть звенья (части), реализующие целостность ее организации (строения) – временной, пространственной, функциональной и т.д. Личностные структуры и психические состояния относятся к психическим явлениям различного временного масштаба. Существуют звенья, которые их связывают, сохраняя целостность психики. Роль такого звена, реализующего постоянное влияние личности на психические состояния, выполняет настроение.

В настроении представлены особенности телесного, душевного и духовного бытия личности. С другой стороны, настроение само оказывается отражено в них. В структуре настроения выделяются: эмоциональная составляющая, составляющая отношений, когнитивная составляющая, мотивационная составляющая и составляющая физического самочувствия. И все же, настроение – это феномен, относящийся к душевной жизни человека. То есть когнитивная, эмоциональная и мотивационная сферы личности оказывают на него сильное влияние, но эмоциональная среди них преобладает.

Эмоциональную составляющую характеризует доминирующая эмоция – чувственный фон [Мясищев, 1997]. В эмоциональный компонент входит переживание телесного благополучия – физического комфорта или дискомфорта. Настроение – в этом смысле бессозна-

тельная, эмоциональная «оценка» личностью того, как на данный момент складываются для нее обстоятельства [Рубинштейн, 1989].

Значение настроения в жизни человека трудно переоценить. Возможность произвольного управления настроением остается огромным искушением для каждого человека. Хорошее настроение, бесспорно, лучше плохого, и, возможно, поэтому трудно объяснить подростку, почему страдать лучше, чем употреблять наркотики.

Отталкиваясь от сформулированной ранее идеи субъектной детерминации наркотической зависимости личности, мы можем теперь предложить ясную картину «психомеханики зависимости».

Опиаты, в частности морфий, используемый в медицине, по своим свойствам не сильно отличаются от наркотиков, приобретаемых у наркоторговцев. Принципиальная разница в том, что в первом случае позиция потребителя выражается формулой: «Я болен, я слабее других, поэтому мне дают лекарство». Во втором – «Я – сильный, смелый, сильнее других и поэтому могу себе позволить получать запретное удовольствие». Таким образом во втором случае он – «Личность», действует на свой страх и риск, получает «награду» из собственных рук (положительное подкрепление) за проявленную смелость. Для употребления наркотиков подростку необходимо постоянно проявлять смелость и находчивость, которые объективно являются условиями индивидуального саморазвития и открытия в себе новых возможностей. Соблазн возможного столь велик, что начинает превосходить инстинкт самосохранения.

Опыт профилактической работы и исследовательская деятельность помогли нам прояснить психологический механизм возникновения и развития психической зависимости. В редуцированном виде его можно представить как стремление индивида к воспроизводству психологической целостности и переживанию избыточных возможностей за счет внешних ресурсов, поддержки и попечительства без актуализации личной ответственности.

Основой нашего понимания психической зависимости является не дефицитарность как потребностное состояние индивида, мотиви-

рующее его на поиски объекта (или его заменителя) для удовлетворения актуальной потребности, – это, скорее, относится к физической зависимости, – а стремление к получению избыточных возможностей, которыми индивид сможет распоряжаться произвольно и безответственно. В связи с этим психическую зависимость мы определяем как **стремление индивида к воспроизводству состояния целостности, могущества и воли, не имеющее причин в себе**. Именно этим можно объяснить неисчерпаемость и самовоспроизводство психической зависимости.

У индивида в ситуации неопределенности увеличивается пространство свободного выбора. Однако неопределенность усиливает беспокойство личности за последствия принятых решений. Внешняя эмоциональная поддержка, «покровительственная подсказка» снижает беспокойство, освобождая личность от ответственности за собственные действия. На самом деле такой выбор заключается в выборе безответственности. В результате расширяется пространство внешней свободы, появляются новые возможности, но при этом в личности исключаются противоборства мотивов и душевное напряжение. Воспроизводство этого состояния лежит в основе возникновения психической зависимости от чего-либо или кого-либо, особенно в период взросления личности.

С нашей точки зрения, вероятность возникновения психической зависимости у индивида определяется уровнем сформированности его личностной субъектности. Мы различаем три таких уровня: субъектный, адаптивный, инфантильный.

Общеизвестно, что эмоциональное состояние одного человека способно оказывать влияние на эмоциональное состояние другого. Настроение может изменяться на противоположное в зависимости от того, с кем приходится иметь дело или общаться. Эта особенность эмоционального реагирования на эмоциональные проявления окружающих формируется в раннем детстве. Для ребенка эмоции тех, кто о нем заботится, являются частью среды его обитания. Внешняя эмоциональная поддержка детской активности играет роль эмоциональ-

ного подкрепления экспериментальных действий ребенка. Под эмоциональной поддержкой ребенка со стороны взрослых мы понимаем однозначное проявление эмоционального одобрения, ситуативного, непосредственного, менее осознаваемого по сравнению с моральной или социальной поддержкой.

Эмоциональное сопровождение ребенка в ситуации неопределенности является средством воздействия родителей на проявление детской спонтанности. Организуя активность ребенка извне, родители обеспечивают контроль безопасности его жизни. Однако такого рода внешний контроль со временем все больше тормозит развитие внутреннего контроля. В ситуациях выбора, риска и неопределенности потребность ребенка в эмоциональной поддержке актуализируется и оказывается определяющей в принятии решений. По мере взросления необходимость внешней эмоциональной поддержки, особенно в условиях с непредрежденным результатом, может приобретать форму эмоциональной зависимости, повышая ее социальное значение и сохраняя личностный инфантилизм подростка.

На особенность эмоциональной поддержки как условия формирования зависимости человека обращает внимание Б.Д. Карвасарский. Он пишет, что эмоциональная поддержка как вид психотерапевтического воздействия в отношении зависимых индивидов может носить опасность ограничения роста их независимости [Карвасарский, 1990].

Внешнюю эмоциональную поддержку индивида мы обозначили как «внешний контур», «внешнее кольцо подкрепления», контур подражания и внешней причинности. «Внутренний контур», по нашему разумению, представляет собой «кольцо самоподкрепления», самоподдержки, самоподражания. «Внутренний контур» возникает тогда, когда происходит накопление субъективного опыта самопричинного поведения, самодеятельности в условиях неопределенности. Индивид, осуществляя жизненный выбор в ситуации с непредрежденным результатом, делая это без внешней поддержки, вынужден самостоятельно (от первого лица) согласовывать внутри себя взаимоисключающие побуждения и противоречивые ценности, ответственно ста-

новясь причиной себя, своей воли и своих действий. По нашему мнению, развитие «внутреннего контура самопричинности и самоподдержки» составляет содержание процесса взросления личности и условие становления ее субъектности.

Значение субъективной системы самоподдержки всякий раз возрастает пропорционально величине неопределенности конкретного жизненно важного выбора индивида, если он оказался без внешней поддержки в условиях конфликта побуждений и ценностных ориентаций.

Хорошо известно, что дети могут вести себя наперекор желаниям и эмоциональной поддержке своих родителей. В нашей работе такой вид отношений мы не рассматриваем, поскольку в них нет неопределенности и непредсказуемости результатов свободного выбора как для детей, так и для их родителей. Положительная или отрицательная эмоциональная поддержка все равно остается внешней детерминантой поведения для ребенка. В детском возрасте эмоциональная поддержка взрослых соединяет в себе и моральную, и социальную, и интеллектуальную. В подростковом возрасте моральная, социальная, интеллектуальная поддержки должны постепенно дифференцироваться и отделяться от эмоциональной. Сохранение их первичной слитности становится помехой в развитии самостоятельной личности подростка. «Законсервированная» слитность «поддержек», часто противоречащих друг другу, усиливает потребность в эмоциональной поддержке даже у взрослого человека, воспроизводя в нем эмоциональную зависимость от окружающих в ситуациях жизненно важного, ответственного выбора.

Отождествление эмоциональной, социальной, интеллектуальной и моральной поддержки в подростковом возрасте вносит путаницу в понимание самостоятельного, взрослого, ответственного, социально-ориентированного поведения, способствует возникновению новых внутриличностных конфликтов, «двойных зажимов» взаимоисключающих мотивов и ценностей.

В когнитивной сфере подростка эмоциональная зависимость проявляется в представлениях о себе, как о слабом, неуверенном, неспособном (на фоне восприятия других как сильных и влиятельных). Зависимость обеспечивает подростку чувства безопасности, защищенности и уверенности при их значительной внутриличностной недостаточности. Мотивационную сферу такого подростка определяет активность, направленная на поиски покровителя, внешнего руководства, а не личного опыта.

В ситуациях, требующих самостоятельного поведения, эмоционально зависимые подростки испытывают сильное чувство тревоги, особенно при наличии внешних оценок, страх собственной несостоятельности или несоответствия чужим ожиданиям. Стремление к внешнему одобрению, даже противоречащему собственным представлениям и чувствам, характеризует поведение эмоционально зависимых подростков. Развитие эмоциональной независимости в подростковом возрасте вовсе не подразумевает разрушения привязанностей, любви, уважения к окружающим. Эмоциональная независимость предполагает становление личностно-психологической системы индивидуальной самоподдержки, а не протестного поведения. Независимость мы рассматриваем как синоним взрослости, целостности, ответственности, а не негативизма и упрямства. Независимость – стремление самостоятельно и ответственно разрешать или согласовывать значимые противоречия, возникающие в процессе жизни.

Отсутствие системы самоподдержки, внутреннего контура самоподкрепления, «субъектная недостаточность» являются, как показали наши исследования, психологической основой возникновения различных видов зависимости у подростка, в том числе и наркотической. Некоторые авторы интерпретируют «дефицит субъектности» в терминах «выученной беспомощности» (В. Ротенберг, 2002), недоверия к себе (Т.П. Скрипкина, 1998), конфликтности, психологической неустойчивости, «онтологической неуверенности» (Р. Ленг, 1995), «внешнего локуса контроля» (Д. Роттер) и др. Понимание психологического

механизма различного рода негативных зависимостей способствует повышению результативности профилактической работы.

Опираясь на многочисленные исследования проблем наркотизма, мы провели сравнительный анализ психологических факторов наркориска и защиты личности (предпосылок употребления и сдерживающих побуждений) в отношении употребления наркотиков. Результаты сравнительного анализа показали количественное и качественное преимущество первых над вторыми. К сожалению, мотивы употребления выглядят в глазах подростка привлекательнее и даже позитивнее, чем мотивы сдерживания.

В качестве сдерживающих факторов оказываются в основном страхи, т.е. чувства, по определению, непривлекательные: страх неизвестности; страх наказания; чувство вины; страх перед милицией, судом, лишением свободы; страх заразиться, заболеть; страх потерять друзей; попасть в зависимость (наркотическую или финансовую); лишиться денег или других ценностей.

Страхи, как правило, носят сковывающий характер, а это значит, что они могут стать для личности постоянно действующим мотивом к освобождению от них. После первого же употребления наркотических веществ большинство страхов бесследно исчезает. Таким образом, получается, что чем больше страхов и чем они сильнее, тем контрастнее освобождение от них в состоянии наркотического опьянения. Тем более, что после такого рода переживаний у подростка больше не остается сдерживающих от употребления наркотиков мотивов (факторов защиты), кроме субъектности, кроме системы внутриличностной самоподдержки. Это все, что он может от себя лично противопоставить факторам риска, таким как: любопытство в отношении нового, неизвестного, запретного; чувство постоянной генерализованной неудовлетворенности и эмоциональной неуравновешенности; психологические нагрузки; несогласованность чувств, мыслей и действий; репродуктивная протестность и подростковый негативизм; ранимость; желание превзойти себя и других; одиночество; безответственность, беспечность, неосторожность; криминальная роман-

тика; возможность легко и много зарабатывать на продаже наркотиков; необходимость проявлять адаптивный конформизм; доступность средств снятия душевной и физической боли; получение опыта, неизвестного родителям, и значит – «возможность встать над ними»; «разрешение» многих внутриличностных конфликтов; искушение новыми психическими и физическими возможностями; желание быть причиной себя, своего могущества, целостности и воли.

Противостоять всему этому невозможно, если в условиях рискованного выбора подросток будет устремлен к расширению пространства своей свободы, оставаясь зависимым от внешней эмоциональной поддержки и покровительства окружающих.

Таким образом, учитывая смертельную опасность наркомании для подрастающего поколения, считаем важнейшим условием результативной психопрофилактики развитие субъектности в личности каждого подростка.

Это не самоцель, а способ содействия взрослеющей личности в формировании ее системы внутриличностной самоподдержки, или, говоря языком А. Лоуэна, ее «укорененности» в бытии, «онтологической уверенности».

Для теоретического обоснования такого подхода принцип психологической сообразности явно недостаточен. Его необходимо дополнить принципом онтологической субъектности, т.е. принципом саморазвития бытийствующего (чувственно-телесного) субъекта. Практически, речь идет о создании методики содействия подросткам в решении их онтологических задач взросления.

Движущей силой этого процесса является рассогласованность между физической (чувственно-телесной) представленностью подростка в себе и в мире и его социально-экономической ограниченностью. Ограничение развития самопричинных переживаний подростка, автором которых мог бы являться он сам, тормозит развитие его субъектности, фиксирует инфантилизм и потребность во внешнем покровительстве.

Названное противоречие в период взросления является главной причиной возникновения и фоновой характеристикой состояния генерализованной неудовлетворенности индивида, условием повышения онтологической энтропии личности в ситуациях неопределенности.

Индикатором онтологической энтропии (неопределенности бытия и самобытия) субъекта в каждой конкретной ситуации является динамика рассогласованности его «Я-концепции». Эта динамика задается стремлением личности к психологической целостности и соответственно влияет на выбор средств для ее (целостности) постоянного восстановления или поддержания. Используемые для этого средства подразделяются на собственные и заимствованные извне. За собственные приходится отвечать перед собой, за заимствованные ответственность перекладывается на тех, кто эти средства предоставляет.

Состояние психологической целостности так же важно подразделить на собственное и заимствованное. Оба эти состояния всегда реально проявляются и переживаются в чувственно-телесной сфере личности. В когнитивной сфере состояние психологической целостности интерпретируется на языке физики и изобилует энергетическими характеристиками, например: «пропало внутреннее напряжение», «увеличилась внутренняя сила и мощь», «вырос потенциал», «возник новый заряд», «появилась душевная и физическая наполненность».

Хотим обратить внимание на то, что состояние собственной и заимствованной целостности описывается одинаково, хотя источники этих состояний принципиально разные. Принципиально разными являются и последствия каждого факта восстановления собственной или заимствованной целостности. При восстановлении собственной целостности индивид взрослеет, его личность онтологически укореняется. При заимствовании положительно подкрепляется инфантилизм и недоверие личности к самой себе.

Внутреннее противоборство суверенных «Я-образов» («частных Я») в личности подростка способствует не только увеличению его онтологической энтропии (само-неопределенности), но и сопровождает-

ся ухудшением его самочувствия, настроения, чувственно-телесной конгруэнтности, возникновением неврозоподобных реакций. Если два или более «частных Я», мотивов или личных ценностей подростка блокируют друг друга в ситуации неопределенности, исключая выбор или синтез между ними, возникает внутриличностный конфликт, который переживается как психологический тупик и потеря целостности. Выше мы уже называли три варианта выхода из такого рода ситуаций: инфантильный, адаптивный, субъектный. Однако главный и наиболее ценный вывод, к которому мы пришли в процессе нашей научно-исследовательской работы, заключается в том, что наркотизацию подростка определяет не наличие душевного кризиса, не обострение внутриличностного конфликта, не психологический тупик, и даже не генерализованная неудовлетворенность, а сложившийся в детстве и сохраняющийся в подростничестве невзрослый способ выхода из такого рода переживаний. Подобные ситуации хорошо описаны Г. Бейтсоном как ситуации «двойного зажима»: они возникают тогда, когда два внешних коммуникативных послания, адресованные ребенку, взаимоисключают друг друга [Бейтсон, 2003]. Д. Гален, вслед за Г. Бейтсоном, говорит об этом феномене значительно жестче. По его мнению, сознание человека, который попадает в ситуации подобного рода, может быть подвержено разрушительным воздействиям. Под разрушением сознания Д. Гален понимал утрату целостности, расщепление, подобное шизофреническому, возникновение независимости в деятельности полушарий головного мозга. Мозг человека при получении по двум разным коммуникативным каналам противоречивой информации может утратить согласованность в работе правого и левого полушарий. Отношения сотрудничества между ними приобретают форму конкурентной борьбы. В детстве эти противоречия разрешаются за счет внешней эмоциональной поддержки взрослых, за счет привлечения чужой воли, которая отсутствует в ребенке. Именно поэтому главной причиной возникновения зависимого поведения мы считаем неразвитую самопричинность. Это еще раз подтверждает нашу точку зрения о том, что причиной наркотизации под-

ростка может стать любая из его жизненно важных проблем, любой конфликт или затруднение.

Переживание себя в качестве причины происходящего как самопричинной активности и самоочевидной воли субъективно обнаруживается при наличии избыточных возможностей в ситуации неопределенности. Это переживание сопровождается чувством «онтологической укорененности» и состоянием целостности индивидуального «Я». Трудно себе представить состояние более привлекательное, ненасыщаемое и самоценное, чем это.

Это наводит нас на мысль о том, что стремление к целостности для индивидуального «Я» может быть важнее морали, нравственности и даже права. Стремление к целостности может служить косвенным объяснением распространенного парадокса улучшения самочувствия и настроения у некоторых людей в результате совершения правонарушений или каких-либо неблагоприятных поступков. В таких случаях вместо объективной рефлексии случившегося или появления раскаяния возникает состояние бодрости и удовлетворенности произошедшим. Употребление наркотиков подкрепляет это переживание, защищает личность от возникновения самоосуждения или чувства вины, избавляет от состояния внутренней борьбы – самого нежелательного состояния человека, «возвращает» желанную целостность.

Таким образом, зависимость от наркотических веществ характеризуется самоценной, ненасыщаемой формой личностной активности, является средством локализации генерализованной неудовлетворенности, достижения состояния избыточных возможностей человека, даже в условиях снижения доверия к самому себе. Одна из ее основных функций – компенсация недоверия к себе, к своим возможностям, разотождествление с ответственностью, а значит – и с субъектностью. Зависимость прямо или косвенно завязана на потребности в снятии ограничений и освобождении чувств, на возвращении чувства целостности любой ценой.

В наших исследованиях мы отстаиваем, логически и эмпирически обосновываем идею о субъектной детерминации наркотической зави-

симости личности. Наша исследовательская позиция в значительной степени формировалась не только в процессе практической работы с подростками, в результате осмысления научных источников по проблеме, но и на основании анализа классических и современных теорий развития личности.

Выводы по первой главе

1. Современное состояние исследований наркозависимости характеризуется разнообразием подходов, недостаточностью теоретических обобщений и значительным количеством эмпирических данных, которые, во-первых, не всегда могут быть однозначно интерпретированы, а, во-вторых, нередко носят противоречивый характер.

2. Для психологических исследований наркомании, по сравнению с исследованиями клиницистов, в большей степени характерна попытка системного анализа феномена зависимости. Проявления наркотической зависимости на разных уровнях (физиологический, психологический, личностный, социально-психологический, социальный) изучаются в неразрывной связи друг с другом, как различные аспекты целостного феномена.

3. В исследованиях проблем наркотической зависимости личности нередко обнаруживается логическая ошибка: детерминанты наркотической зависимости фактически подменяются детерминантами употребления наркотических веществ.

4. Несмотря на значительный корпус научных исследований проблем наркотизма и наркомании, недостаточно исследованными остаются:

- трансформация зависимостей, переход индивида от одного вида зависимости к другому;
- влияние отношений в семье на динамику наркотической зависимости личности (созависимость);
- динамика личности в условиях наркотизма;

- влияние наркомании на динамику семейных подсистем: супружеская пара, sibсы и т.д.;
- психологическая сущность психической зависимости при наркомании;
- условия перехода наркотизма в наркоманию;
- особенности сознания наркозависимой личности;
- условия эффективности превентивной практики в сфере наркотизма.

5. Психосемантические исследования сознания индивидов, употребляющих наркотики, показали актуальность нерешенных задач взросления. Семантические пространства, отражающие структуру индивидуального сознания наркозависимых взрослых и подростков, имеют сходное строение и отражают неразрешенные задачи подросткового возраста. Эффекты наркотического опьянения восполняют личности дефицит субъектности.

6. Жизненная ситуация подростков, не употребляющих наркотики, характеризуется большей неопределенностью. Употребление наркотиков в старшем подростковом возрасте обеспечивает форсирование достижения личностной идентичности. Субъективно психоактивное вещество воспринимается подростком как средство обретения желаемых личностных качеств. Однако, поскольку употребление наркотика не разрешает онтологических задач взросления, а только снижает их напряженность, подросток снова и снова вынужден прибегать к наркотикам для поддержания иллюзорного состояния идентичности.

7. Взрослые наркоманы живут в условиях нерешенных задач взросления подросткового возраста. Семантические пространства, отражающие структуру индивидуального сознания наркозависимых взрослых и подростков, имеют сходное строение и отражают неразрешенные задачи подросткового возраста. Наркотик восполняет личности недостаток субъектности, на что указывает близкое расположение образов «Я под действием наркотика» и «Идеальное Я».

8. Подростки, не употребляющие наркотики, оказываются в ситуации меньшей личностной определенности, чем наркозависимые подростки.

9. Употребление наркотиков в старшем подростковом возрасте способствует достижению личностной идентичности. Подросток воспринимает психоактивное вещество как средство обретения желаемых личностных качеств.

10. Само по себе употребление наркотиков не разрешает психологических (онтологических) задач взросления, поэтому подросток снова и снова вынужден прибегать к наркотикам, чтобы избавляться от генерализованной неудовлетворенности и поддерживать иллюзорное состояние идентичности.

11. Существует устойчивое противоречие между общепринятыми «взрослыми» представлениями о ценностях подросткового возраста и реальными ценностями периода взросления.

12. Здоровый образ жизни в том смысле, как его понимают взрослые (отсутствие наркотиков, ограничение потребления табака и алкоголя, здоровое питание, соблюдение режима дня и др.), ограничивает самопознание подростка. Он может формально согласиться с задачами, поставленными ему взрослыми, но реально будет поступать в соответствии с собственными задачами взросления.

13. У детей и подростков от 7 до 18 лет здоровье не включено в систему значимых ценностей, достижение которых способствует переживанию счастья. Потребность в здоровье своем и своих близких возникает в возрасте 20-35 лет, а ведущей оказывается у людей в возрасте 65-75 лет. Молодые люди 20-35 лет рассматривают здоровье как один из необходимых источников материальной обеспеченности. Для пожилых людей здоровье ценится как само по себе, так и за то, что позволяет поддерживать более широкие межличностные связи.

14. В исследованиях наркотической зависимости можно констатировать нарастающее противоречие между значительным объемом эмпирических данных и невозможностью их адекватной интерпретации в рамках существующих теоретических подходов. Преодолеть

отмеченное противоречие возможно, если в изучении зависимости перейти от синдромологической и причинной установки к идее субъектной детерминации зависимости, реальной альтернативой которой является взросление. Такой подход задает фундаментальные основания онтосубъектного подхода, основными образующими которого являются концепция мультисубъектной личности, онтологические задачи взросления и субъектная детерминация наркотической зависимости.

ГЛАВА 2. «ВЗРОСЛЕНИЕ» КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЗАВИСИМОСТИ

2.1. Понятия «взрослость», «взросление»: теории развития личности

В современной психологии нет недостатка в теориях возрастного развития. Даже если круг анализируемых теорий сузить, исходя из объекта нашего исследования, и ограничиться только рассмотрением круга идей, посвященных взрослости как феномену и взрослению как процессу обретения взрослости, то и тогда это потребовало бы самостоятельного, причем, значительного исследования. Еще больше сузим зону поиска: понимая взрослость как «онтологическую укорененность» личности, его важнейший, на наш взгляд, атрибут – субъектность.

Что представляет собой развитие субъектности подростка в процессе его воспитания? Ответ на этот вопрос открывает возможности дальнейшего движения, а именно трансляции вопроса о сущности субъектности в подростковом возрасте в сферу практической психологии: как можно практически содействовать подростку в развитии его субъектности.

Мы, вслед за В.А. Петровским, определяем субъектность как ответственную самопричинность, рассматриваем ее развитие как непрерывное условие взросления личности. Психологическое взросление личности не возникает само по себе, как физическое созревание (рост), оно может возникать только при условии саморазвития личности. Как уже говорилось ранее, понятие «развитие личности» близко по смыслу понятию «взросление личности», однако они не тождественны. Во-первых, взросление невозможно без развития личности, тогда как развитие некоторых личностных качеств возможно без взросления. Во-вторых, взросление – это всегда рост личной ответственности, тогда как развитие личности может происходить только за счет появления новых свойств и отношений с окружающим миром. Разви-

тие личности может быть деструктивным, патологичным, односторонним, инфантильным, чрезмерно адаптивным, тогда как взросление всегда интегративно, целостно и проявляется в субъектном, ответственном поведении человека. В нашем понимании, взросление личности мало связано только с количественным накоплением тех или иных сознательных навыков. В качестве «единицы взросления» мы выделяем либо самостоятельное и ответственное решение личностью мотивационного или ценностного жизненно важного конфликта, либо решение онтологически значимых задач собственного взросления с последующей рефлексией событий и последствий.

Мы полагаем, что ни что иное, кроме накопления личностью своего субъектного опыта, не может стать основой системы внутриличностной самоподдержки и содержанием процесса взросления. Если же подросток не сможет синтезировать свой субъектный опыт в процессе саморазвития, то в дальнейшем он останется эмоционально зависимым от внешней поддержки и оценки, «субъектно недостаточным», «онтологически неукорененным», нуждающимся в покровительстве и контроле извне, останется невзрослым.

К сожалению, такое поведение нередко встречается среди людей зрелого и пожилого возраста. Хотя можно найти немало примеров, когда осознанное и ответственное поведение встречается в младшем подростковом возрасте.

Как правило, проявление субъектности предполагает наличие спонтанных действий в поведении личности. Однако хотим предупредить о принципиальных различиях спонтанности и безответственности. Спонтанность свойственна более самостоятельным и ответственным людям, тогда как безответственность чаще проявляют люди демонстративные и эмоционально зависимые [Петровский, 1996]. Заметим, что в словосочетании *спонтанные действия* характеристикой субъекта является не только спонтанность, но и действенность. Как убедительно доказала в своем исследовании Э.В. Сайко, «сутью субъекта является его действенность». Следовательно, взросление – это не только самопричинность, но и действенная, активная реализация соб-

ственной самопричинности. Очевидно, что действенность, как сущность субъекта, является результатом онтогенетической и филогенетической эволюции человека. Как пишет в своем исследовании Э.В. Сайко, «субъект – это особый феномен социальной эволюции человека, сущностные характеристики которого закладывались в генезис человека» [Сайко, 2006].

Мы рассматриваем взросление как универсальный мотив, предметом которого является расширение пространства личной свободы индивида. В исследованиях С.К. Нартовой-Бочавер показана особая роль «психологического пространства личности» как специфического пространственного, временного, предметного и социального континуума, в котором происходит развитие личности [Нартовой-Бочавер, 1997].

Этот мотив на протяжении всей жизни является для человека весьма актуальным. Однако, взросление личности подростка качественно отличается от взросления хронологически зрелого человека. Взросление подростка переживается значительно острее и не всегда им синхронно осознается. Взросление – это своего рода постоянно действующая внутренняя мотивация и несознаваемое устремление. Оно всегда влечет. При этом большое значение в процессе взросления принадлежит организмической детерминации подростка, изменению его телесных функций, состояний, возможностей.

Значительное место проблема взросления занимает в отечественной психологии. Основоположник культурно-исторической теории развития Л.С. Выготский последовательно отстаивал тезис о том, что сутью личностного развития является развитие культурное. Взросление – это, с точки зрения Л.С. Выготского, овладение внутренним миром. Внешним коррелятом взросления является возникновение жизненного плана как системы приспособления [Выготский, 1991].

А.Н. Леонтьев непосредственно увязывает развитие личности и многообразие реализуемых ею деятельностей [Леонтьев, 1983]. Зерно отношений, дальнейшее развертывание которых составляет цель событий, ведущих к формированию его как личности, заключается в ис-

ходной ситуации, в которой предметная деятельность ребенка приобретает орудийную структуру, а общение становится речевым, опосредованным языком.

Многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный «центр личности», который мы называем Я, иначе говоря, центр лежит не в индивиде, не на поверхности его кожи, а в его бытии.

Заметим, что структурно-содержательные характеристики развития личности изучены в исследованиях Д.И. Фельдштейна, динамические – в работах Д.Б. Эльконина (периодизация психического развития в детском возрасте), социально-психологические – в исследованиях А.В. Петровского (теория коллектива), культурно-исторические – в работах А.Г. Асмолова, нравственные и духовные – в работах Б.С. Братуся, психолого-педагогические – в исследованиях В.И. Панова и др.

Обобщение полученных в этих разноплановых исследованиях данных приводит к выводу о том, что, говоря словами Л.И. Божович, зрелая личность – это хозяин над обстоятельствами и над собой.

В явной или скрытой форме идея развития как *преодоления* присутствует во многих теориях личности. Так, А. Адлер полагал, что рост, развитие непосредственно связаны с тем способом преодоления врожденного комплекса неполноценности, который выбирает индивид. И если З. Фрейд считал, что при отсутствии препятствий в виде тревожности развитие личности происходит автоматически, то уже у Адлера развитие подразумевает усилие по преодолению комплекса неполноценности. В рамках психодинамического направления идея развития как результат сознательного и ответственного выбора индивидом собственного пути представлена в работах К. Юнга. Нужно заметить, что Юнг описывает кризис личностного развития весьма противоречиво. Так, он пишет: «... важнейшие свойства личности: определенность, целостность, созревание». Но, с другой стороны: «Во

взрослом застрял ребенок, Вечный ребенок, нечто все еще становящееся, никогда не завершающееся <...> это часть человеческой личности, которая хотела бы развиться в целостность». Таким образом, целостность не достижима, она *достигаема*. К. Юнг был одним из первых аналитиков, кто задался вопросом о том, что побуждает человека избрать собственный путь и вырваться из тождества с массой [Юнг, 1995]. По мнению Юнга, это не может быть нуждой (потребностью) и это не может быть моральным выбором. Указав, что *не может быть* побуждением к свободным и ответственным выборам, Юнг ничего не говорит о том, что *может ими быть*.

Сложность этого вопроса привела к тому, что в подавляющем большинстве теорий развития и взросления он просто не ставится.

Так Г.С. Салливан главные детерминанты развития личности усматривал в системе межличностных отношений, в контексте которых формируются основные компоненты личности: система самости, система персонализации и когнитивные процессы. Развитие для Салливана скорее адаптация и приспособление [Салливан, 1999].

Подобный взгляд на развитие мы находим у Э. Фромма. Разрабатывая свою концепцию личности, он показывает механизмы взаимодействия психологических и социальных факторов в процессе ее развития. Связь между психикой индивида и социальной структурой общества выражает социальный характер, в формировании которого ведущая роль принадлежит страху. По мнению Э. Фромма, страх подавляет и вытесняет в бессознательное черты, не совместимые с господствующими в обществе нормами [Фромм, 1998].

Близкую позицию занимает в решении подобных проблем развития личности и К. Хорни, утверждавшая, что сходства невротических личностей «вызываются трудностями, существующими в наше время и в нашей культуре» [Хорни, 1997б]. Таким образом, в рамках психоаналитического направления проблема личности как субъекта свободных и ответственных выборов, и развития, как результата таких же выборов, была только поставлена, но никак не решена.

Весьма своеобразно к пониманию роли собственной осознанной активности индивида в развитии личности подошел Л. Колберг. Опираясь на теоретические положения Ж. Пиаже, касающиеся развития интеллекта, Л. Колберг, исследовавший нравственное развитие, обнаружил, что нравственное развитие не является ни продуктом созревания, ни продуктом социализации [Божович, 1995]. Он подчеркивал, что причиной нравственного развития является собственная активность индивида в виде размышлений о нравственных проблемах. К сожалению, это весьма продуктивная, с нашей точки зрения, мысль в работах Л. Колберга не нашла своего дальнейшего развития.

Размышляя о движущих силах развития личности, К. Гольдштейн приходит к выводу о том, что для здорового организма первичной целью является формирование определенного уровня напряжения, такого, который сделает возможной дальнейшую упорядоченную деятельность [Гольдштейн, 1933].

Успешное обращение со средой часто включает определенную долю неуверенности и шока. Здоровый самоактуализирующийся организм часто вызывает такой шок, входя в новые ситуации ради использования своих возможностей.

Дальнейшее развитие идеи К. Гольдштейна получили в исследованиях А. Маслоу, полагавшего, что развитие личности это процесс ее самоактуализации, и в работах Г. Олпорта, считавшего, что личность представляет собой развивающуюся и открытую систему, особенностью которой является стремление личности к самоактуализации.

Мы отдаем предпочтение термину «взросление личности», «взрослость», а не понятию «созревание личности», «зрелость». В психолого-педагогической литературе понятие «зрелость» и «взрослость» часто используются как синонимы. Однако, на наш взгляд, термин «взрослость» имеет больший психологический оттенок, чем «зрелость». Зрелость вызывает ассоциации скорее биологического, чем психологического характера. К тому же взросление, по мнению ряда авторов (Э. Эриксон и др.), может продолжаться всю жизнь, т.е. до самой смерти человека. Тогда как зрелость представляет собой ха-

рактику более завершенного процесса. Если развитие человека понимать как отбор реакций на среду, созревание – как участие в динамическом равновесии со средой, то взросление человека представляет собой отбор реакций на самого себя.

Такое понимание взросления в большей мере соотносится с положениями всевозрастного подхода (П. Балатес), развиваемого в отечественной психологии усилиями С.К. Нартовой-Бочавер. В соответствии с этим подходом, развитие носит всевозрастной, контекстуальный характер, это процесс, имеющий историко-культурную обусловленность и выражающийся не только в приобретениях, но и потерях.

В период взросления так называемая «онтологическая энтропия» постоянно растет в связи с физическими, психическими и социальными изменениями, происходящими как в самом подростке, так и вокруг него. Взросление в этом контексте мы мыслим не как приобретение новых умений или навыков в предметной деятельности под руководством воспитывающего взрослого при наличии соответствующих образцов, а как согласование, «онтосинтез» внутриличностных противоборствующих мотивов и ценностей в условиях неопределенности, непредрежденности и субъектного выбора.

Теоретические основания для такой интерпретации взросления могут быть обнаружены, если традиционные для психологии развития проблемы рассмотреть с позиции системного и всевозрастного подхода (С.К. Нартова-Бочавер, П. Балатес).

Взросление мы интерпретируем как процесс активного снижения «онтологической энтропии» личности, как средство ее «онтологического укоренения». Близкое по смыслу понимание взрослости мы находим у Э. Берна. В одной из своих работ Э. Берн пишет: «Мы не считаем, что существуют так называемые «незрелые личности». Есть люди, в которых Ребенок совершенно некстати берет на себя управление всей личностью, но в то же время у них есть и хорошо структурированный Взрослый, которого нужно только обнаружить и привести в действие» (Э. Берн). Взросление, как его, видимо, мыслил Э. Берн – это синергичный процесс повышения структурированности

Взрослого и повышения его действенности. Образно говоря – возвращение Взрослого. Проблема, правда, заключается в том, что осуществить такое возвращение может только сам Взрослый. Следовательно, взросление может быть обеспечено только тем аспектом личности, который способен действовать «здесь и теперь», спонтанно, который способен к рефлексии и использует анализ событий как информацию для самоизменения, – то есть Взрослый.

Взросление как «онтологическая укорененность» личности формируется на основе субъектного опыта, полученного в процессе синергетического взаимодействия спонтанности и ответственности. В терминах транзактного анализа это положение, выражающее суть нашей позиции, может быть переформулировано следующим образом: взросление – это наращивание опыта, полученного и освоенного Взрослым в процессе и в результате спонтанных проявлений Естественного Ребенка, санкционированных Контролирующим Родителем. Накопление, освоение и осмысление опыта, полученного в результате синергичного взаимодействия Ребенка и Родителя, и есть взросление.

Взросление подростка «переполнено» переживаниями внутриличностных противоречий и взаимоисключающих побуждений.

Внутренняя противоречивость и мотивационная «расщепленность» на чувственно-телесном (организмическом) уровне переживается им как личностная беспомощность. Если подобные состояния души и тела подростка становятся хроническими, то употребление наркотических веществ может оказаться для него одной из наиболее вероятных альтернатив «плохому самочувствию». Плохое самочувствие в данном случае является результатом незавершенных столкновений в субъективном пространстве подростка взаимно уничтожающих друг друга потребностей и мотивов.

По мнению К.А. Абульхановой-Славской, способность непротиворечиво соединять все уровни регуляции деятельности и есть способность саморегуляции. Саморегуляция – это тот механизм, посредством которого обеспечивается централизующая, направляющая и активизирующая позиция субъекта. Она осуществляет оптимизацию

психических возможностей, компенсацию недостатков, регуляцию индивидуальных состояний и обеспечивает целевое и смысловое соответствие действий субъекта событиям, своевременность, пропорциональность действий [Абульханова-Славская, 1991]. Взросление – это обретение субъектом способности к саморегуляции своей активности. Мера способности субъекта быть причиной себя есть мера его субъектности.

К сожалению, ни в семье, ни в школе не учат подростка тому, как преодолевать и разрешать внутриличностные рассогласования и противоречия. Здоровый образ жизни как панацея от всех проблем в подростковом возрасте актуально не привлекает. Физкультура и спорт, художественная самодеятельность, интересные экскурсии, книги, участие в олимпиадах, все, что принято называть занятостью подростка, само по себе еще не обеспечивает психологическую устойчивость и защиту личности от употребления ПАВ.

Обучение подростков копинг-стратегиям (стратегиям преодолевающего поведения) в отношении жизненно важных проблем ориентировано на когнитивные, рациональные «подавления» одних (негативных) побуждений другими (позитивными, с точки зрения воспитателей). Это значит, что развиваются в основном адаптивные способности подростка к избеганию возможных наказаний со стороны воспитывающих взрослых. Результат такого обучения остается для подростка внешним, не находит в нем чувственно-телесного резонанса, а значит – отчуждается.

Одним из проявлений субъектной активности подростка в значимой для него ситуации неопределенности является решение задачи идентификации и определения своего Я (Э. Эриксон). Эриксон полагал, что при переходе к подростковому возрасту (12-18 лет) ребенок сталкивается с пробуждением «любви и ревности» к родителям. В классическом психоанализе успешность решения этой проблемы зависит от того, найдет ли подросток предмет любви в собственном поколении. Эриксон не отрицает возникновение этой проблемы у подростков, но указывает, что существуют и другие. По его мнению,

возникающий в этот период параметр связи с окружающими колеблется между положительным полюсом идентификации Я и отрицательным полюсом спутанности ролей. Иначе говоря, подросток должен собрать в единое целое все свои социальные роли, осмыслить его, связать с прошлым и проецировать в будущее. Позитивное решение этой задачи приводит подростка к ощущению того, кто он есть, где находится и куда идет, т.е. идентификация. Заметим, что ситуация неопределенности, возникающая перед подростком в связи с отсутствием идентификации, носит объективный характер и преодолевается отнюдь не естественным путем, автоматически, а требует от подростка активного участия в «осознании собственной индивидуальности». Э. Эриксон полагал, что «если подросток не может решить задачу идентификации и определить свое Я, то он начинает проявлять симптомы путаницы ролей. Такая путаница нередко наблюдается у малолетних преступников». Неопределенность и путаница ролей являются, по мнению исследователя, наиболее травматичной ситуацией. Так Э. Эриксон убежден, что «иногда лучше идентифицировать себя с «хиппи», с «малолетним преступником», даже с «наркоманом», чем вообще не обрести своего Я» [Эриксон, 1996]. Важнейшими препятствиями, затрудняющими формирование идентичности, понимаемой Э. Эриксоном как синоним взрослости, являются недоверчивость, стыдливость, неуверенность, чувство вины и неполноценности. Заметим, что эти черты личности, как показали исследования А.С. Спиваковской, имеют семейную обусловленность [Спиваковская, 1999].

Важность формирования самосознания в процессе становления человеческой личности отмечал С.Л. Рубинштейн. По его словам, процесс становления человеческой личности включает в себя как неотъемлемый компонент формирование его сознания и самосознания. Вопрос, который встает перед нами в плане психологического изучения личности, это вопрос о ее самосознании, о личности как Я, которое в качестве субъекта сознательно прививает себе все, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела и поступки и соз-

нательно принимает на себя за них ответственность в качестве их автора и творца [Рубинштейн, 1976].

Взросление как переживание чувства целостности мы предлагаем отрефлексировать в терминах «устремление» (В.А. Петровский) и «потока» (М. Чиксентмихали). Это сделает заметнее специфику самого взаимодействия ментального и организмического, сверхчувственного и телесного в период взросления подростка, в отличие от хронологического взросления зрелого человека. Опыт «потока» описывается М. Чиксентмихали как состояние полной одновременной поглощенности деланием, собой, окружающим миром, сопряженностью во всем и выходом за пределы своих программ и ограничивающего сознания. Все происходящее подчиняется внутренней логике, не требуется никакого напряжения. Личность переживает состояние онтологического единства процесса и результата, действующая, чувствования, осмысления.

Собственная целостность личности подростка приобретает устойчивые черты в процессе развития внутриличностной системы самоподдержки. Мотивом ее развития, как правило, является стремление подростка к личной независимости. Исходя из этого, взросление можно представить как процесс последовательного решения подростком задач саморазвития и создания собственной системы самоподдержки.

Итак, субъектность – атрибут взрослости, движущая сила взросления. Зависимость («полизависимое поведение») – характеристика адаптивной, инфантильной, «онтологически неуверенной», нуждающейся в покровительстве, невзрослеющей личности. Взросление подростка невозможно без ответственного поведения на основе личного выбора.

Взрослость личности, по нашему мнению, характеризуется «онтологической укорененностью» [Лэнг, 1995], собственной, а не заимствованной целостностью, развитой субъектностью, готовностью к проявлению ответственной самопричинности в ситуациях онтологи-

ческой неопределенности, наличием системы внутриличностной самоподдержки и саморегуляции.

Рассмотрим оппозицию «полизависимость – полинезависимость» как одну из существенных характеристик взросления. Эта оппозиция была подробно рассмотрена в исследованиях Д. Роттера [Хьелл, Зиглер, 2005]. По его мнению, принципиальное различие между людьми зависит от того, на кого человек возлагает ответственность за происходящие в его жизни события. Д. Роттер экспериментально доказал, что есть люди, уверенные в том, что их собственное поведение создает положительное подкрепление их деятельности. Они убеждены, что наказание и поощрение существуют внутри них и являются продуктом их собственной психики. По мнению М. Мид, «Я-концепция» таких людей выполняет функцию «защитника» [Мид, 1988]. Ответственность за результат своих действий они возлагают на самих себя, и поэтому их относят к людям с интернальным локусом контроля (Д. Роттер). С другой стороны, существуют люди, которые ответственность за свои поступки возлагают на внешние обстоятельства, находящиеся за пределами их души и тела. Таким образом получается, что все жизненно важные события человека являются либо результатом его собственной деятельности, либо результатом деятельности чуждых его личности сил.

Вместе с тем, очевидно, что интернальность подростков-наркоманов носит характер скорее защитной реакции на социальную стигматизацию и другие обстоятельства жизни, связанные с употреблением наркотиков. Здесь мы, видимо, имеем дело с тем, что в развиваемой совместно с С.В. Березиным теории наркотической зависимости называется «наркотическая личность» – особым феноменом, формирующимся в контексте интерперсональных связей наркомана, как результат его отраженности в других и в себе, как в известной степени другом. Заметим, что социальная среда подростка-наркомана – это два никак не взаимодействующих мира. Один – новый, неструктурированный, населенный чужими, но принимающими людьми, мир, который находится не только «по ту сторону» закона, но и «по ту сто-

рону» добра и зла. Второй – понятный, структурированный, известный, но отвергающий наркомана мир, населенный родными и любимыми людьми. Как показали наши исследования, пребывание подростка-наркомана в каждом из этих миров по-своему закрепляет его наркоманию. «Наркоманская» субкультура (контр-культура по своей сути) положительно подкрепляет наркоманическое поведение. Мир «воспитывающих взрослых» – усиливая своими реакциями дезинтеграцию личности. Процесс дезинтеграции личности подробно изучен А.Б. Орловым, использующим понятия «актуалгенез» и «эмпирическая личность» в решении проблемы личности и ее развития [Орлов, 1995].

Внутриличностные по своей природе процессы возникновения и развития «персоны» и «тени» в личности человека обусловлены обстоятельствами, относящимися к плану межличностных отношений. «Персона» и «тень» личности складываются не по своей внутренней логике, но в силу причин, имеющих коммуникативную природу и межличностное происхождение. Они возникают в личности ребенка исключительно потому, что он вынужден общаться со взрослыми, уже имеющими свои «персоны» и «тени».

К дезинтеграции личности, автономизации «персоны» и «тени», психопатологизации ведет пребывание человека в определенном оценочном контексте, системе межличностных отношений, для которой характерна определенная «эмоциональная» карта симпатий и антипатий, в общении, в котором человек должен быть адекватен не самому себе, а предзаданным коммуникативным и личностным клише. Условием интеграции личности являются установки на безоценочность, эмотичность и конгруэнтность самому себе.

Если подросток категорически отрицает и осуждает употребление наркотиков, то это совсем не означает его взрослость. Адаптивный, ситуативный, «полевой» (по К. Левину) выбор на основе внешней эмоциональной поддержки не нуждается в осознании, поскольку облегчает подростку жизнь, фиксирует и пролонгирует его эмоциональную зависимость. Решение в ситуации свободного выбора, про-

диктованное подростку извне, лишает его шанса на проявление своей субъектности, саморазвития и, соответственно, взросления.

Однако по мере физического и хронологического взросления у подростка обостряется противоречие между потребностью быть личностью (расширять пространство своей свободы) и зависимостью от внешних ограничений (дефицита внутренних возможностей).

В связи с этим отметим одно важное, на наш взгляд, обстоятельство. Как убедительно показал В.А. Петровский, потребность индивида быть личностью является условием формирования у других людей способности видеть в нем личность. При этом, как считает автор теории персонализации, индивид объективно формирует содержание своей потребности в персонализации, которая субъективно может выступать в мотивации достижения, притязании на внимание, славу, дружбу, положение лидера и которая могла быть или не быть отрефлексирована, осознана. Таким образом, действия подростка, «направленные» на удовлетворение его потребности в персонализации могут объективно обострять указанное противоречие.

Более того, это противоречие принципиально неразрешимо при внешней эмоциональной поддержке воспитывающих взрослых, т.к. само является продуктом такой поддержки. Но несформированность у подростка внутриличностной системы самоподдержки ограничивает возможность разрешения им вышеназванного противоречия, а это уже исключает развитие его личности в условиях, требующих проявления субъектности.

Непрекращающиеся внутриличностные столкновения взаимоисключающих побуждений повышают у подростка физическое и психическое напряжение, способствует возникновению состояния генерализованной неудовлетворенности.

Используемое нами в анализе генезиса наркомании явление «генерализованная неудовлетворенность» генетически связано с феноменом, описанным К. Хорни – «базальная тревожность» [Хорни, 1997а].

Базальная тревожность – это переживание ребенком чувства одиночества и беспомощности в потенциально враждебном мире. Это чувство незащищенности может быть обусловлено широким диапазоном неблагоприятных факторов (как правило, семейного генеза): явное или скрытое доминирование; безразличие; сумасбродное поведение; отсутствие уважения к индивидуальным потребностям ребенка; отсутствие реального руководства; пренебрежительное отношение; чрезмерное восхищение; недостаток доверительности и теплоты; необходимость принимать чью-либо сторону при разногласиях родителей; слишком малая или чрезмерная ответственность; излишняя опека; изоляция от других детей; несправедливость, дискриминация; невыполнение обещаний; враждебная атмосфера и др.

Обусловленное перечисленными причинами состояние базальной тревожности препятствует подростку удовлетворению им значимых потребностей, самореализации и обретению идентичности, что результируется в переживании ребенком генеральной неудовлетворенности.

В таком состоянии «встреча» подростка с наркотическими веществами может оказаться для него роковой. Переживание избыточных возможностей, которое возникает под действием наркотиков, возвращение «изъятой» в процессе «бестелесного» воспитания телесности, «открытие» в себе способности «уверенно» принимать решения в ситуациях неопределенности, замешательства и риска – все это оказывает сильное влияние на развитие деструктивного самосознания незрелой личности. Подросток, получив доступ к наркотическим веществам, получает в буквальном смысле «в свои руки» эффективное средство «самоподдержки». А необходимость приобретения наркотиков при наличии уголовного преследования и социального запрета способствует быстрому развитию внутреннего «локуса контроля» и самопричинного поведения.

На основании сказанного мы можем утверждать, что возникновение наркотической зависимости у подростка, на самом деле, не является прямым продолжением или преемником его эмоциональной за-

висимости. Начало употребления наркотиков может восприниматься подростком как способ получения избыточных возможностей для освобождения себя от детского эмоционально зависимого поведения, как «особая система» самоподдержки.

Наши исследования показали, что определяющий фактор начала употребления наркотиков в любом возрасте, как правило, независимо от сочетания «факторов риска и защиты», может быть обозначен как «недостаточная субъектность», неспособность стать причиной себя в ситуации неопределенности при значительной рассогласованности «Я-концепции» личности.

Введение этого признака помогает объяснить, почему огромные силы и средства общества и государства, затрачиваемые на профилактические мероприятия по предупреждению подростковой и юношеской наркомании, чаще всего нерезультативны, почему всеобщая осведомленность о смертельной опасности наркотиков не способна удержать человека от их употребления?

Это не означает, что в процессе наркопрофилактики не нужно информировать подростков о вреде наркотиков, но, действительную результативность профилактической работы будет определять активность совсем другого рода.

2.2. Мультисубъектность личности: онтосубъектный подход

В гуманитарных науках категория субъекта является одной из центральных, особенно в философии, онтологии, антропологии. Субъектная природа человека проявляется в его способности изменять мир и себя в нем, выстраивать взаимоотношения с другими людьми, осознавать происходящие изменения. Онтологический субъект – субъект бытия – не поддается полной объективирующей рефлексии, так как расположен не только в сознании человека, но и в его теле (А.Ш. Тхостов), и в его не полностью определенном мире (В.К. Шабельников).

При теоретическом рассмотрении субъект-объектных отношений не предполагается или вытесняется сама «сущность в себе» человека (М.К. Мамардашвили).

Отстраняя бытие от самих себя, даже на мгновение, мы получаем ситуацию, в которой все предстоящее перед нами в качестве объекта перестанет существовать. Встреча субъекта с другим (объектом или субъектом) без одновременной встречи с самим собой в реальных условиях невозможна. Бытие порождает себя, встречаясь с собой во внутреннем мире человека.

Онтологический субъект не может быть «точкой покоя». По мнению М. Фуко, человек – постоянно изменяющая свое местоположение «точка схождения означающего и означаемого» [Фуко, 1998]. Проявляя субъектность, человек оказывает влияние на местонахождение «точки схождения». Субъект – это точка начала активности, изменений, поиска, выбора в момент «здесь и сейчас» – точка возможной бифуркации.

Наша непрерывная практическая и исследовательская деятельность в области психологии зависимости показала, что наибольшей эвристичностью и плодотворностью обладают, с точки зрения креации программ профилактики, идеи В.А. Петровского о неадаптивной активности, свободной причинности, отраженной субъектности, а также его критический анализ принципа «сообразности» в психологии.

«Сообразность» как принцип широко используется для объяснения первопричин человеческого поведения. В рамках «сообразности» (соответствия чего-то чему-то) создается впечатление, что возможно найти цель, в соответствии с которой все происходит и с человеком, и в человеке. Все остальное исключается как не имеющее отношение к цели.

Ученые-психологи, манифестируя «гедонистическую», «гомеостатическую», «прагматическую» концепции, фактически определяют субъекта как функцию изначальной цели, выводя из нее или сводя к ней все факты поведения и сознания. «Сообразность» с целью стано-

вится критерием совершенства взаимоотношений человека с миром. В таком случае «гомеостатический человек» все время стремится к «душевному равновесию», но рассчитывается за это постоянной уязвленностью или «тупым безразличием». В свою очередь, «гедонистический человек» живет в «вечной» дилемме: «пресытиться» тем, что есть, или всякий раз бездумно рисковать ради обновления ощущений. «Прагматичный» – озабочен своим будущим настолько, что вынужден все время упускать свое настоящее (уже достигнутое) ради того, чтобы продолжать упускать его в последующем. Цели и результаты не совпадают. Выходит, сообразность исключает субъекта. С другой стороны, отказ от целевой регуляции неизбежно будет подменяться зависимостью человека от внешнего воздействия, от судьбы, от среды, от социальной программы, от чужого мнения. В таком случае, развитие личности человека превращается в сугубо адаптивный процесс, в дрейф предустановленного (В.А. Петровский). Тогда вопрос о субъекте опять остается без ответа.

Значимость, место и роль субъектного в жизни человека станет более понятной, если хотя бы кратко рассмотрим роль и функции субъектности в культурно-историческом становлении человека.

Общеизвестно, что если самостоятельной силой реакции обладает всякое живое существо, то активность, как самостоятельная форма бытия, свойственна только человеку.

Чтобы остаться в рамках исследования психологии зависимости, воздержимся от погружения в детали процесса исторического развития человека, ограничившись только тем, что имеет прямое отношение к нашей работе. Для нас не важно, появилась ли родовая социальная сущность у доисторического человека в процессе длительной эволюции или резкого качественного скачка, развивалась она линейно или лавинообразно, как цепная реакция, осуществлялась сразу в этнокультурной специфике или это влияние более позднего периода. Важно то, что сегодня мы можем наблюдать, как люди проявляют свою социальную сущность, даже если не успевают это осознать.

Не нужно специальных экспериментов, чтобы заметить, как внешнее ограничение человека, вопреки его желанию, вызывает сопротивление. Тогда как расширение его возможностей (степеней свободы) не требует дополнительного стимулирования. Получение нового опыта само по себе может служить для человека сильной мотивацией. Мы будем придерживаться мнения, что родовая социальная сущность человека – продукт общественно-исторического опыта сопротивления природным ограничениям (Б.С. Братусь). Социальная сущность способствует развитию у человека новых возможностей, превосходящих его естественно-биологические. Социальная сущность – необходимое условие существования человека среди людей, ставшая объективной потребностью. Социальная сущность человека развивается несоизмеримо быстрее, чем его естественно-биологическая. Социальная сущность превзошла биологическую настолько, что между ними стал возможен процесс отчуждения и даже конфронтации. Примером конфронтации природно-биологической и социальной сущности в человеке может служить растущий перечень психосоматических заболеваний.

К сожалению, проблема не ограничивается страданиями отдельных индивидов. Последнее время обострялись глобальные проблемы развития человеческой цивилизации со всеми вытекающими последствиями. Экологические, экономические, энергетические катаклизмы, военные конфликты, футурошок, создание оружия массового уничтожения, терроризм и тому подобное вызывают у всего населения планеты постоянную тревогу, стресс и растерянность. Разделение труда и имущественное расслоение общества способствовали отчуждению человека от продуктов его собственной деятельности, порождая в нем (человеке) ощущение беспомощности и самоутраты. Тенденция к отчуждению приобрела в конце концов тотальный характер, в той или иной мере проникнув во все сферы человеческой жизни. Мы полагаем, что психологической науке еще предстоит осмыслить этот, по-видимому, системный феномен: отчуждение от своей сущности порождает невроз (Э. Фромм), отчуждение от культуры и этноса –

этнокультурное рассогласование (А.В. Сухарев), отчуждение от коллективного субъекта – частичного субъекта (В.К. Шабельников).

Трудно назвать конкретный исторический момент, когда стремление к независимости обернулось для человека потерей целостности и даже, в отдельных случаях, смертельной опасностью. Специфика опасности такого рода заключается в том, что она (опасность) вместо того, чтобы как это часто бывает в природе, объединять, сплачивать людей, усиливает в них переживание одиночества и отчаяния. Философско-психологические последствия утраты человеком целостности и смысла своего существования подробно изложены в работах философов-экзистенциалистов.

Та же самая потребность (в преодолении ограничений), что привела человека к могуществу над природой, лишила его внутренней целостности. Попытки интерпретировать столкновение природного и социального в человеке как столкновение каких-то внутренних «сил», «частиц» и даже энергетических «потоков» обречены на ошибку и упрощение. Правильнее сказать, что в человеке обе его сущности (на самом деле, части), природная и социальная, могут находиться в «конкурентных» отношениях. Победа временно переходит к той сущности, которая на мгновение оказывается лучше, чем другая, приспособленной к сложившимся обстоятельствам. Так, чаще всего, работают механизмы адаптации человека в окружающем его мире. Некоторые приемы психотерапии построены на «переадресации» адаптивных свойств от одной сущности к другой. Однако, как показывает практика, предпочтение одной из своих сущностей (частей) на основе рациональной саморегуляции не восстанавливает в человеке утраченную, по условиям выбора, целостность. Тем не менее, внутренняя рассогласованность может быть преодолена как внешняя ограниченность, как сопротивление, возникшее на пути развития человека. Но, в таком случае, автору поступка придется выбирать «неопределенное», выходить за границы ситуативной заданности, проявлять неадаптивную активность. Потребность рождается на стыке органиче-

ских аппаратов жизнеобеспечения и культурных аппаратов поведения, открывающих новые возможности человеку.

В.А. Петровский пишет о существовании у индивида объективной потребности быть личностью. Быть личностью – это значит быть в состоянии восстанавливать свою целостность. Здесь, вслед за В.И. Моросановой, вполне уместно напомнить о роли личности в саморегуляции произвольной активности человека. Роль различных аспектов личности в саморегуляции человека исследовались К.А. Абульхановой-Славской, В.А. Иванниковым, Т.В. Корниловой, В.И. Моросановой и др. Преодолевая ограничения внешнего мира, человек обретает свою личность, восстанавливает единство души и тела, чувств и мыслей, внешнего и внутреннего. Выход за предрешенное позволяет превращать зависимость от обстоятельств в жизнь в зависимости от собственных решений, целей и воли. Выбирая неопределенное, человек испытывает себя в своей самопричинности, полагает себя субъектом. Самополагание – неотчужденность полагающего и полагаемого, возможна только в случае ответственности полагающего за полагаемое. Здесь ответственность, выступая расплатой за пользование свободой, принимает вид самоответственности [Петровский, 1996]. Очевидно, что возрастание самоответственности можно рассматривать как одно из условий и одновременно как критерий эффективности программ профилактики наркотизма. Вообще, как мы считаем, сверхзадача программ профилактики – возвращение субъекта, творящего свою субъективность, то есть, способного к саморегулированию и самоорганизации (С.Л. Рубинштейн, Н.А. Бернштейн, К.А. Абульханова-Славская, В.И. Моросанова, А.В. Брушлинский).

В психологической литературе понятие «субъективность» и «субъектность» используются в различных значениях. Субъективность, в широком смысле, обозначает принцип существования человеческой реальности, форму ее бытия, способ ее организации, способность быть в отношении к собственной жизнедеятельности. В узком смысле, «субъективность» характеризует пристрастность, отно-

сительность восприятия действительности, актуальное несовпадение идеального и реального как возможного или ошибочного.

Дать определение понятию «субъектность» значительно сложнее. Субъект изначально противопоставлен миру объектов, и поэтому как объект непознаваем. Любое определение субъекта обречено на статус гипотезы. Сложность формулирования определения «субъект» заключается еще и в том, что понимание субъекта зависит от отношения культуры к природе. Как показал в своих исследованиях В.К. Шабельников, в зависимости от того, какое восприятие природы сложилось в той или иной культуре, науке, являющейся своеобразной единицей культуры, преобладают либо атомистические, либо холистические концепции. Размышляя о путях развития психологии вообще и развитии представлений о субъекте, В.К. Шабельников пишет: «Начать ли психологии осваивать в своем теоретизировании опыт организации деятельности и образов в восточных культурах (...), где никто не является индивидуальным субъектом, где деятельность и образы текут в «интерпсихическом» пространстве коллективного субъекта» [Шабельников, 2004]. Заметим предварительно, что развиваемая нами применительно к решению проблем профилактики наркотизма идея В.А. Петровского о мультисубъектности личности философски «снимает» проблему «индивидуальный субъект – коллективный субъект».

Человек – «живое противоречие» «сотканное из противоречий» (Н.А. Бердяев), он не определим с точки зрения теоретической перспективы закрытых стереотипов [Бердяев, 2006].

Субъектный подход в психологическом понимании человека в последнее время становится методологическим основанием для преодоления противоречия и противопоставления между объективным и субъективным, материальным и идеальным, психическим и физическим, внешним и внутренним, природным и культурным. Возникновение термина «субъектность» связано с исследованиями С.Л. Рубинштейна и его школы. Психологические аспекты «субъектности» представлены в работах отечественных психологов К.А. Альбуха-

новой-Славской, Б.Г. Ананьева, Л.И. Анциферовой, А.Г. Асмолова, А.В. Брушлинского, А.Н. Леонтьева, В.И. Моросановой, В.Н. Мясищева, В.А. Петровского, В.К. Шабельникова и др.

«Субъектность» – системная целостность противоречивых качеств, процессов, свойств, состояний сознания и бессознательного (А.В. Брушлинский). Субъектность реализуется в моментах выхода человека за границы предустановленного (надситуативные акты), отраженности его в других людях (идеальная представленность и продолженности) и возвращенности к себе (воспроизводстве своего бытия в других и в себе) (В.А. Петровский). С другой стороны, субъектность – это мера способности личности интегрировать переменные различного уровня, «связывая инструментальное и содержательное, осознанное и малоосознаваемое в личностной сфере» (В.И. Моросанова).

Субъект – производитель и очевидец самоизменений, т.е. он всегда должен быть «больше самого себя». Иначе субъекта нет. Чтобы субъект был в состоянии «исполнить» свою субъектность, он должен обладать избыточной активностью, достаточной для преодоления «гравитации» предустановленного и «возвращения домой» с продуктами нового опыта. В действительности человек проявляется не только в противостоянии миру, но и в продолженности в мире [Братусь, 1988]. Это определяет человека как самостоятельного суверенного субъекта жизни, открывает механизм внутренней свободы и ответственности.

Суверенный субъект жизни, если к тому же он участвует в самоизменении, не может существовать вне телесно-чувственной локализации. Даже если названный субъект является предметом мысли другого субъекта и, таким образом, является (бестелесно) отраженным в нем, то и это не отнимает у него его собственного тела до тех пор, пока в нем продолжается жизнь.

Приведенные рассуждения создают смысловой контекст, совершенно необходимый, на наш взгляд, для более четкого представления онтосубъектного подхода в профилактике наркотизма.

Индивидуальное развитие человека, с точки зрения онтосубъектного подхода, рассматривается как становление «истинного субъекта жизни» [Рубинштейн, 1976] на основе чувственно-телесной локализации онтологического и гносеологического единства (буквального взаимопроникновения субъекта и объекта, бытия и сознания), персонафицированного в конкретной данности. Рассмотрение сущности той особой формы единства, о которой идет речь в предыдущей фразе, будет представлено ниже. Здесь же укажем, что речь идет о единстве, наиболее точно суть которого выразил В.А. Петровский, назвавший его, вслед за П. Флоренским, «единомножием».

Проблема развития в психологии является важнейшей и фундаментальной. На ее фоне отдельный интерес вызывает проблема саморазвития человека как личности.

Определяя процесс САМО-развития как особый вид развития, мы рассматриваем его с точки зрения возникновения, проявления и становления «субъектности» как системного качества развивающейся личности человека.

«Субъектность», следуя за Кантом, мы понимаем как «Causa sue» – причину себя, самопричинность, определяя ее как ответственность в условиях неопределенности, как единство спонтанности и ответственности, как свободную причинность [Кант, 1998].

В общих чертах взаимосвязь между «субъективностью» и «субъектностью» может быть выражена следующим образом: субъектность – это ответственное проявление субъективности в условиях неопределенности. Субъектность в нашем понимании есть проявление единства сознания и бытия в форме персональной, чувственно-телесной локализации при непредрежденности результатов действия. Такое понимание субъектности позволяет говорить о ней, как об источнике внутренней детерминации поведения человека.

Размышляя о природе и сущности субъектности, В.К. Шабельников отмечает: «Материальная природа едина, и ее субъектные способности лишь проявляются на разных уровнях организации – от космоса в целом до общества и отдельного человека, получающего

свои субъектные свойства от той же природы. Противоречия между субъектностью природы и субъектностью личности – это лишь внутреннее противоречие в организации единого космического субъекта». Единство природы, о котором говорит В.К. Шабельников, создает основание для «самоорганизации субъекта». Не просто телесная локализация субъекта – «субъект в теле», а утверждение, что субъекта не существует вне тела.

Единство бытия и сознания невозможно без чувственно-телесной единичности, однако это только условие воспроизводства персонифицированной единственности «истинного субъекта жизни» в конкретной данности. Принимая «субъектность» в качестве центрального понятия онтосубъектного подхода, необходимо прояснить его отличительные признаки относительно других понятий и характеристик, указывающих на источники внутренней детерминации субъективной активности человека. Речь идет о таких понятиях как «интенция», «воля», «целесообразность» и «целеустремленность», «случайность», «намерение», «стремление», «направленность». «Интенция» характеризуется внутрипричинной направленностью на определенный предмет. «Воля» проявляется в условиях существенной определенности. «Случайность» как источник детерминации безлична. «Импульсивность» безответственна, лишена выбора. «Целесообразность» и «целеустремленность» предварительно оформлены идеальной моделью желаемого результата. «Стремление» – чувственное переживание потребности, «тяготеющее» к определенному предмету. «Намерение» – желание завершить действие в соответствии с программой, с тем, что до начала «наметил» и «на-мерил». «Направленность» – совокупность устойчивых мотивов, интересов, идеалов, убеждений, того, что относится к мировоззренческой сфере личности (С.Л. Рубинштейн).

Таким образом, каждое из названных понятий характеризуется либо предустановленным определенным результатом, либо, при неопределенности результата, случайностью или безличностью выбора. Каждое из явлений оказывается «безучастным» к самому себе, не способным к самопричинности в отношении себя. «Субъектность» не

сводима ни к одному из них и не выводима ни из одного из них. Термин «субъектность» помогает нам обозначить целый ряд психических явлений, в совокупности имеющих неопределенную направленность, ответственно и персонально выбираемых, чувственно-телесно локализованных, а также произвольно выраженную причинно-следственную связь, которая открывает человеку в конкретной данности возможности, превосходящие его актуальные потребности. При определении «субъектности» как ответственности за непредрешенные исходы действий [Петровский, 1996а] возникает необходимость в прояснении понятия «ответственность». Естественно, что речь идет не о юридической и не о моральной ответственности субъекта. Речь идет о психологических аспектах проявления ответственности. Ответственность за непредрешенные результаты действий мы рассматриваем как самоответственность и потому не уподобляем ее внешнему ограничивающему контролю. «Самоответственность» в нашем понимании – это рефлексивно-динамический процесс в условиях конкретной ситуации, который представляет собой ответственность за возможность выполнения субъективной организации актуальной реальности. Иначе говоря – это ответственность за мыслимое и возможное полученное из до того не мыслимого и не возможного, ответственность за расширенное воспроизводство субъектом самого себя. Такого рода ответственность помогает субъекту осознавать и даже ощущать последствия своих действий буквально и непосредственно.

В дополнение к сказанному напомним, что К. Левин относил к ответственности «полнезависимость», а В. Франкл считал ответственность «эпифеноменальной».

Отметим еще одно важное обстоятельство. Личность вынуждена находиться одновременно в двух несовпадающих между собой реальностях: внутренней и внешней (открытой для других и открытой только для себя). Проявляя субъектность, личность «снимает» противоречия, возникающие между этими двумя реальностями. Таким образом, личность развивается, обеспечивает человеку его целостность

в системе взаимоотношений с другими людьми, и собой как в известной степени другим.

Если все происходит именно так, то управление человеком как объектом невозможно по определению. Сразу вспоминается аристотелевский вопрос: «Возможна ли вообще наука об индивиде?». Субъект – творец небывалого [Сухарев, 1996]. Значит, результатом такого небывалого творения может оказаться он сам, возникший в процессе творчества и совершенно немислимый в качестве первоначального замысла. Это делает невозможным создание непротиворечивой теории субъектности, так же как теории свободы или теории счастья, если только не допустить, что субъект «полисубъектен».

С другой стороны, нельзя забывать о том, что человек, «говорящее животное», т.е. может управляться извне посредством знаков или искусственных символов. Эти символы первоначально использовались другими людьми (взрослыми, родителями, воспитателями), но, будучи усвоенными (в процессе интериоризации), начинают действовать автоматически, становятся внутренними регуляторами мышления, эмоциональных состояний, волевых действий ребенка.

Нужно признать, что воспитание, в некотором смысле, – это принудительное формирование тела, мыслей и чувств ребенка в соответствии с представлениями взрослых. Но тогда возникает закономерный вопрос: если субъектность (самопричинность) является важнейшим свойством личности, то возможно ли, и, если да, то каким образом было бы правильно ее формировать, развивать или усиливать. Какие признаки могут стать объективными критериями ее развития? Дано ли человеку самому замечать, переживать, произвольно проявлять и рефлексировать свою субъектность? Какими свойствами обладают атрибуты и корреляты субъектности? Что может служить референтами субъектности?

Возможные ответы на поставленные вопросы обнаруживаются в нижеследующих рассуждениях.

В работах В.А. Петровского показан процесс редукции одной из важнейших идей психологии – идеи «развития личности» и низ-

ведение ее до уровня усвоения конкретных норм, умений и знаний (рис. 7).

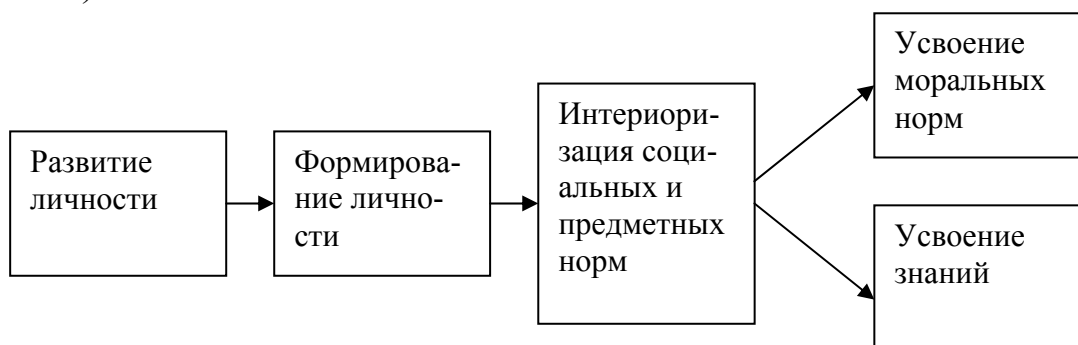

Рис. 7

Из идеи «развития», сформулированной как «формирование»? выпадает момент спонтанности. Но тогда рост личности интерпретируется как управляемый извне (что, конечно, абсолютно противоречит самой сути развития личности как ее самодвижения). Сведение процессов формирования личности к интериоризации социальных и предметных норм элиминирует витальные и экзистенциальные отношения; космичность бытия человека, его слитность с природой, микрокосм его самости – все это упраздняется во имя правилосообразного поведения. Завершающий шаг в этих подменах – переход к «школьной» доктрине развития как усвоения того, что когда-нибудь пригодится в жизни; при этом не остается места ни духовности, ни душевности, ни *телесности*. Воспитывающие взрослые интерпретируют стремление детей к свободе как стремление делать то, что запрещено (нарушать дисциплину и порядок), а не как стремление к творческому поиску и созданию чего-то нового. Таким образом, из педагогического процесса выхолащивается детское саморазвитие. Сожаление о том, что педагоги не умеют определять реальную субъектность детей, неоднократно высказывал в своих работах Д.И. Фельдштейн [Фельдштейн, 1972, 1994]. По-видимому, слишком велико искушение оправдывать деструктивное поведение людей (конфликтность, капризность, безответственность, глупость) некоторым сходством с проявлением их субъектности, и, тем самым, отторгать

необходимость ее (субъектности) развития в педагогической практике.

Изучение работ представителей субъектного подхода в психологии (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Л.И. Анциферова, А.Г. Асмолов, А.В. Брушлинский, А.Н. Леонтьев, В.И. Моросанова, А.В. Петровский, В.А. Петровский, Э.В. Сойко, В.Т. Кудрявцев, В.К. Шабельников) позволило нам сориентироваться в концептуальном пространстве поставленной проблемы. Субъектность – это способ развития личности и одновременно свойство, присущее развитой личности. Субъектность – средство восстановления целостности личности человека и условие его автономии. Наибольшую сложность представляет собой прояснение противоречия лежащего в основе феномена субъектности. Субъектность как ответственность за непредустановленное представляет собой единство двух противоположностей: свободы и собственного контроля за собой.

В качестве близкого по значению понятию «субъектность» в литературе часто используется термин «самопричинность». Самопричинность – фундаментальное свойство и способность субъекта быть причиной себя, быть способным проявлять одновременно спонтанность и ответственность.

Спонтанность – произвольная активность субъекта. Любые ограничения, рефлексия или контроль для нее исключены. Ответственность, ее личностно-психологический аспект, т.е. самоответственность так или иначе представляет собой ни что иное, как ограничение и контроль. Мы совершили попытку осмыслить противоречие между спонтанностью и ответственностью.

1. Спонтанность может неограниченно проявляться до тех пор, пока ее свобода ответственно гарантирована субъектом.

2. Спонтанность может неограниченно проявляться до тех пор, пока ответственный самоконтроль будет исключать свободу ее саморазрушения.

3. Спонтанность может неограниченно проявляться до тех пор, пока ответственный самоконтроль рефлексировать наличие изменений.

4. Спонтанность может неограниченно проявляться до тех пор, пока субъект ответственно «находится» в неопределенности.

Презумпция ответственности требует «другого» или другого «Я» (К. Ясперс), т.е. соотнесения двух «точек схождения» «означающего и означающего» между собой или соотнесения проекций одной точки в разных системах координат. Ответственность, представленная в таком виде, помогает человеку постичь (почувствовать) силу утверждающей его свободу личностной целостности. Свобода – акт целеполагания, когда цель – полагание себя как причины изменений, привносимых в мир. Идея свободной причинности заключена в действиях с непредрешенным исходом. Решение об участии в такого рода действиях принимает личность человека.

К основным характеристикам личности относятся целостность, автономность, структурность. Все они неразрывно взаимосвязаны между собой. Целостность личности – это согласованность внешней объективной и внутренней субъективной реальности человека (мыслей, чувств и действий). «Человек жаждет целостности» (К. Гроф). Структурность – иерархическое соподчинение потребностей, мотивов, целей и ценностей во внутренней субъективной реальности. Автономия – относительная независимость личности при изменениях во внешней объективной реальности. Целостность переживается как самоидентичность (соответствие внутренней структуре) личности за границей предустановленного. Автономия личности требует соответствия той внутренней структуре, которая обеспечивает ей автономию. Изменение в любой характеристике влечет за собой изменения во всех других. Взаимосвязь характеристик должна быть либо восстановлена (на новом уровне), либо изменяющаяся структура личности начинает произвольно разрушаться. Эти разрушения могут вызвать у человека душевные расстройства, проникнуть в его организм, изменить психическое и физическое состояние его здоровья.

Восстановление «онтологической целостности» человека может быть осуществлено или за счет проявления им субъектности (само-

развития, саморегуляции личности), или за счет каких-либо внешних ресурсов.

На вопрос – «С чего начинается личность?» – В.А. Петровский отвечает, что *личность начинается с преодоления*, с выхода за пределы приспособленности, адаптивности. Производя себя как субъекта, индивид вместе с тем производит себя как личность. Таким образом, признаком субъекта является трансценденция, выход за предустановленное, вхождение в неопределенное. Субъект входит в мир, буквально «воплощаясь» в себе, в других, в предметах деятельности. Самополагание имплицитно содержит полагающее начало, находящееся вне субъекта принадлежащее к категории «Не-Я». Выходит, что субъект исполняет роль медиатора между определенностью и неопределенностью, внешним и внутренним, идеальным и реальным, физическим и психическим, «Я- и Не-Я» в человеке.

Проявление человеком своей субъектности осуществляется не только в акте самополагания (в полагании себя), но также в исполнении себя и в полагании на себя (на свое «Я-реальное»). Субъектность проявляется как медиация полагания себя и полагания на себя в процессе саморазвития личности.

Казалось бы, на что же еще можно опираться человеческому «Я» в проявлении своей активности, как не на самого себя? Но если так, то почему проблема развития человека остается до сих пор одной из главных в психологии. Почему ее решение всякий раз «ускользает»? Почему до сих пор не удалось найти корень для «уравнения жизни», в одной части которого находится идеальный мир человека, в другой – реальный? Все потому, что исключение субъекта превращает уравнение в тождество, и только при появлении субъекта два мира начинают взаимообуславливать друг друга. Напрашивается аналогия с полюсами магнита. Как известно, однополюсных магнитов в природе не бывает.

Проявление субъектности подобно соединению «через себя» несвязанных между собой или разъединению взаимосвязанных между

собой предметов и явлений. Это позволяет создавать причинно-следственные связи, не существовавшие ранее в природе.

Как не вспомнить Вергилия, который говорил о том, что все может надоесть, кроме понимания. Однако существовать – это не только «отражаться», сканируя лучом познания суть вещей, но и, как пишет В.А. Петровский, возвращаться к себе, объединяясь с собой. В этом суть не только субъектности, но и самореализации как одной из граней субъектности (В.И. Моросанова).

Возможно, неисчерпаемость познания Мира заключается не только в невидимости и немыслимости его границ, но и в том, что человек, отдавая другим свой опыт и знания, не утрачивает их при этом. Такого рода «разделенность» человека не нарушает его личностной целостности, а, скорее, укрепляет и продолжает ее. На память приходит сказка о волшебном кувшине: чем больше человек отдает свой опыт, тем больше его становится. Так, личность продолжает себя в других людях, «отражается» в других людях, через других людей, становясь собой. Существование – единство представленности в себе и в другом человеке. Существование и развитие личности всегда взаимообусловлено [Выготский, 1991].

Феноменология развития всегда была и до сих пор остается актуальной для философии, социологии, биологии, педагогики. В психологии проблема развития является кардинальной. Давно стало нормой рассматривать индивидуальное развитие – онтогенез через призму родового развития – филогенеза. Индивидуальное развитие человека принято относить к особому виду развития – культурному онтогенезу. По мнению Л.С. Выготского, у высших психических (культурных) функций и низших (натуральных) элементарных разная природа, структура и происхождение. Культурный онтогенез является результатом взаимодействия идеальных и наличных форм существования. Культурный онтогенез – опосредованное развитие человека в процессе присвоения мотивов, задач, средств и способов действия. Некоторые авторы используют аналогию развития ребенка как «вращивание» в него других людей и их способов действия с предметами.

Движущей силой культурного онтогенеза считается мотивационно-смысловой аспект жизнедеятельности человека. Развитие ребенка определяется как проявление единства его аффекта и интеллекта. Само-развитие – это особый вид развития, требующий дополнительных средств и действий, но на основе вышеупомянутого единства аффекта и интеллекта. Основными условиями развития ребенка является общественный взрослый и общественные предметы.

Последовательность движения в процессе психического развития ребенка осуществляется по порядку: от смысла – к задаче, от задачи – к способу и далее к средствам действия. Смысл возникает в отношениях с другими людьми (взрослыми и детьми). Взрослый в такой ситуации является для ребенка, в некотором роде, дарителем смысла. Не только смысла, сообщающего, зачем нужен тот или иной предмет, но и смысла самого существования в условиях взаимодействия.

Предметные действия – исторически сложившиеся, закрепленные за определенными предметами общественные способы их употребления, – могут осваиваться ребенком только при содействии взрослого. Точки зрения на начальную фазу «онтологического цикла» последовательных изменений от причины до освоения человеком нового средства или орудия у некоторых авторов не совпадают. Так, А.Н. Леонтьев и Д.Б. Эльконин считают, что онтогенез – это отзыв, отклик на нужду, который возникает только тогда, когда у субъекта возникает неудовлетворенная потребность или, говоря иначе, «потребностное состояние». Начальной фазой движения они считали «разрыв» между потребностью и предметом. «Встреча» потребности и предмета завершает движение. Д.Б. Эльконин предложил понятие «совокупное действие», которое характеризует единство аффекта и интеллекта. Аффект в его интерпретации ориентирует ребенка на другого человека и социальный смысл происходящего, а интеллект – на предметные действия и условия.

Аналогичные рассуждения мы встречаем у Ж. Пиаже. Он выделяет в поведении ребенка энергетический (аффективный) и структурный (когнитивный) аспекты. Ж. Пиаже полагает неразделимость аф-

фективной и когнитивной жизни ребенка, одновременно отмечая их различие. Под «чувством» и «умом» он подразумевает две разновидности поведения ребенка, одна из которых направлена на другую, не признавая ни за одной из них самостоятельности и независимости [Пиаже, 1969].

Л.С. Выготский скажет о ложности дихотомии аффекта и интеллекта. Смысл – разрешающая категория преодоления ложной дихотомии аффекта и интеллекта [Выготский, 1991].

Предложенная Д.Б. Элькониным и Ж. Пиаже «интеллектуализация» единства аффекта и интеллекта, на наш взгляд, оставляет без внимания этого единства чувственную составляющую аффекта, то, что называется самочувствие, настроение, телесное состояние самого ребенка.

Н.А. Бернштейн, Л.С. Выготский несколько иначе трактуют «начальную фазу» онтогенеза. Для них исходной точкой является не разрыв потребности и предмета, а натуральная множественность побудителей (наличная форма). Главным событием онтогенетического цикла является преодоление природы культурой, реальной формы – идеальной формой, в которой будет «удерживаться» новое поведение. Здесь нет прямого противоречия взглядам А.Н. Леонтьева и Д.Б. Эльконины, поскольку их потребностная схема оказывается внутри схемы «удерживания» в составе средств, помогающих преодолевать натуральную, стихийную множественность побуждений, координируя ее в рамках культурно-функционального поля. Потребность в этом случае понимается как средство работы с множеством становлений, а не первая онтологическая предпосылка развития.

Началом считается взаимодействие ребенка и взрослого в эмоциональном переживании родственности. При этом взрослый – это не только техническое орудие ребенка, не просто «усилитель» его мощности, а еще и эмоциональный резонатор становящегося нового результативного действия. То есть исходный момент онтогенеза – межсубъектное взаимодействие, а не только наличие неудовлетворенной потребности.

Решая новую для себя задачу в смысловом пространстве взаимодействия со взрослым, ребенок оказывается инициированным на проявление поисковой творческой активности в безопасных условиях неопределенности.

Слова и чувства в такого рода ситуации уподобляют ребенка и взрослого друг другу. О том, что всякое уподобление чего-либо чему-либо способствует обособлению первого и не исключает обратного, писал еще Гегель в своей «Диалектике». Эта абстрактная формула неоднократно исполняла роль связующего звена в рассуждениях по поводу психологических аспектов детского развития. По-видимому, ей обязан своим появлением термин «со-бытие» (совместное взаимопроникающее бытие), который мы встречаем в работах В.А. Петровского и В.И. Слободчикова.

«Со-бытие» интерпретируется как «переплетение бытийностей», сопряжение, встреча двух субъектов, идеально отраженных друг в друге, в дальнейшем развернутых в реальных действиях. Иначе говоря, «кристаллизация» себя через отраженного другого. В дальнейшем В.И. Слободчиков использует этот термин в качестве единицы психического развития [Слободчиков, 1994]. Возможно, что термин «со-бытие» выглядит более «насыщенным» в содержательном смысле, нежели термин «совокупное действие» Д.Б. Эльконина. Однако, в любом случае, выражая по-разному целостность и единство предметного и социального в акте межсубъектного взаимодействия, все равно остается без должного внимания эффект «само-развития».

Взрослый человек – культурно структурированная система смысловых образований. Ребенок – сплав влечений, аффектов, движений, ощущений (Л.С. Выготский). Для взрослого и подростка внешняя форма и даже содержание совместных действий может совпадать, тогда как смысл происходящего может быть разным и даже противоположным.

Период взросления отличается особым динамизмом, характеризуется ярко выраженными изменениями, психологическими новооб-

разованиями, обеспечивающими взросление растущих людей, их личностное становление.

А.Н. Леонтьев писал, что личность – не биологическое единство и не соответствует биологическому строению человека. Личность – единство историческое, общественное, своего рода «сгусток» биографии. Личность имеет другую природу, нежели психические процессы. Потребности личности переподчиняют потребности индивида. Однако не будем забывать, что целостность личности не является предзаданной, поскольку формируется в процессе онтогенеза. Можно сказать, что целостность личности – это ее особое достояние, достигаемое посредством саморегуляции, интегрирующей личностные переменные различного уровня.

Развитость личности определяется уровнем иерархизации мотивационно-смысловой сферы. По этому вопросу мнения совпадают и у К.Г. Юнга, и у К. Левина, и у С.Л. Рубинштейна. Значит, саморазвитие представляет собой повышение уровня иерархизации собственной мотивационно-смысловой сферы. Более того, А.Н. Леонтьев считает, что личностью рождаются дважды. Первое рождение возникает в процессе операциональной эмансипации. Второе – как смысловая эмансипация, осознание себя как смысловой единицы, когда индивидуальное не совпадает со смысловым полем, в котором оно формируется [Леонтьев, 1983].

Личность, по мнению А.Н. Леонтьева, это системное «сверхчувственное» качество человека. Поскольку качество «сверхчувственное», то у него существует возможность проявляться формально тождественно у людей с различной социальной зрелостью. Более того, оно может проявляться как маскирующая форма реального уровня развития человека. В этом случае можно говорить о человеке как о продукте социализации, лишенном индивидуализации. Это оказывается созвучным высказыванию Гегеля о том, что в реальном мире образованности нет индивидуальностей и характеров. Однако А.Н. Леонтьев постоянно вносил уточнение, что носителем «сверхчувственного» всегда является телесный человек. К сожалению, понятие

«сверхчувственное» (возможно, по идеологическим причинам того времени) все больше утрачивало связь с породившей его чувственностью. Теоретическая психология, отделив «сверхчувственное» от организма человека, уподобив его «бесчувственному», постепенно пришла к забвению человеческой телесности как неотъемлемой части личности.

В детстве особенность функционирования индивидов (растущих людей), когда «сверхчувственное» [Леонтьев, 1983, т.1, стр. 385] личностное качество общественного индивида формируется в условиях и «роста-развития» последнего, где в своей целостной совокупности реализуются психические, психофизиологические, морально-волевые, потребностно-мотивационные компоненты взрослости, биологическое не может быть «снято» социальным, как, впрочем, и наоборот. Сверхчувственное в личности не может развиваться внечувственно, особенно, если речь идет об онтогенезе в период взросления. Очевидно, что особое значение в этой ситуации приобретает способность субъекта к саморегуляции. Есть все основания предполагать, что саморегуляция является атрибутивным свойством субъекта. Без всякого преувеличения можно было бы сказать, что становление субъектности – это развитие различных форм саморегуляции. Приведенные выше рассуждения наталкивают на мысль о том, что различные аспекты «Я» (скажем пока – аспекты) могут выступать как своеобразные регуляторы, субъекты регуляции, дирижеры «хора различных Я» личности.

Идея мультисубъектности личности принадлежит В.А. Петровскому. Наша собственная логика, позволяющая приобщиться к этой, на наш взгляд, в высшей степени продуктивной идее, довольно проста. Если личность индивида А существует не только в самом индивиде, но и вне его, в других людях, в которых он отражен (индивиды В, С, D и др.), то, мы допускаем, что и индивиды В, С и D отражены в индивиде А (В', С', D') как значимые, активные и действенные субъекты. Зададимся вопросом: как влияет их (В', С', D') присутствие в пространстве бытия индивида А на его жизнь?

Поиск ответа на этот вопрос отнюдь не самоцель. Коль скоро речь идет о бытии субъекта, мы не можем игнорировать факта его представленности в жизни других и представленность других в его собственной жизни. Разрабатывая систему профилактики молодежной наркомании, мы обнаружили, что каждый подросток решает универсальные задачи взросления уникально. Целостность индивидуальных способов решения подростком задач взросления создает «содержательное наполнение» его индивидуальности. С другой стороны, решенная задача взросления – это не просто своеобразный ответ на экзистенциально значимый вопрос, это собственное, а потому уникальное и неповторимое отношение личности к тому аспекту его бытия, который составляет суть задачи. Таким образом, мы можем сказать теперь, что решение задач взросления – это осознанное построение своего отношения к значимым аспектам бытия. Решенная задача взросления – это осмысленное отношение личности к той или иной стороне ее жизни. Очевидно однако, что само это отношение не константное явление. Личность вынуждена постоянно самоопределяться по отношению к той или иной задаче и «удерживать» себя в интервале тех интервалов задачи, которые обеспечивают ей рост и развитие, движение вперед, в конечном счете – радость бытия. Следовательно, решенная задача взросления это, по сути, сложившийся способ самореализации, по отношению к конкретному способу бытия. Например, решение такой задачи взросления, как принятие своего пола, означает, по сути, выработку такого механизма саморегуляции, который на поведенческом уровне проявляется как принятие и воспроизводство культурно-исторически сложившихся мужских/женских ролей и функции (вести себя как мужчина/женщина); на когнитивном уровне – как осмысление себя, своего поведения, мыслей, чувств и др. как мужских/женских, как понимание своего мужского/женского предназначения и возможности самореализации; на эмоциональном уровне – переживание положительных эмоций в связи с тем, что ты – мужчина/женщина. Таким образом, профилактика наркомании – это, как нам кажется, содействие взрослеющей личности в выработке ею таких

способов взаимодействия с различными аспектами жизни, которые исключали бы саму возможность приобщения к наркотикам. Иными словами, профилактика наркомании – это содействие подростку в решении онтологически значимых задач взросления, когда способ решения становится для подростка способом саморегуляции в отношениях личности и жизни. Заметим при этом, что саморегуляция означает не только сохранение и поддержание себя в определенном состоянии, но и воспроизводство себя в изменяющихся условиях. Таким образом, речь идет, по сути, о производстве и воспроизводстве личностью себя как субъекта.

Разрабатывая мультисубъектную теорию личности, В.А. Петровский [Петровский, 2007] формулирует четыре характеристики субъекта:

- 1) субъект – целеустремленное существо,
- 2) субъект – рефлекслирующее существо, обладатель образа себя,
- 3) субъект есть свободное существо,
- 4) субъект – развивающееся существо.

Однако, конгруэнтность понятий «субъект» и «индивид», так же как и «личность» и «индивид», неизбежная при общепринятой трактовке этих понятий, требует рассмотрения условий, при которых индивид приобретает статус подлинного субъекта.

В.А. Петровский говорит, по меньшей мере, о четырех таких условиях [Там же]. Во-первых, хотя бы частичное преодоление целевого хаоса функционирования различных подсистем индивида. Предполагается, что в движении от целевого хаоса к целостности могут быть актуализированы процессы самоорганизации, синхронизации и координации, «состыковки» разнонаправленных тенденций, спонтанные акты синтеза различных мыслительных и поведенческих схем, а также задаваемые извне модели поведения. В конечном итоге и сам индивид обретает способность транслировать освоенные модели поведения другим. Как пишет В.А. Петровский, «субъектность» других людей как бы присваивается индивидом. Таким образом, развивается произвольность, позволяющая воспроизводить себя, упорядочивая

проявления собственной активности. Заметим, что «как бы присвоенная индивидом субъектность других людей» есть не что иное как субъектность «живого социального организма» [Шабельников, 2004]. Отраженность в индивиде целостных «социальных организмов» на уровне диад была изучена в работе О.В. Шапатиной, показавшей, что идеальную представленность могут обретать не только индивидуальные, но групповые субъекты [Шапатина, 2001].

В контексте решаемых нами проблем профилактики наркомании это условие раскрывается следующим образом. Нерешенность задач взросления, означающая отсутствие определенности в отношениях со значимыми аспектами жизни, порождает хаос в поведении, эмоциях и чувствах подростка, сложности в осмыслении им себя в мире, противоречие между потребностями индивида и личности. Хаос функционирования различных подсистем индивида, о котором пишет В.А. Петровский, переживается подростком как генерализованная тревожность. Если в результате пробного (поискового, экспериментального) употребления наркотика этот хаос преодолевается, то не исключено, что подросток будет стремиться к воспроизводству упорядоченности с помощью наркотика. Конечно, употребление наркотика требует от подростка проявления определенной активности: наркотика нужно найти, необходимо обеспечить условия для их безопасного употребления и т.п. Однако эта активность подростка направлена именно на употребление наркотика, а не на преодоление «хаоса функционирования подсистем индивида». Следовательно, большая упорядоченность жизни в состоянии наркотического опьянения ведет к «ложной субъектности», когда условием упорядоченности является не саморегуляция индивида, а наркотическое вещество.

Вторым условием обретения подлинной субъектности является активно-неадаптивный характер произвольных действий индивида. Произвольные, следовательно, осознанные, единственной причиной которых является сам индивид, предпочитающий действия с непредрешенным результатом, – бескорыстный риск, творчество, непрагматические формы общения, самосознание.

Заметим, что решение онтологических задач взросления предполагает активно-неадаптивный характер действий индивида. То, что эти задачи будут решены, вовсе не гарантировано, не предрешено возрастным развитием. Следовательно, их решение может быть только результатом собственных усилий индивида. Мы полагаем, что осознание индивидом проблем, связанных с задачами взросления (самосознание): готовность обнаружить их для другого и через другого (бескорыстный риск), принятие себя и другого (непрагматическое общение), – инициируют процесс нарастания в поведении индивида активно-неадаптивных действий. Мы считаем, что вовлеченный в перечисленные формы активности подросток практически застрахован от систематического употребления наркотиков – ему есть что терять. Как показали исследования, пребывание в состоянии наркотического опьянения – это псевдобытие. В этом состоянии невозможно самосознание, поскольку в нем нет рефлексизирующего субъекта. Созерцающий – есть, рефлексизирующего – нет. В этом состоянии невозможно непрাগматическое общение. В транзактных категориях описания наркотического опьянения, даже сопровождающееся высокой двигательной активностью, – это уход. В общем, пребывание в состоянии наркотического опьянения – это пребывание в пустоте.

Третье условие заключается в том, что индивид отражается в других людях значимыми аспектами своего бытия. Как было показано в исследованиях В.А. Петровского и сотрудников, отраженность индивида в других означает его идеальную представленность и продолженность в других людях.

Заметим, что в теории персонализации развитие личности описывается как процесс, осуществляющийся во взаимопереходах отраженной и возвращенной субъектности. Индивид А отражается в других людях значимыми для них аспектами его бытия (скажем, подросток отражается в родителях значимыми для них чертами его личности и поведения) – отраженная субъектность. Вместе с этим индивид А может наблюдать эффекты влияния своей идеальной представленности в других на их жизнь (подросток может наблюдать динамику родите-

лей, вызванную представленностью в их сознании) – возвращенная субъектность.

Столкновение подростка с задачами взросления инициирует его эмоциональную, когнитивную и личностную динамику.

В поведении, эмоциональных реакциях и суждениях появляется нечто новое. Подросток проявляется за пределами сложившихся форм поведения и реагирования. Нередко его поступки становятся неожиданными и для него самого, и для окружающих его взрослых. Если такие поступки осознаются подростком и являются результатом его свободного выбора, то подросток отражается в окружающих людях значимыми для них аспектами своего бытия. Заметим, что действия, содержащие в себе возможность решения онтологических задач взросления, это действия, по определению, осознанные, свободные и ответственные, т.е. действия субъектные.

В контексте проблемы профилактики наркотизма сформулированное В.А. Петровским общее условие субъектогенеза приобретает вполне конкретное наполнение. Действуя свободно и ответственно в направлении задач взросления, подросток отражается в других как субъект, преодолевающий отчуждение (принимаящий себя) от своего имени, пола, тела, лица и т.д.

Обретаемая им идеальная представленность и продолженность в других – это его «инобытие» как субъекта, решающего задачи взросления. Именно эти черты будут «возвращены» подростку теми, в ком он идеально представлен. В зеркале другого/других (возвращенная субъектность) подросток обретает инструмент воспроизводства своего Я.

Наиболее оптимальной средой, инициирующей и поддерживающей эти процессы, является специфическая, ориентированная на решение задач взросления, психотерапевтическая группа. Конечно, в идеальном варианте это должна бы быть семья, однако...

Поведение подростка, детерминированное актуализирующимися задачами взросления, нередко воспринимается его родителями как девиации различной степени выраженности. Эмоциональные реакции

родителей, часто импульсивные, нередко осложняют эту непростую ситуацию подростка.

Четвертое условие обретения индивидом статуса субъектности заключается в том, что, по мнению В.А. Петровского, индивид неизбежно обнаруживает факт несовпадения своего «в себе и для себя бытия» и «бытия в другом и для другого». В первом случае речь идет о «Я в самосознании» (в себе и для себя бытие), во втором – об «отраженном Я» (бытие в другом и для другого). Обнаружение несовпадения «Я в самосознании» и «отраженного Я» становится, как считает В.А. Петровский, источником развития индивида как личности и, в частности, возрастных кризисов развития. Последнее обстоятельство имеет для нас особое значение. Исходя из него, мы можем предположить, что одним из аспектов кризиса подросткового возраста является обнаружение подростком несовпадения «Я в самосознании» и «отраженного Я» в других. Мы также можем предположить, что эти несовпадения имеют тенденцию группироваться вокруг значимых для подростка аспектов бытия (онтологических задач взросления). Например, подросток может обнаружить явное несоответствие своего отношения к себе (Я взрослый!) и отношения к нему значимых взрослых (Еще ребенок!). Заметим, что речь в данном случае идет отнюдь не о феноменах социальной перцепции. Речь идет о том, что в себе подросток отражается одними чертами, скажем, чертами взрослого (ответственность, целеустремленность, автономность), а в значимых взрослых – другими, скажем, инфантильными (безответственность, импульсивность, зависимость). Мы уверены, и это подтверждено нашими исследованиями, что профилактика наркомании – это создание условий для порождения индивидом себя как субъекта, отражающегося в других чертами свободного и ответственного тут-бытия. Очевидно, что такая работа может быть организована только в группе, по своим основным параметрам соответствующей психотерапевтической.

Принятие предлагаемых В.А. Петровским условий, при которых индивид обретает статус субъекта, со всей неизбежностью приводит к признанию того, что «личность индивида представлена многими

субъектами, в которых он фактически обнаруживает свое бытие» [Петровский, 2007]. Следовательно, речь идет о мультисубъектности личности, об особой целостности не тождественных субъектов. Не одно Я, как пишет В.А. Петровский, а множество Я, единомножие Я.

Таким образом, с позиции мультисубъектной теории личности эффективная профилактика наркомании – это содействие в развитии такой системы саморегуляции, которая обеспечивала бы личности устойчивость в ситуации экзистенциально значимых выборов. В подростковом возрасте такие выборы имеют статус задач взросления. Каждая решенная задача взросления – это самоопределенность личности по отношению к значимому аспекту бытия человека в мире. У нас есть основания полагать, что напряженность задач взросления – это следствие напряженности в отношениях «Мое Я» – «Мое Ты», преодоление которого означает повышение целостности и устойчивости личности. Отсюда очевидно, что эффективные профилактические программы могут быть построены только по модели групповой терапии. Здесь нам хотелось бы снова вернуться к идее В.К. Шабельникова о том, что субъектом организации действий является не индивид, а группа того или иного уровня организации. В этом смысле психотерапевтическая группа со всей целокупностью ингрупповых интерперсональных связей выступает не только как субъект организации действий, но и как субъект, преобразующий индивидов.

Таковы самые общие основания разрабатываемой нами онтосубъектной концепции профилактики наркотизма. Практическая реализация выдвинутых нами положений, а также эмпирическая проверка эффективности онтосубъектной модели профилактики будут представлены в соответствующих разделах нашего исследования.

Наша точка зрения по поводу возникновения негативных психических зависимостей в подростковом возрасте согласуется с результатами исследований В.С. Собкина и его коллег [Собкин и др., 2004]. Их выводы могут быть представлены следующим образом:

1. Тенденция роста числа курящих и начинающих употреблять ПАВ учащихся имеет скачкообразную форму в начале 9 класса.

2. Данная тенденция интерпретируется (по аналогии с Э. Эриксонем), с одной стороны, как обострение подросткового кризиса, с другой, как проявление трансформации подростковой субкультуры.

3. Девиантное поведение – особый способ разрешения подросткового кризиса.

4. Широкое распространение такого рода девиантного поведения в подростковой среде может рассматриваться как специфическая норма.

5. Девиантные формы поведения выполняют функцию возрастной инициации, обеспечивающей переход во взрослость (Э. Эриксон).

6. Отличительная черта подросткового возраста – подчеркнутое проявление взрослости.

7. Подтверждение взрослости осуществляется подростками в процессе апробации различных девиантных форм поведения.

Главный вывод заключается в том, что формы поведения подростка – это не только субкультурные нормы, но «идеальные формы» взрослости.

Это «снимает» привычное в педагогической среде оправдание по поводу того, что девиантное поведение присуще только «плохим» ученикам и «трудным» подросткам. Девиантное поведение могут проявлять все дети.

Другое дело, считать такое положение нормальным будет неправильно, однако признание самого факта существования девиации как «идеальной формы» взросления, может прояснить многое, как исследователям, так и воспитателям. Но тогда, если общество действительно заинтересовано в решении проблемы профилактики возникновения негативных зависимостей у подростков и молодежи, многие основания привычных культуросообразных моделей подростничества должны быть пересмотрены. Мы полностью согласны с В.С. Собкинским в том, что, к сожалению, большинство исследователей все еще фиксируют свое внимание на количественной стороне этого вопроса, на распространенности и внешних параметрах девиантного поведения.

Количеству девиантных форм способствуют не только противоположные и взаимоисключающие мотивы, но и взаимодействие со взрослыми и сверстниками. Сегодня курение и они не оцениваются как девиация, т.е. в обществе сложилось нормальное отношение к курению.

Остаются мало изученными мотивы и специфика социального взаимодействия подростков, проявляющих девиантные формы поведения. Реальная картина в отношении подростковой девиации сложна и противоречива. В переходный период подросток «перемеривает» на себя взрослые формы поведения, выбирая в качестве «идеальных» форм взрослости именно девиантные, фиксирующие в культуре границу между взрослым и незрелым. Необходимо изменить точку зрения на девиации, перестав рассматривать их только как формы нарушенного развития ребенка. Девиация в подростковом возрасте должна изучаться как форма извращенного проявления подростком сильного желания быть взрослым. Если девиация приобрела статус «идеальной формы», то разного рода запретительные методы в отношении ее всегда будут затратны и бесполезны. Это относится и к моделям профилактики, ориентированным на формирование здорового образа жизни как ценности. Здоровый образ жизни не является признаком взрослости, а потому и не может быть ценностью для подростков [Лисецкий, Литягина, 2004].

Многообразие и противоречивость причин начала употребления табака, алкоголя, и ПАВ в подростковом возрасте, а также наши исследования позволяют нам говорить о главном мотиве (смысле) девиантного поведения – мотиве взросления. Подростковая девиация – это стремление подростка решать свои задачи взросления. Взросление – интегральная линия онтогенеза.

2.3. Обоснование и диагностика актуальности задач взросления методом тематической тревожности

Выше нами была обоснована мысль о том, что «причинноцентрированность» многих исследователей связана со сложившейся своего

рода «линейностью» в осмыслении столь противоречивого явления, которое представляет собой «человек-употребляющий психоактивные вещества». Конечно, существуют ситуации, когда обнаружение причины облегчает понимание следствия. Но это бесполезно, когда количество причин на самом деле оказывается бесконечным. Однако, конкретной причины первичной наркотизации нет и быть не может, кроме доступности наркотических веществ и решения индивида проверить на себе их действие.

Существует огромное количество ситуаций, которые все время вынуждают человека принимать самостоятельные ответственные решения. В таких условиях только развитие субъектности (самопричинной активности и ответственности в ситуации неопределенности и риска) является надежным фактором личной наркоустойчивости подростка.

Под психологическими задачами взросления мы понимаем особый вид задач развития, в результате решения которых появляется взрослость как системная харак

теристика личности, способной к саморегуляции и самореализации. Критериями психологической взрослости в эмоциональной сфере является чувство ответственности, в когнитивной – рефлексивность, в волевой – конструктивное действие в условиях онтологической неопределенности (как способность действовать в соответствии с моральными критериями и целеполаганием). Психологические задачи взросления – это объективные ситуации неопределенности периода взросления, в результате преодоления которых у подростка появляется, проявляется и формируется взрослость.

Своевременно решенные подростком задачи взросления составляют основу его внутриличностной системы самоподдержки. Система самоподдержки необходима взрослеющей личности для обеспечения надежной, устойчивой связи между полаганием себя в изменчивых неопределенных условиях неоднозначного жизненного выбора и полаганием на себя в момент принятия окончательного решения. В старшем подростковом возрасте наиболее значимыми сферами, где решаются психологические задачи взросления, являются отношения с

родителями и другими взрослыми, со сверстниками и группой, поло-ролевое самоопределение, постижение вечных истин и конечности личной жизни.

Если подросток избегает решений задач собственного взросления (а взрослые всячески его поддерживают в этом), то ребенок остается инфантильным и привыкает быть беспомощным. В результате без внешнего покровительства, без помощи окружающих такой ребенок в дальнейшем будет испытывать значительные трудности в самостоятельном решении любых задач, связанных с личным выбором.

Косвенно нерешенность задач взросления среди наркозависимых была подтверждена нами в простом эксперименте. В ходе практических занятий с наркозависимыми мы иногда просили их отметить свое положение на неградуированном отрезке длиной в 100 мм, на котором начало отрезка символизирует начало жизни (рождение), а конец отрезка – конец жизни (смерть). Расстояние от начала отрезка до отметки испытуемого является косвенным показателем воспринимаемого психологического возраста. Собрав некоторое количество экспериментальных данных для наркозависимых в возрасте 17-20 лет и 34-38 лет, мы сравнили полученные результаты с контрольной группой (таблица 3).

Таблица 3

Сравнение воспринимаемого психологического возраста испытуемыми, употребляющими и не употребляющими ПАВ

	Расстояние от начала отрезка		Значение t-критерия Стьюдента	Степень свободы	p-уровень
	Среднее значение	Стандартное отклонение			
МОЛОДЕЖЬ В ВОЗРАСТЕ 17-20 ЛЕТ					
группа наркозависимых (35 чел.)	16,78	6,98	2,60	78	0,011
контрольная группа (45 чел.)	19,84	3,27			
ВЗРОСЛЫЕ В ВОЗРАСТЕ 34-38 ЛЕТ					
группа наркозависимых (17 чел.)	28,12	7,84	9,58	45	>0,000 01
контрольная группа (30 чел.)	46,65	9,12			

Обращает на себя внимание факт, что уже в юности лица, употребляющие наркотические вещества, воспринимают себя несколько моложе, чем сверстники, при большем (более чем в два раза!) разбросе оценок. Однако в среднем возрасте, при переживании кризиса середины жизни, картина получается совсем драматическая: средняя оценка величины прожитой жизни у взрослых людей, употребляющих ПАВ, оказывается даже ближе к оценкам юношей и девушек, чем к средней величине оценок своих сверстников.

В соответствии с классификацией задач, предложенной Н.Н. Нечаевым, задачи взросления можно отнести к задачам, в которых решение не согласуется с данными условия, когда наряду с недостающими имеются избыточные или частично неверные сведения. Сталкиваясь с задачами взросления, подросток попадает в ситуацию, типологически сходную с ситуацией «двойного зажима». С одной стороны, он хочет повзрослеть, с другой – он не знает, каков будет результат. Это ситуация, когда цель и результат не только не совпадают, но и могут быть противоположны [Бейтсон, 2003]. Поэтому задачи взросления не решаются адаптивными средствами. Они не решаются никакими другими средствами. Они могут быть решены только средствами, творимыми самим подростком, преодолевающим тревожность и решительно (т.е. свободно и осознанно) идущего на риск обнаружить себя для других и для себя самого во всей своей неопытности, неосведомленности и даже нелепости. Для решения такого рода задач подростку необходимо проявить неадаптивную активность [Петровский, 1994].

Объективность онтологических задач взросления требует дополнительной аргументации, поскольку часто они не имеют непосредственной представленности в сознании подростка. Слово «объективно» означает здесь не только независимость этих задач от осознания или неосознания подростком их наличия, но и *неизбежность* их возникновения. Рассуждая о сути человеческой личности, Б.С. Братусь говорит о том, что личность – это способ организации, инструмент, орудие присвоения индивидом человеческой сущности. Важ-

ную роль в этом процессе, по мнению ученого, играют внутренние психологические орудия. Определяя функции внутренних психологических орудий, Б.С. Братусь указывает на то, что они выступают не только как средства решения возникающих перед индивидом *задач*, но и как особого рода «психологические органы», в функции которых входит *продуцирование* самих задач [Братусь, 1988]. Мы считаем, что речь в данном случае идет о неизбежности возникновения связанных с личностным развитием задач, решение которых и означает взросление, а решенность которых означает зрелость. Решенная задача взросления, как мы намерены показать это ниже, это, по сути, смысловая установка. А.Г. Асмолов убедительно доказал, что «смысловая установка» есть элемент целостной структуры смысловой сферы, имеющий свою самостоятельную жизнь становятся подлинными чертами личности, творящими действительность [Асмолов, 2002].

В результате многолетних исследований мы составили перечень психологических задач взросления: принятие подростком своего имени; принятие собственной внешности и тела; достижение новых и более зрелых отношений со сверстниками обоего пола; достижение полоролевой идентичности; достижение эмоциональной независимости от родителей; построение системы ценностей, выстраивание отношений со временем (будущим, смертью, жизнью); построение отношений с Абсолютом (Богом); выбор профессиональной перспективы; принятие себя.

Сформулированные в таком виде задачи взросления отражают их онтологическую значимость для подростка. Каждая решенная задача уменьшает экзистенциальную тревожность личности, каждая нерешенная – увеличивает тревожность, заставляет личность наращивать напряжение в поиске средств совладания с тревогой. Средства совладания с тревогой могут быть различные: от «нормальных» механизмов защиты до использования наркотических веществ. Заметим, что наращивание усилий в направлении совладания в любом случае не снижает тревогу, а лишь делает ее «незаметной» для индивида и, возможно, для его окружения. Тревожность оказывается в той сфере

психического, которая, в соответствии с окнами Джохари, называется «неизвестное в себе – неизвестное другим».

Разрабатывая профилактику наркотизма на основе содействия подросткам в решении ими онтологических задач взросления, мы исходим из общего предположения о том, что нерешенные задачи взросления повышают тревожность индивида, который в своем, как правило, стихийном поиске средств совладания с нею может «столкнуться» с наркотиками. В этом случае наркотик становится внешним, «псевдосубъектным» контуром саморегуляции индивида. Для проверки этого предположения нами был проведен цикл исследований.

Для диагностики открытости личности подростка задачам взросления мы использовали авторский метод «тематической тревожности». Этот метод помогает обнаружить и зафиксировать факт решенности – нерешенности той или иной задачи взросления, а также качество состоявшегося решения.

Метод заключается в отслеживании «эмоциональных всплесков» (М. Боуэн, 2001), динамики увеличения тревоги в процессе конфиденциального обсуждения фундаментальных психологических основ системы внутриличностной самоподдержки подростка. Каждая тема прямо или косвенно связана с той или иной конкретной задачей взросления. Для диагностики эмоциональных всплесков нами были использованы методики биологической обратной связи (БОС), которая позволяет судить о выраженности состояния ситуативной тревоги по физиологическим характеристикам исследуемого. В качестве «маркеров» тревожности нами были выбраны такие параметры, как частота сердечных сокращений, равномерность и глубина дыхания. Существенное изменение диагностируемых физиологических показателей является объективным признаком изменения его психологического состояния: в случае роста всех трех указанных нами показателей можно констатировать рост ситуативной тревожности. Использование нескольких физиологических критериев одновременно увеличивает надежность диагностики тревожного состояния и делает методику тематической тревожности высоковалидной. Эффективный спо-

соб разрешения актуальных для подростка проблем, способность совладать с ростом онтологической энтропии и примирить противоречивые тенденции собственного Я связаны со способностью спокойно, без роста ситуативной тревожности говорить на соответствующие темы и отвечать на вопросы исследователя.

Таблица 4

Количество испытуемых с разной выраженностью эмоциональной реакции на высказывания на темы, связанные с актуальными задачами взросления

Тема высказывания	низкая		средняя		высокая		значение χ^2	р-уровень
	з	нз	з	нз	з	нз		
Отношение к своему имени	30	29	18	38	14	11	12,54	0,0019
Мотивационные и нравственные дилеммы	35	24	16	44	11	10	14,34	0,0008
Отношения со сверстниками	23	25	24	41	15	12	15,11	0,0005
Отношения с родителями	24	15	19	46	19	17	13,15	0,0015
Отношение к будущему	27	16	11	49	24	13	18,41	0,0001
Отношение к смерти	12	17	16	34	34	27	17,79	0,0001

з – группа наркозависимых испытуемых

нз – группа не употребляющих психоактивные вещества

Экспериментальная выборка составила 140 человек. В экспериментальную группу вошли 62 человека, употребляющие психоактивные вещества. Возраст испытуемых – от 16 до 34 лет (средний возраст – 22, 5 лет, медианный возраст – 21 год), период употребления психоактивных веществ составил от 4 месяцев до 8 лет. Мужчинами являются 40 испытуемых экспериментальной группы (64,5% всей выборки). Контрольную выборку составили студенты Самарского государственного университета, получающие первое или второе высшее об-

разование, что позволило создать выборку, соответствующую экспериментальной по половозрастным характеристикам.

Полученные результаты показывают, что наркозависимые испытуемые чаще склонны давать либо эмоционально нейтральные реакции на ответы, что является показателем обесценивания данной темы для испытуемого, ее вытеснения, либо ярко эмоционально реагировать на предложенные тематические высказывания. Результаты психодиагностики приведены в таблице 4.

Выводы по второй главе

1. Рассмотренные нами психологические теории описывают развитие личности как процесс усложнения когнитивных структур, развития саморегуляции, интеграции различных аспектов личности или «Я» и т.д. В явной или неявной форме развитие мыслится как процесс, детерминированный тремя факторами: биологический, социальный и собственная активность личности. В зависимости от того, какой фактор развития утверждается как ведущий, можно говорить об общей смысловой направленности теории. Исторически исходными являются двухфакторные теории, усматривающие движущие силы развития личности в диалектическом взаимодействии биологического и социального. Двухфакторные теории развития личности, по сути, отводили личности пассивную роль в собственном развитии. Идея собственной активности личности в явной или неявной форме присутствует в теориях личности различных общетеоретических направлений. Актуализация идеи авторства личности, роли ее собственной активности в выстраивании жизненного пути мыслится не только как преодоление ограничений биологического и социального, «отталкивание» от них, но и как специфическая активность личности по их интеграции в пространстве собственной жизни.

2. Анализ работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных проблеме взросления и зрелости как качества личности, позволяет нам выделить специфическую «единицу взросления». В ка-

честве такой «единицы» мы приняли «самостоятельное решение подростком онтологических задач своего взросления».

3. Мы рассматриваем взросление как универсальный мотив, предметом которого является расширение пространства личной свободы индивида. Если развитие человека понимать как отбор реакций на среду, созревание – как участие в динамическом равновесии со средой, то взросление человека представляет собой отбор реакций на самого себя.

4. В период взросления так называемая «онтологическая энтропия» постоянно растет в связи с физическими, психическими и социальными изменениями, происходящими как в самом подростке, так и вокруг него. Взросление в этом контексте мы мыслим не как приобретение новых умений или навыков в предметной деятельности под руководством воспитывающего взрослого при наличии соответствующих образцов, а как согласование, «онтосинтез» внутриличностных противоборствующих мотивов и ценностей в условиях неопределенности, непредрешенности и субъектного выбора. Мы можем утверждать, что возникновение наркотической зависимости у подростка на самом деле не является прямым продолжением или преемником его эмоциональной зависимости. Начало употребления наркотиков может восприниматься подростком как способ получения избыточных возможностей для освобождения себя от детского эмоционально зависимого поведения, как «особая система» самоподдержки.

5. Субъектность в нашем понимании есть проявление единства сознания и бытия в форме персональной, чувственно-телесной локализации при непредрешенности результатов действия. Такое понимание субъектности позволяет говорить о ней, как об источнике внутренней детерминации поведения человека. Субъектность, как ответственность за непредустановленное, представляет собой единство двух противоположностей: свободы и собственного контроля за собой.

6. Ответственность за непредрешенные результаты действий мы рассматриваем как самоответственность и потому не уподобляем ее

внешнему ограничивающему контролю. «Самоответственность» в нашем понимании – это рефлексивно-динамический процесс в условиях конкретной ситуации, который представляет собой ответственность за возможность выполнения субъективной организации актуальной реальности.

7. С позиции мультисубъектной теории личности эффективная профилактика наркомании – это содействие в развитии такой системы саморегуляции, которая обеспечивала бы личности устойчивость в ситуации экзистенциально значимых выборов. В подростковом возрасте такие выборы имеют статус задач взросления. Каждая решенная задача взросления – это самоопределенность личности по отношению к значимому аспекту бытия человека в мире. Решение задач взросления – это осознанное построение своего отношения к значимым аспектам бытия. Решенная задача взросления – это осмысленное отношение личности к той или иной стороне ее жизни.

8. Под психологическими *задачами взросления* мы понимаем особый вид задач развития, которое мы обозначаем как «онтологическое укоренение» субъекта жизни в отношениях к себе и миру. Результатом решения задач взросления является взрослость как системная характеристика личности. Формы поведения подростка – это не только субкультурные нормы, но «идеальные формы» взрослости. В этом смысле подростковую девиацию нужно рассматривать как стремление подростка решать свои задачи взросления.

9. Основные задачи взросления подростков: принятие своего имени; принятие собственной внешности и тела; достижение новых и более зрелых отношений со сверстниками обоего пола; достижение полоролевой идентичности; эмоциональной независимости от родителей; построение системы ценностей, выстраивание отношений со временем (будущим, смертью, жизнью), с Абсолютом (Богом); выбор профессиональной перспективы; принятие себя.

10. Нерешенные задачи взросления, т.е. отсутствие у подростка его субъективного, проясненного для него самого, его собственного отношения к онтологически значимым сторонам его жизни порождает

особое фоновое состояние, которое мы назвали «тематическая тревожность». Преодолеваться тематическая тревожность может либо в результате субъектного поведения, что ведет к взрослению, обретению идентичности, и, в конечном итоге, взрослости, либо деструктивно, что феноменологически может проявляться в виде различных зависимостей, неврозов, психозов и т.д.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ЭФФЕКТИВНОСТИ НОВОГО ПОДХОДА ПСИХОПРОФИЛАКТИКИ НАРКОМАНИИ

3.1. Развитие субъектности как определяющее условие психопрофилактики наркомании в период взросления

Мы предположили, что определяющим условием эффективной психологической профилактики наркотической зависимости личности в период взросления является развитие субъектности, содействие подростку в решении онтологически значимых задач взросления, способствующих становлению его внутриличностной системы самоподдержки («независимое «я», «автономия», «взрослость») в качестве альтернативы заимствованным формам субъектности («заимствованное», «превосходящее Я»), стихийно складывающимся в современном мире.

Под *заимствованными формами субъектности* подростков мы понимаем присутствие в их сознании особой инстанции – «Превосходящее Я» («субъект ничем не стесненных возможностей»), состояния всемогущества, всечувствия, всепонимания. По своему происхождению такие состояния, как правило, заимствованы, привнесены извне («донор» – наркотик), неотделимы от внешних источников, хотя и действуют непосредственно «изнутри», как если бы индивид сам был источником их порождения и действительности. «Превосходящее Я», проявляющееся в стремлении человека к воспроизводству состояния всемогущества и воли, лишено причинности «в себе» (самопричинности), превращается в самоценную, ненасыщаемую тенденцию личности.

Возникновение заимствованных форм субъектности и, соответственно, наркозависимости обусловлено: 1) сочетанием внутриличностной готовности к самоиспытанию, в том числе и экстремальными методами, 2) специфическим действием наркотика на состояние сознания и тела, пробуждающее ощущение особых возможностей, 3) про-

вокативностью молодежной культуры, 4) противоречивостью программ психопрофилактики.

Наркозависимость личности – результат множественной детерминации, не подлежащий редукции в какой-либо одной группе традиционно выделяемых «переменных» развития, как-то: травмы раннего детства, акцентуации характера, невротические расстройства, стрессы, наследственность, подражание и т.п.

Действительной причиной первых «опытов» употребления наркотиков является потребность «быть субъектом свободного выбора» («причиной себя»), что типично для личности в период взросления.

Начальные пробы психоактивных веществ опосредствуются особой *открытостью* подростка к постановке и решению онтологически значимых задач взросления и *провокативностью* среды, располагающей подростка к испытанию себя как субъекта (в том числе, и в экстремальных формах).

Наркотические вещества стимулируют самовосприятие индивида в качестве субъекта, неограниченного в своих возможностях («всё понимаю», «всё чувствую», «всё могу»), что образует феномен «превосходящего «я»», способного заместить собой развитие подлинной субъектности личности («независимого «я»», «аутентичной субъектности»).

Традиционные программы профилактики наркотической зависимости упускают из виду особенности ценностно-смысловой сферы развивающейся личности, замещая «взрослыми» представлениями и установками специфически подростковые, обнаруживая несостоятельность декларируемых положений в столкновении с особенностями молодежной субкультуры и личными переживаниями подростков, имевших реальный опыт употребления наркотиков.

Психологически действенная программа профилактики наркотической зависимости в период взросления основана на выделении зон тематической тревожности, относящихся к постановке и решению задач взросления («имя – внешность – тело», «воля», «независимость», «отношения со сверстниками», «равенство», «смерть – бессмертие» и

др.) и подкреплении исключительно субъектных форм разрешения этих задач. В конечном счете, рождается внутриличностная система самоподдержки – собственная субъектность подростка.

Говоря о «*внутриличностной системе самоподдержки*», мы определяем ее как внутренний контур саморегуляции, имеющий осознанный характер, сформированный в процессе индивидуальной активности при содействии значимых других и направленный на решение жизненно важных задач взросления (такие задачи мы отличаем от любых учебных задач и обозначаем их как «онтологически значимые»). Фигурирующие в основной гипотезе термины-синонимы «независимое «я»», «автономия», «взрослость» операционализируются нами в рамках эмпирического исследования внутриличностной системы самоподдержки.

«*Определяющим условием психопрофилактики*» является совокупность необходимых и достаточных факторов противодействия стихийно-складывающимся в подростковой среде побудительным предпосылкам наркотизации в форме предоставления альтернативных форм развития субъектности. Результат действенности психопрофилактики определяется в зависимости от стадии (нулевая, первая, вторая) и специфики социальной группы (школа, ПТУ, интернат, колония малолетних правонарушителей) и имеет количественные (статистика неупотребления наркотиков) и качественные показатели (уровни проявляемой субъектности личности подростков).

Наша первая частная гипотеза состояла в том, что подростковая среда содержит в себе факторы повышенной привлекательности действий, связанных с употреблением наркотических веществ, способствуя возникновению наркотической зависимости личности. Это факторы: 1) *открытости* подростка к постановке и решению онтологически значимых задач взросления (что обычно квалифицируется взрослыми как состояние «внутренней неустойчивости личности подростка») и – 2) *провокативности* социальной ситуации развития («провокативности среды»), располагающей подростка к испытанию себя как субъекта (в том числе, и в экстремальных формах).

Фактор открытости личности подростка к постановке и решению онтологически значимых задач своего взросления мы частично исследовали методом «тематической тревожности». Наркозависимые испытуемые реагировали на онтологически значимые темы принципиально иначе, нежели испытуемые, не имеющие наркотической зависимости.

Одним из ключевых проявлений субъектности – свободного, спонтанного и ответственного проявления собственной субъективности – является способность к совершению экзистенциального выбора, который характеризуется свободой действия в условиях непредрешируемости результатов. В.А. Петровским была предложена математическая метаимплективная модель такого выбора и намечены пути ее эмпирической верификации. Согласно В.А. Петровскому, субъект – это свободное, целеустремленное, рефлексивное и развивающееся существо. Каждая из перечисленных характеристик, взятая сама по себе, не может никаким образом ни охарактеризовать субъектность, ни быть показателем ее выраженности. Для проявления субъектности необходимо наличие всех перечисленных характеристик и их определенной структурно-функциональной взаимосвязи.

В основании любого проявления субъектности лежит свободное намерение действовать так или иначе – интенция, устремление (единство «могу» и «хочу»). Для реализации собственных устремлений субъект должен быть способен к целеполаганию. Субъектное целеполагание основывается на собственных устремлениях, однако оно не обязательно полностью им соответствует. Целеполагание и дальнейшее поведение, направленное к поставленной цели, может быть успешным (состоятельным) и неуспешным (несостоятельным). К каким бы результатам ни привела субъекта его активность, за ней должна следовать рефлексия, осмысление результатов деятельности, решение «задачи на личностный смысл». Результатом рефлексии является определение соответствия цели и полученного результата, принятие решения о том, зачем достигнутый результат необходим человеку. Действительно, о достижении цели, удовлетворении побуждений человек

судит не столько по объективным результатам своей деятельности, сколько на основании собственной рефлексии, субъективной удовлетворенности и значимости достигнутых целей.

Таким образом, в структурно-функциональном плане субъектность можно представить как рефлексию субъекта, основанную на результатах собственного целеполагания, которое, в свою очередь, основывается на интенциях и устремлениях субъекта.

Следует отметить, что несовпадение цели и результата, целеполагания и собственных устремлений вовсе не означает отсутствие субъектности. Как раз наоборот, через рефлексию субъект способен обнаружить себя даже в тех результатах собственной активности, которые никак не соотносятся с изначальными устремлениями, «присвоить» себе непредрешенные результаты собственных действий. Состоятельность всех трех процессов – устремлений субъекта, его целеполагания и рефлексии – это и есть состоятельность субъектности, обеспечивающая ее, субъектности, развитие (а точнее, саморазвитие).

В нашем исследовании на основе разработанной В.А. Петровским модели экзистенциального выбора была предложена метаимпликативная модель для диагностики субъектности, а также проведено сравнение выраженности субъектности у лиц, склонных к употреблению психоактивных веществ, и не употребляющих наркотические вещества. В содержательном плане, согласно модели В.А. Петровского, импликация $x \rightarrow y$ может быть описана как « x опирается на y », «для удовлетворения запроса x требуется ресурс y ». Тогда – применительно к нашей модели – метаимпликативная модель субъектного поведения может быть представлена как двойная метаимпликация $(x \rightarrow y) \rightarrow z$, где:

x – уровень побуждения к действию, желания заниматься той или иной деятельностью;

y – уровень целеполагания (*высота избираемых целей*);

$(x \rightarrow y)$ – уровень состоятельности целеполагания, реализуемости побуждения на основе принятой цели;

z – уровень рефлексии, осмысленности результатов деятельности, решения «задачи на личностный смысл»;

$(x \rightarrow y) \rightarrow z$ – уровень *субъектной* состоятельности, реализованности изначальных побуждений x в результатах осмысления себя как автора собственных действий.

Исследовались две группы испытуемых: потребители «легких» психоактивных веществ (40 человек) и лица, не употребляющие наркотических веществ (40 человек).

Для эмпирической проверки импликативных моделей мы использовали схему опросников В.А. Петровского, направленных на выявление частоты возникновения в жизни человека ситуаций, в которых присутствуют или отсутствуют устремления, целеполагание и личностная рефлексия. Нами были составлены несколько утверждений, соответствующих каждому из возможных сочетаний трех переменных в модели (всего восемь возможных сочетаний). Методом экспертных оценок были отобраны по два предложения для каждого сочетания. Например: «Как часто Вы занимаетесь деятельностью, которая для Вас безразлична?», или «...только ради самого процесса?» или «...которая для Вас важна, Вы точно представляете, чего хотите достичь в итоге, но не понимаете, зачем Вы это делаете?» Испытуемым предлагалось ответить на вопрос, как часто в их жизни возникают ситуации, соответствующие отобранным предложениям, и отметить частоту их возникновения на неградуированном отрезке длиной в 10 сантиметров, с полюсами «никогда» и «всегда».

При обработке результатов мы исходили из положения, что таким образом репрезентирована полная система классов ситуаций, в которых в разных соотношениях представлены три переменные (x, y, z) модели (устремления, целеполагание, личностная рефлексия).

Полученные результаты позволяют на основании табличного определения импликации количественно оценить каждую из переменных моделей, а затем, пользуясь формулами метаимпликации и двойной метаимпликации, определить значения состоятельности целеполагания и состоятельности субъектности.

Нас также интересовала взаимосвязь уровня субъектности, равно как и ее отдельных структурных элементов, с личностными особенно-

стями испытуемых. Для диагностики личностных характеристик нами была подобрана батарея психодиагностических методик, включающая в себя: 16-факторный тест Кеттелла, опросник уровня интернальности-экстернальности, транзактный опросник выраженности эго-состояний.

Нами было обнаружено, что для реализации субъектности выбор деятельности должен быть свободным, непринужденным и, в терминологии личностных черт по тесту Кеттелла, «расслабленным». Развитый навык целеполагания приводит к большей выраженности доминантности в структуре личности. Он также связан с развитием самоконтроля и практичности. Развитие рефлексивных навыков оказалось связанным с большим уровнем тревожности и самостоятельности. В то же время интернальность в области неудач, наоборот, не способствует большей выраженности личностной рефлексии. Наконец, состоятельность субъектности в целом детерминирует выраженность эго-состояния «Взрослый», общий уровень интернальности, безмятежность, невысокую тревожность и самоконтроль. Отметим, что выраженность эго-состояния «Взрослый» оказалась значимо детерминированной только общим уровнем субъектности и никак не связана ни со способностью к целеполаганию, ни с развитостью личностной рефлексии, ни с состоятельностью целеполагания, входящими так или иначе в структуру субъектности. Иными словами, субъектность – это Взрослая позиция по отношению к себе и своей жизни, к собственной спонтанной, свободной и ответственной субъективности.

Сравнение выборок испытуемых, употребляющих и не употребляющих ПАВ (табл. 5), показало, что наибольшее различие между группами наблюдается как раз по уровню состоятельности субъектности в целом.

Таблица 5

**Сравнительный анализ диагностических показателей среди
испытуемых, употребляющих и не употребляющих легкие ПАВ**

Шкала	Средние значения		t-критерий	Степень свободы	p-уровень
	потребители ПАВ	не употребляющие ПАВ			
Опросник выраженности эго-состояний					
Д	43.07	46.93	-1.19250	38	0.243072
В	42.53	47.20	-1.38038	38	0.178391
Р	29.33	29.40	-0.02362	38	0.981323
Общий уровень интернальности					
Ио	5.07	5.93	-1.16676	38	0.253148
16-факторный тест Кеттелла					
А	4.00	6.67	-3.42458	38	0.001917
В	6.40	7.20	-1.09545	38	0.282655
С	5.47	7.27	-3.29506	38	0.002674
Е	5.67	6.20	-1.16870	38	0.252380
F	7.33	6.93	0.63145	38	0.532865
G	3.60	4.33	-1.38430	38	0.177201
Н	7.27	7.07	0.34674	38	0.731379
I	5.93	5.87	0.07923	38	0.937410
L	5.33	5.60	-0.39661	38	0.694658
М	6.73	6.07	1.15580	38	0.257530
N	4.47	4.87	-0.67628	38	0.504413
О	6.33	4.73	2.04726	38	0.050120
Q1	7.00	7.27	-0.45250	38	0.654398
Q2	5.07	3.87	1.39827	38	0.173009
Q3	3.60	5.53	-2.44472	38	0.021048
Q4	5.40	4.87	0.71351	38	0.481438
уровень субъектности					
	0.58	0.69	-4.06651	38	0.000232

Иными словами, ни одна из исследованных нами личностных характеристик не является «фактором риска», равно как и их сочетание в структуре личности. Среди употребляющих легкие психоактивные вещества, равно как и среди не употребляющих, есть тревожные и спокойные, экстерналы и интерналы, лица с большей выраженностью эго-состояния «Взрослый» и эго-состояний «Родитель» и «Ребенок». Список можно продолжать и далее. Однако отсутствие субъектной позиции по отношению к себе и к собственной жизни, «неприсутствие» в ней оказалось той самой характеристикой, по которой упот-

ребляющие и не употребляющие ПАВ испытуемые отличались между собой в максимальной степени.

В своей работе мы исходили из положения, что открытость подростка к постановке и решению онтологических задач взросления будет неизбежно отражаться на особенностях «Я-концепции». На протяжении ряда психокоррекционных групп мы исследовали особенности структуры и динамики участников терапевтического процесса методами психосемантики, последовательно проводя несколько психосемантических срезов с каждым из участников. Затем мы обобщили полученные результаты.

Экспериментальную группу составили результаты, полученные для трех психотерапевтических групп, проведенных в благотворительном фонде «Второе рождение». Объем экспериментальной выборки составил 30 человек. Контрольную выборку составили клиенты психотерапевтических групп «Центра практической психологии» г. Самары, исследование проводилось с 4 группами, общий объем выборки составил 53 человека. Выборки были уравновешены по половозрастному составу участников.

При исследовании личностной динамики участников групповой работы, а также влияния на личностную динамику значимых других в группе и за ее пределами, нами была обнаружена зависимость величины и характера изменений в Я-концепции в зависимости от ее структурных особенностей. Для описания выделенных структур мы воспользовались четырьмя выделенными критериями различия:

1. согласованность представлений о себе (расстояние между Я-реальным и Я-отраженным);
2. принятие актуального прошлого (расстояние между Я-реальным и Я-прошлым). Речь здесь идет именно о принятии прошлого, об отсутствии конфликта с ним и выраженного противопоставления, так как участники эксперимента сами решали, *какое именно и насколько прошлое* прошлое они оценивали;
3. реалистичность (расстояние между Я-реальным и Я-идеальным);

4. воспринимаемая самооффективность (расстояние между Я-идеальным и Я-возможным).

По результатам кластерного анализа мы выделили 3 типа структур основных модусов Я-концепции, для каждого из которых характерны свои динамические особенности.

1. «Гибкая» структура: высокая согласованность, умеренное принятие своего актуального прошлого, высокая реалистичность, высокая воспринимаемая самооффективность. Такие результаты мы интерпретируем как высокую степень согласованности представлений о себе в целом, высокий уровень «онтологической укорененности». Динамика структуры Я-концепции у этих испытуемых в процессе групповой работы максимальна: наиболее близкие к «Я» значимые другие, не присутствующие в группе, могут стать далекими (непохожими) по отношению к «Я» после завершения экспериментальной процедуры. Расхождения между модусами Я-концепции во втором срезе, как правило, немного увеличивается, хотя структура в целом воспроизводится. Складывается впечатление, что такие участники группы стремятся обнаружить новое в себе и своих возможностях (расстояния между Я-реальным и Я-прошлым, Я-реальным и Я-возможным, как правило, также незначительно увеличиваются), готовы ставить перед собой новые цели личностного развития и искать новые пути их достижения. Такие подростки открыты новому опыту и склонны доверять окружающим их людям. Обобщенная кластер-структура для этих испытуемых изображена на рис. 8.

2. «Ригидная» структура: высокая согласованность, выраженное неприятие своего актуального прошлого, низкая реалистичность, крайне высокая воспринимаемая самооффективность (вплоть до полного совпадения Я-идеального и Я-возможного у некоторых испытуемых). Характерными особенностями для данных участников эксперимента являются: крайность субъективных оценок объектов для шкал исследования, очень активное участие в работе группы (активная обратная связь, высокое самораскрытие, максимальное количество значимых людей в группе) либо уход от взаимодействия в группе.

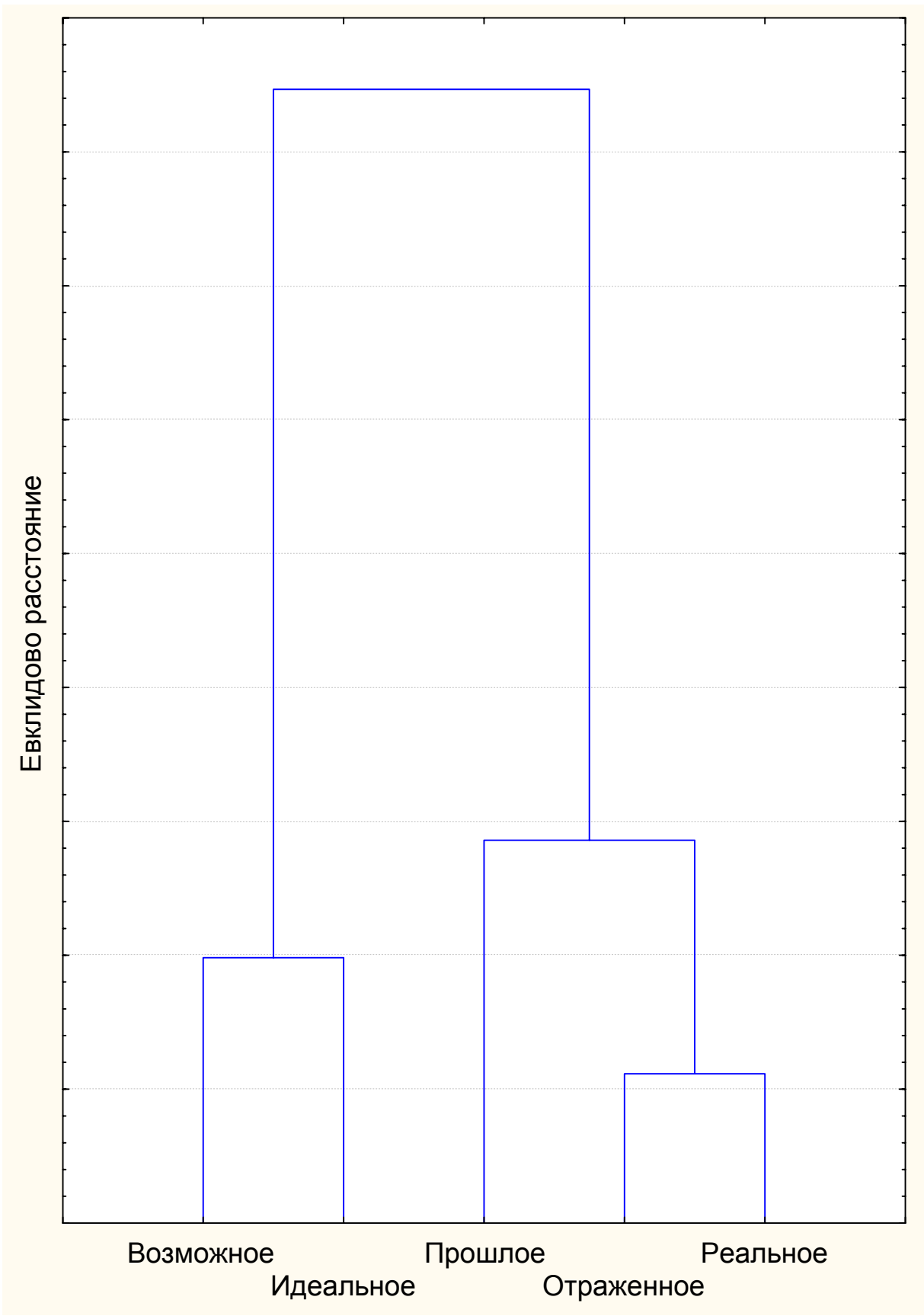

Рис. 12. Кластерная структура «гибкой» Я-концепции

В большинстве случаев существует значимый другой (из числа не присутствующих в группе), очень близкий к идеальному Я. Несмотря на большое количество значимых участников эксперимента, ни один из них не оказывается в такой степени близким к идеалу (хотя расстояние до Я-идеального остается небольшим). Самым весомым оказывается противопоставление прошлому, в сравнении с которым все остальные аспекты «Я» как бы сливаются в некоторый обобщенный идеальный образ. Складывается впечатление, что для этих участников смысл взаимодействия с другими людьми сводится к подтверждению «девиза»: «Я не такой(ая), как был(а)!», или избеганию ситуаций, которые могут поставить этот «девиз» под сомнение. Реальное Я вбирает в себя многие черты идеального, а неприемлемые, «порочащие» его факты либо игнорируются, либо вытесняются в прошлое Я, что еще больше обостряет существующий внутриличностный конфликт с актуальным прошлым. Такой конфликт переживается как борьба за собственное Я, однако на деле оборачивается потерей и самого себя, и своего развития, детской попыткой вернуть себе утраченное могущество над миром, стремлением «повзрослеть на халяву», не прилагая к этому личностных усилий. С нашей точки зрения, такая ситуация соответствует невысокой открытости новому опыту, что связано с необычайной остротой внутриличностного конфликта, связанного с отношением к собственному прошлому – с высокой актуальностью одной или нескольких задач взросления. Соответствующая кластер-структура приведена на рис. 9.

3. «Спутанная» структура, основной характеристикой которой является диссоциация между различными аспектами представлений о себе. Поэтому здесь невозможно выделить явные закономерности, мы можем говорить только о преобладающих тенденциях к рассогласованности, росту различий, вплоть до противопоставления Я-реального и Я-идеального, снижению воспринимаемой самооценки. Это наглядная картина спутанной идентичности (Э. Эриксон). Результаты сравнения разных срезов свидетельствуют об умеренной динамике Я-концепции. После участия в групповой работе расстояние между

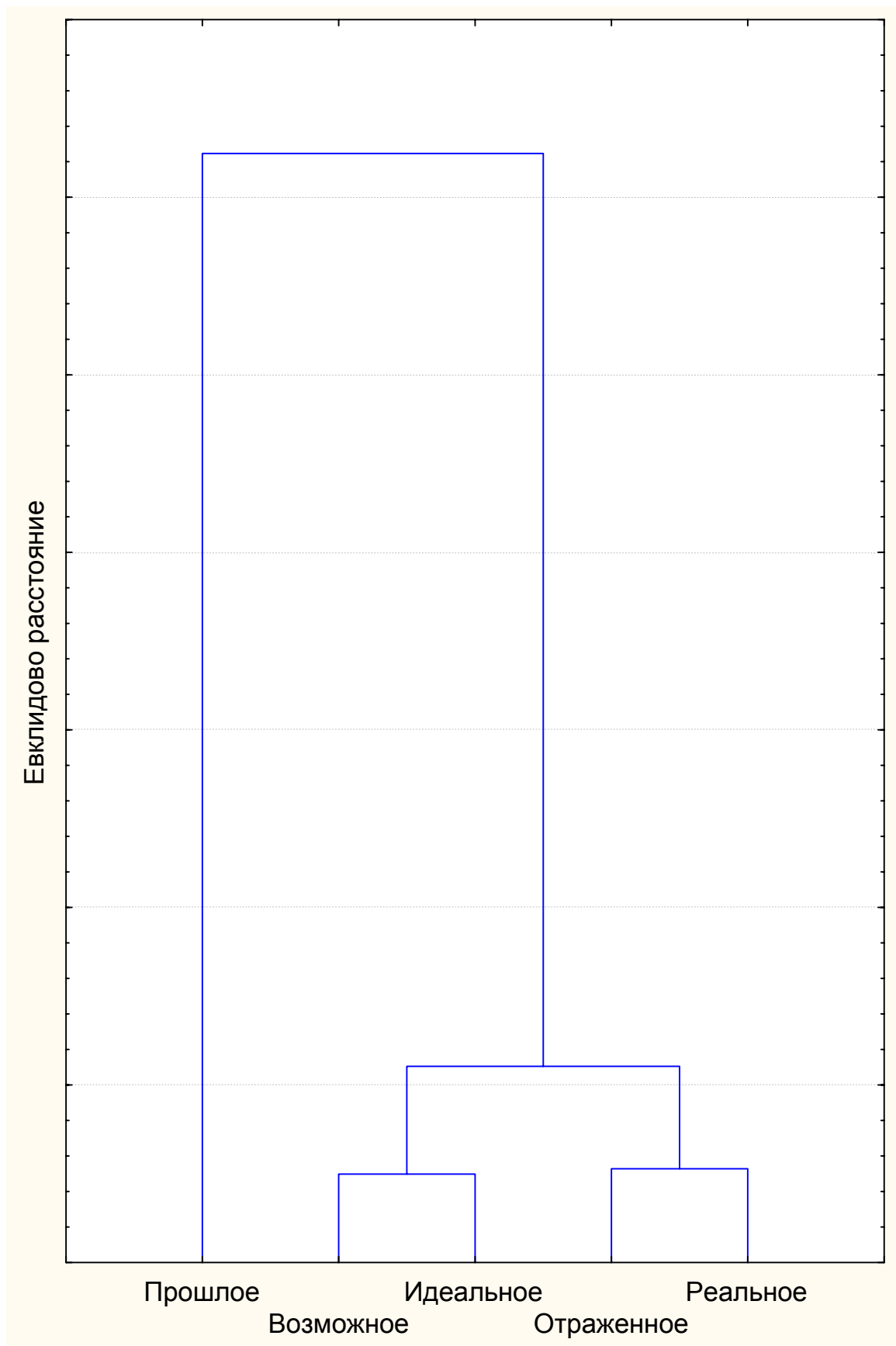

Рис. 9. Кластерная структура «ригидной» Я-концепции

Я-реальным и Я-возможным (а в большинстве случаев и с Я-идеальным) немного уменьшается. Количество значимых участников группы, как правило, невелико (обычно 1-2). Значимыми для таких людей, по-видимому, становятся те, кто способствует формированию их идентичности, помогая развитию ценностных представлений о себе (на кластерной структуре такие люди занимают место вблизи модусов Я-идеальное и Я-возможное). В отличие от первой группы, значимые другие здесь содействуют не столько открытию новых граней личности, сколько организации, упорядочиванию, согласованности имеющихся представлений о себе (об этом свидетельствует заметно меньшее изменение положения значимых других, не присутствующих в группе, относительно модусов Я-концепции). В аспекте задач взросления такие результаты говорят о неуспешных, но не прекращающихся попытках их решения: магический мир потерян, а в новом я ничего не могу и не умею. Кластер-структура приведена на рис. 10.

Все три группы испытуемых с различными особенностями сложившейся «Я-концепции» открыты к постановке онтологически значимых задач взросления, однако в способности к их решению они различаются. Подростки с «гибким» типом «Я-концепции» наиболее успешны в поисках возможных путей их разрешения, поскольку они открыты новому опыту и обладают устойчивым положительным самоотношением и относительно сформированной временной перспективой в самовосприятии. Важно отметить, что такие подростки больше, чем остальные, ориентированы в своем поиске на межличностные отношения с другими, нежели на разрешение внутриличностных противоречий; иными словами, они более социально-ориентированы и полагают, что через системы социальной поддержки они могут найти решения, в том числе онтологически значимых для них, задач взросления.

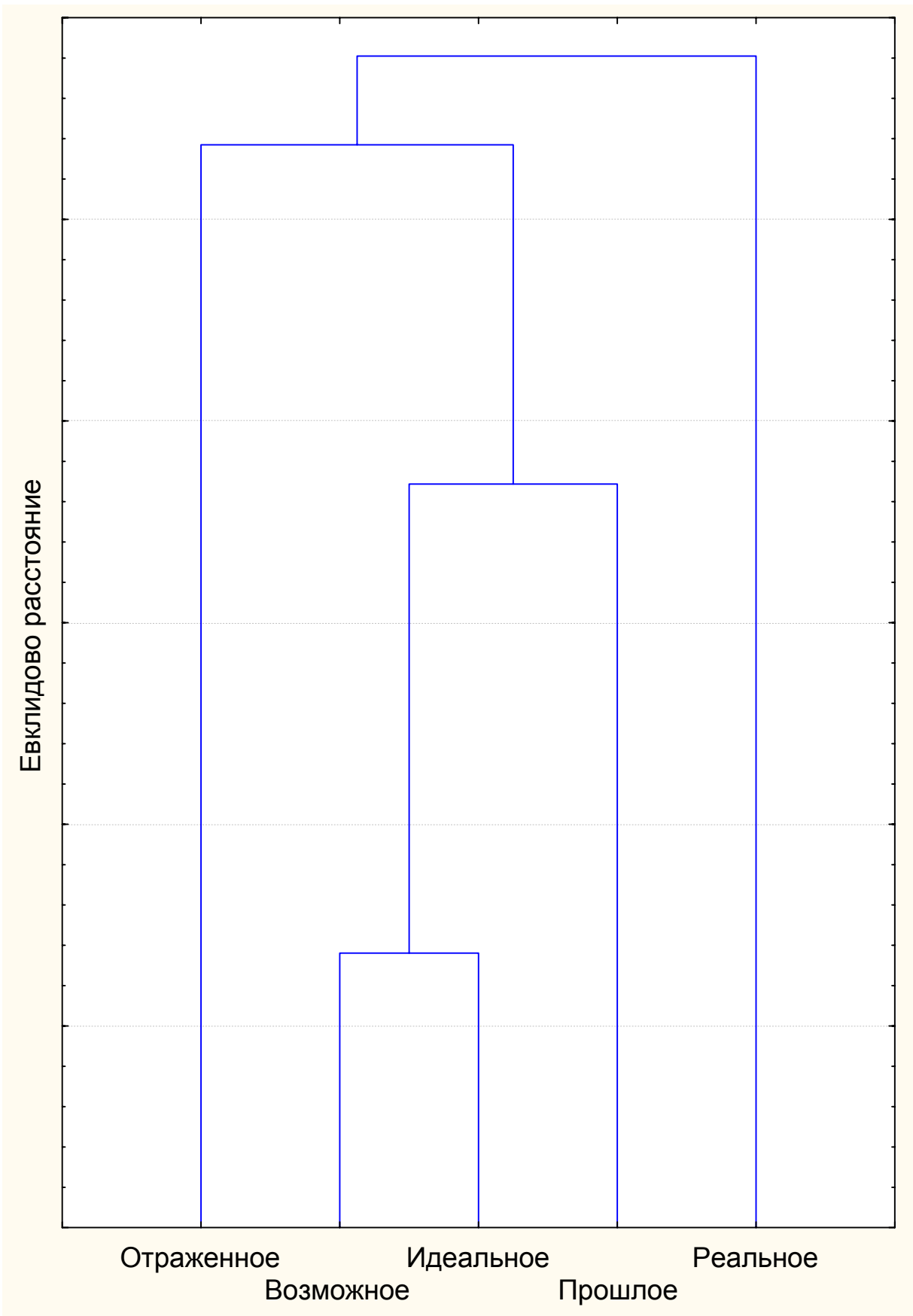

Рис. 10. Кластерная структура «спутанной» Я-концепции

Для остальных групп испытуемых можно диагностировать факторы, препятствующие успешным попыткам решения актуальных задач взросления. В случае «ригидной» структуры «Я-концепции» – это выраженное противопоставление своего настоящего своему прошлому, которое препятствует адекватному восприятию себя в настоящем и делает подростка невосприимчивым к нежелательной для него обратной связи. В случае «спутанной» «Я-концепции» – это несформированность временной перспективы личности вообще и несогласованность представлений подростка о себе и его отраженных характеристик, что делает всю систему «Я-концепции», а, следовательно, и изменения в ней, отражающие поиски решений онтологически значимых задач взросления, неустойчивыми.

Выделенные группы испытуемых позволяют использовать такую классификацию как косвенный способ диагностики «онтологической энтропии» личности. Мы сравнили количество человек с каждым из выделенных типов «Я-концепции» среди подростков, употребляющих психоактивные вещества, и не употребляющих наркотические препараты. Результаты проведенного сравнения представлены в таблице 6.

Таблица 6

Количество подростков с разными типами кластерных структур «Я-концепции»

тип кластерной структуры	количество испытуемых	
	употребляющие ПАВ	не употребляющие ПАВ
«гибкая»	7	23
«ригидная»	9	18
«спутанная»	14	12

Значение критерия χ^2 , вычисленного для данных таблицы 6, показывает, что распределение испытуемых по группам в зависимости от употребления ПАВ носит неслучайный характер ($\chi^2=0,056$, $df=2$, $p=0,0277$). Поэтому мы можем утверждать, что среди наркозависимых подростков существенно больше человек обладают «спутанной» «Я-концепцией», что свидетельствует о высоком уровне их онтологической энтропии. Как показывают результаты нашего исследования и

опыт практической работы, работа именно с такими подростками оказывается наиболее сложной.

В факторе *«провокативности среды»* выделено несколько аспектов повышенной аттрактивности употребления наркотических веществ. Фактор провокативности имеет несколько относительно автономных аспектов, не всегда пропорционально взаимосвязанных между собой, тем не менее, заметно способствующих повышенной аттрактивности употребления наркотических веществ. Это, во-первых, межпоколенная рассогласованность (дети «компетентнее» родителей в представлениях, касающихся наркотиков, родители категоричнее детей в оценке последствий наркотизации; нарушена преемственность в системе норм и ценностей «родительского» и «подросткового» миров); во-вторых, финансовая заинтересованность наркобизнеса в активном распространения «товара»; в-третьих, привлечение к употреблению наркотиков в системе «подросток – подросток» через механизмы подражания образцам поведения и обмена «ценностями» («взрослее» тот, кто располагает «большим опытом»); в-четвертых, разнообразие психоактивных веществ (от «нерекомендуемых» до запрещенных законом, от «легких» до «тяжелых»); в-пятых, фасцинация (зачаровывание) ценностями и символами наркокультуры, «погружение» в особый язык, идеологию, отношения.

Аспекты межпоколенной рассогласованности и фасцинации символами наркокультуры были специально исследованы в процессе нашей работы. Результаты этих исследований будут приведены далее.

Аспект финансовой заинтересованности наркобизнеса очевиден. Борьба с незаконным оборотом наркотиков в России относится к одному из важнейших направлений деятельности правоохранительных органов, правительства, общества в целом. О важности проблемы говорит деятельность по профилактике наркомании и противодействию незаконного оборота наркотических средств при Правительстве РФ. Основные направления этой деятельности прописаны в «Концепции государственной политики профилактики наркомании и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации» и Федеральной це-

левой программе «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005-2009 гг.»

Третий аспект тоже не требует специальных доказательств, так как в противном случае подростковая наркомания не могла бы существовать. Очевидно, что наркотическая контаминация распространяется не воздушно-капельным путем, и не при бактериологическом заражении. В данном случае мы говорим не о мотивации употребления наркотиков, а о способе привлечения подростками других подростков к употреблению психоактивных веществ. Что же касается разнообразия психоактивных веществ, то их количество столь велико, что в 1996 году была издана целая энциклопедия, также эти вопросы освещаются на страницах журнала «Вопросы наркологии» [Энциклопедия преступлений..., 1996].

В процессе исследования межпоколенных различий мы проанализировали системы ценностей наркозависимых и их родителей.

Исследование проводилось с клиентами центров реабилитации наркотической зависимости, с членами общественной организации «Родители против наркотиков», среди сообщества «Анонимные наркоманы» г. Самары. Экспериментальная выборка составила 150 человек, из них 79 – наркозависимые (в возрасте от 17 до 29 лет, средний стаж употребления психоактивных веществ – 4 года), и 71 родитель (из них 51 человек – матери и 20 человек – отцы).

На первом этапе эксперимента мы просили как родителей, так и их детей перечислить ценности, важные в их жизни. Уже на данном этапе нами была диагностирована большая дифференцированность системы ценностей старшего поколения: родители называли больше явлений, представляющих ценность в их жизни, их ответы были также более разнообразны (табл. 7)

Таблица 7

**Среднее количество субъективно выделяемых ценностей
у наркозависимых и их родителей**

количество ценностей		значение t-критерия	степ. сво- боды	p-уровень
наркозависимые	родители нарко- зависимых			

9,3	14,8	-4,132	148	0,00003
-----	------	--------	-----	---------

На втором этапе нами были отобраны наиболее часто встречающиеся ценности в каждой группе, в каждый список мы также добавили понятие «состояние наркотического опьянения». Затем были построены семантические пространства и методом кластерного анализа проанализированы расстояния в семантическом пространстве между исследуемыми ценностями. Психосемантические методы исследования предполагают косвенную оценку ценностей по множеству шкал, не связанных непосредственно с содержанием оцениваемых понятий, что вместе с использованием методов многомерного статистического анализа позволяет избежать социально желаемых результатов и диагностировать реальную, а не декларируемую ценностную структуру испытуемых. Полученная кластерная структура ценностей, характерная для представителей старшего поколения – родителей наркозависимых – представлена на рис. 11.

Анализ полученной кластерной структуры позволяет выделить две группы ценностей, имеющих наибольшее значение для родителей наркозависимых. Первый кластер образуют ценности, связанные с собственным субъективным благополучием (его образуют ценности дружбы, любви, здоровья и благополучия близких). Отметим, что для старшего поколения собственное благополучие оказывается неразрывно связанным со своими близкими и их благополучием: собственное благополучие неотделимо от счастья других членов семьи и близких друзей. Вторую группу ценностей образуют понятия, связанные с социальной успешностью и саморазвитием: это категории «познание», «свобода», «уверенность в себе» и «материальное благополучие».

Отметим, что первую группу составляют, преимущественно, терминальные ценности, в то время как вторую – в основном, инструментальные.

Таким образом, для старшего поколения характерно разделение инструментальных и терминальных ценностей и ориентация на благополучие себя и близких. Творчество, хотя и декларируется как ценность,

реально ею не является. Состояние опьянения также не входит ни в один из кластеров и даже противостоит декларируемым ценностям.

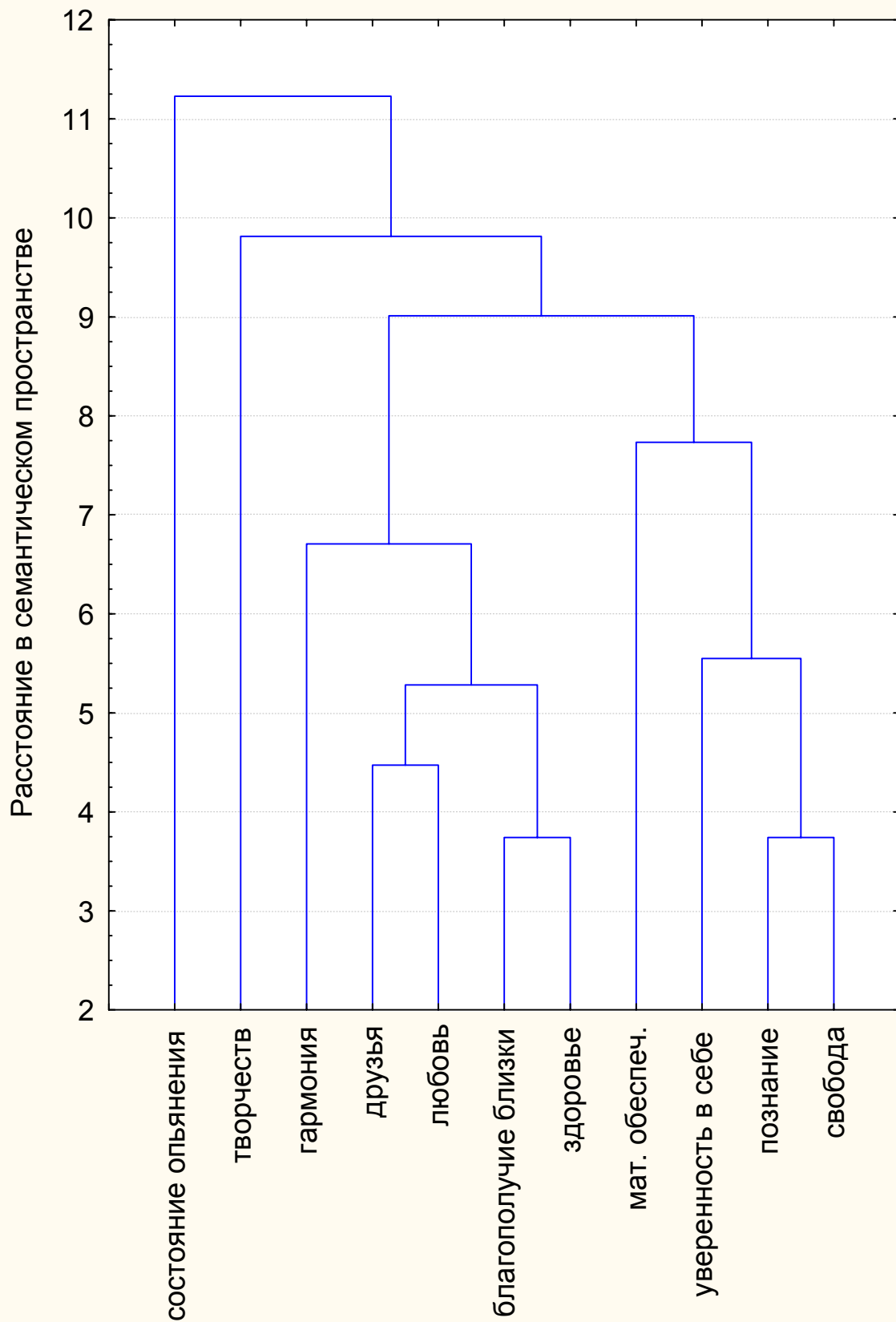

Рис. 11. Кластерная структура ценностей родителей наркозависимых

Напротив, у наркозависимых все значимые ценности образуют единый кластер, в который входят как ценности материальное благополучия, так и свободы, образующие у взрослой выборки две независимые группы. Важно отметить, что в единый выделенный кластер также входят ценности развлечений и насыщенности жизни, которые и являются терминальными ценностями для наркозависимых, в то время как свобода и материальное благополучие воспринимаются как инструментальные ценности для их достижения. В этой же группе ценностей оказывается и «состояние опьянения». В то же время такие ценности, как «дружба», «здоровье» и «семья», хотя и декларируются, однако обладают невысокой ценностью для наркозависимых, о чем свидетельствует большая дистанция перечисленных ценностей до центра кластера. Поэтому можно говорить, что у наркозависимых терминальные и инструментальные ценности не дифференцированы (неспособность разделить цели и средства) и ориентированы на субъективное ощущение полноты жизни. Результаты кластерного анализа для группы наркозависимых представлены на рис. 12.

В ходе дальнейшего анализа были построены семантические пространства ценностей наркозависимых, которые показывают, что состояние опьянения становится одной из ведущих инструментальных ценностей, способствующей достижению остальных как терминальных, так и инструментальных ценностей (наиболее значимые ценности оказываются сгруппированными вокруг нее).

Таким образом, обладание ценностями становится для наркозависимого неразрывно связанным с состоянием опьянения, и тогда состояние Я, в котором ценности становятся доступными, переживается как «превосходящее Я». Выделенные факторы, а также семантические пространства представлены в таблице 8 и на рис. 13 и 14.

Как видно из рисунка 13, состояние опьянения характеризуется как очень интересное и заключающее в себе большой потенциал для собственной личности. Наиболее близкими категориями оказываются

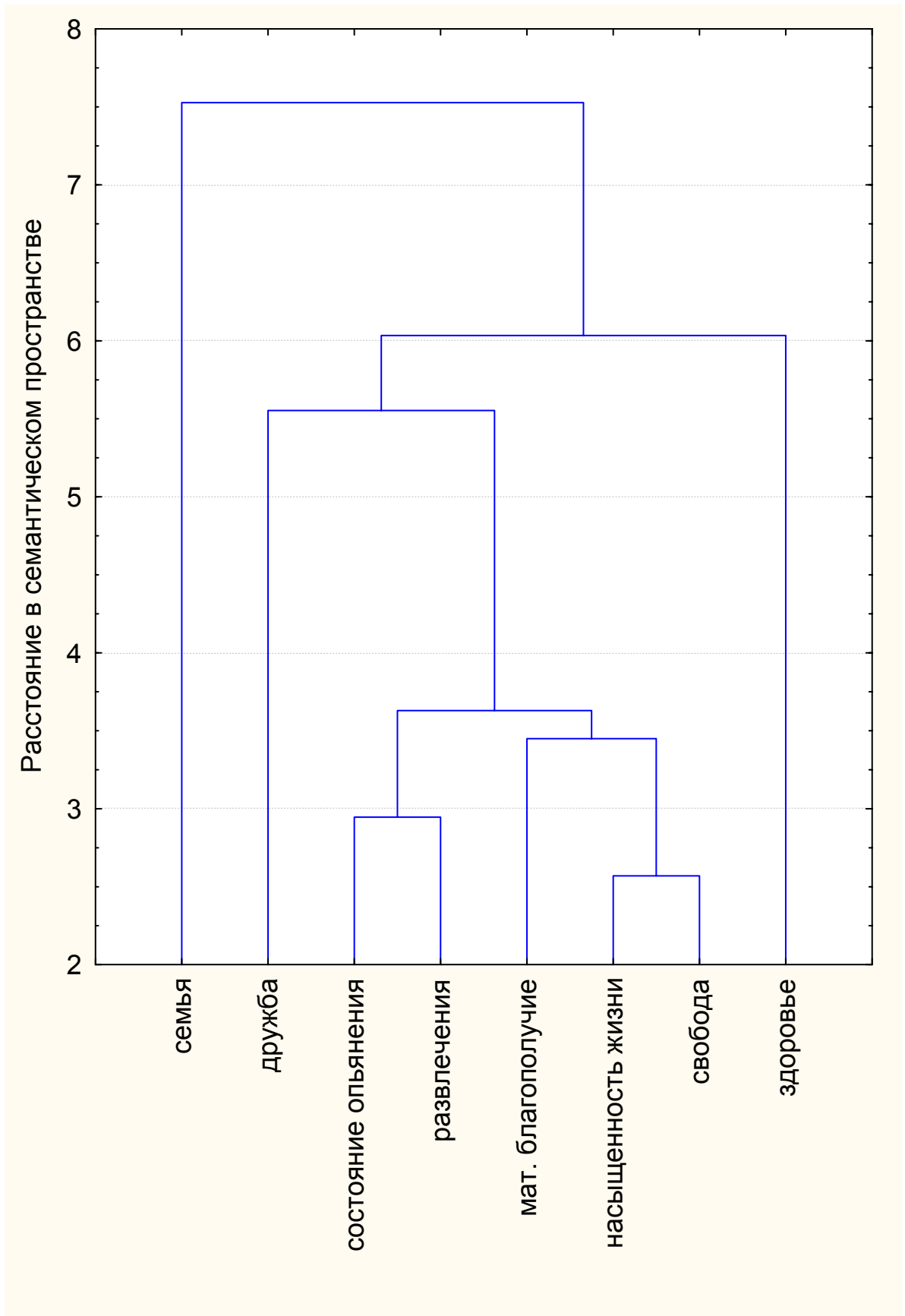

Рис. 12. Кластерная структура ценностей наркозависимых

ценности, которые, как было показано нами ранее, входят в число наиболее значимых для молодого человека, употребляющего психоактивные вещества: это ценности «насыщенности жизни» и «свободы». Однако состояние опьянения воспринимается как значительно (почти на половину стандартного отклонения) более интересное, чем любая из исследованных ценностей, а по потенциальности оно сравнимо с насыщенностью жизни. Таким образом, в системе ценностей наркозависимого нет ни одной категории, которая могла бы сравниться по субъективной значимости с состоянием опьянения.

Таблица 8

Основные нагрузки выделенных факторов

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4
Сила	0.187461	0.830353	0,144917	0,350734
Хорошее самочувствие	0.085647	0.463788	0,131154	0,705113
Уверенность	-0.038866	0.807533	0,240934	0,476751
Безопасность	0.884240	0.013281	-0,531723	-0,248045
Радость	-0.392843	0.232431	0,178084	0,816575
Независимость	-0.060744	0,768993	0,564320	0,348357
Большие возможности	-0.181937	0.870359	0,242877	0,092729
Стабильность	0.161797	-0.100514	-0,947291	-0,051412
Расслабленность	0.093622	0.444673	-0,377763	0,879918
Спокойствие	0.826120	-0.215239	-0,325305	-0,343116
Веселье	0.077255	0.159245	0,178280	0,929065
Гармония	0.850355	-0.052215	-0,321655	0,405192
Интерес	-0.712599	-0.400672	0,009647	0,340681
Изменение	-0.446871	0.516307	0,902555	0,675982
Умиротворенность	0.903691	0.100424	0,362769	0,064593
Забота	0.144575	-0.172842	-0,940899	-0,121883

По четвертому выделенному фактору состояние опьянения также воспринимается как очень радостное, что противопоставляет его остальным ведущим ценностям. Таким образом, в восприятии наркозависимого состояние опьянения связано не только с большим личностным потенциалом, но и с переживанием положительных эмоций, при этом достижение и реализация других ценностей не доставляет наркозависимому сравнимых по силе и интенсивности положительных чувств и эмоций.

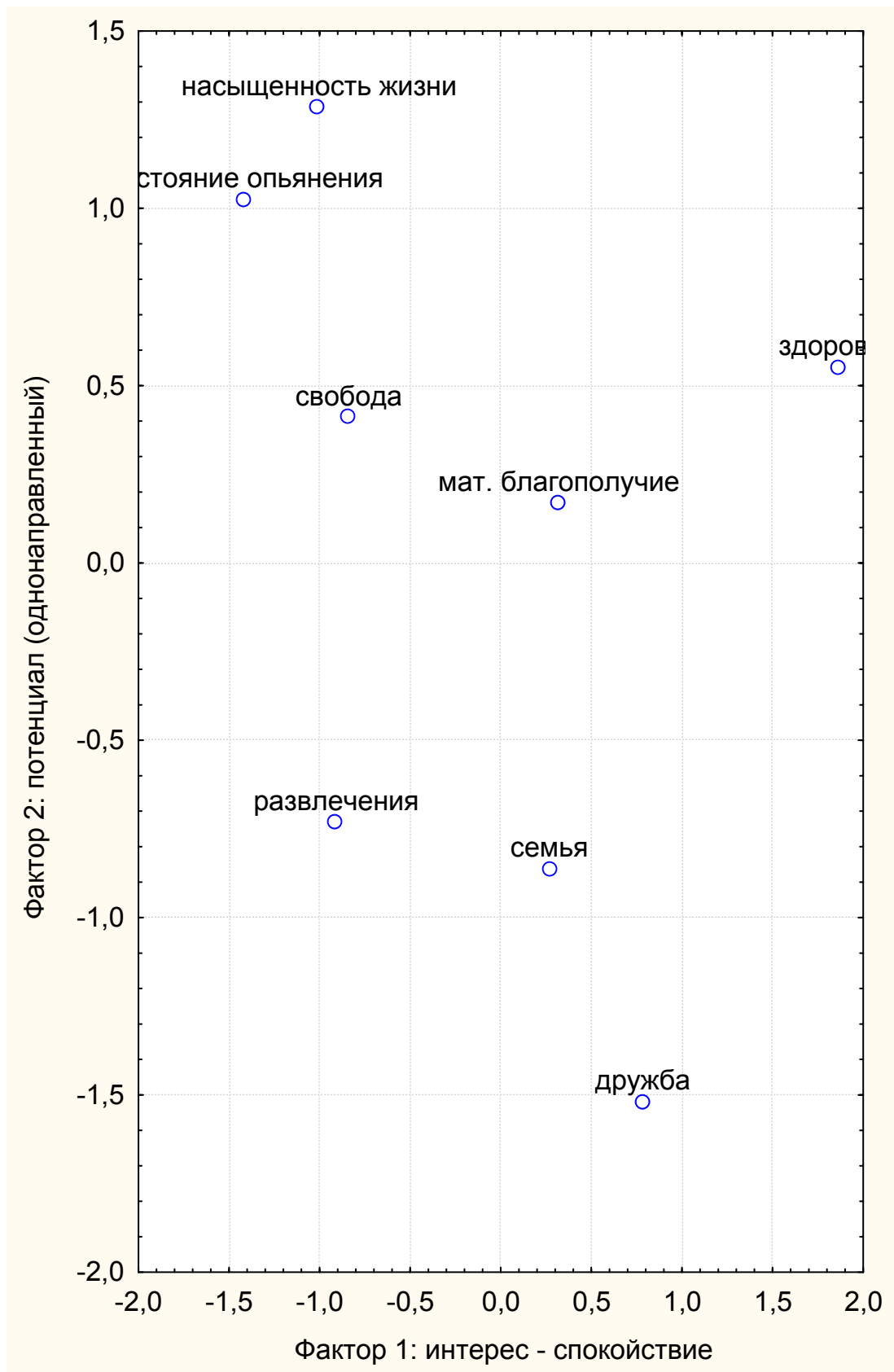

Рис. 13. Семантическое пространство ценностей наркозависимых для фактора 1 и 2

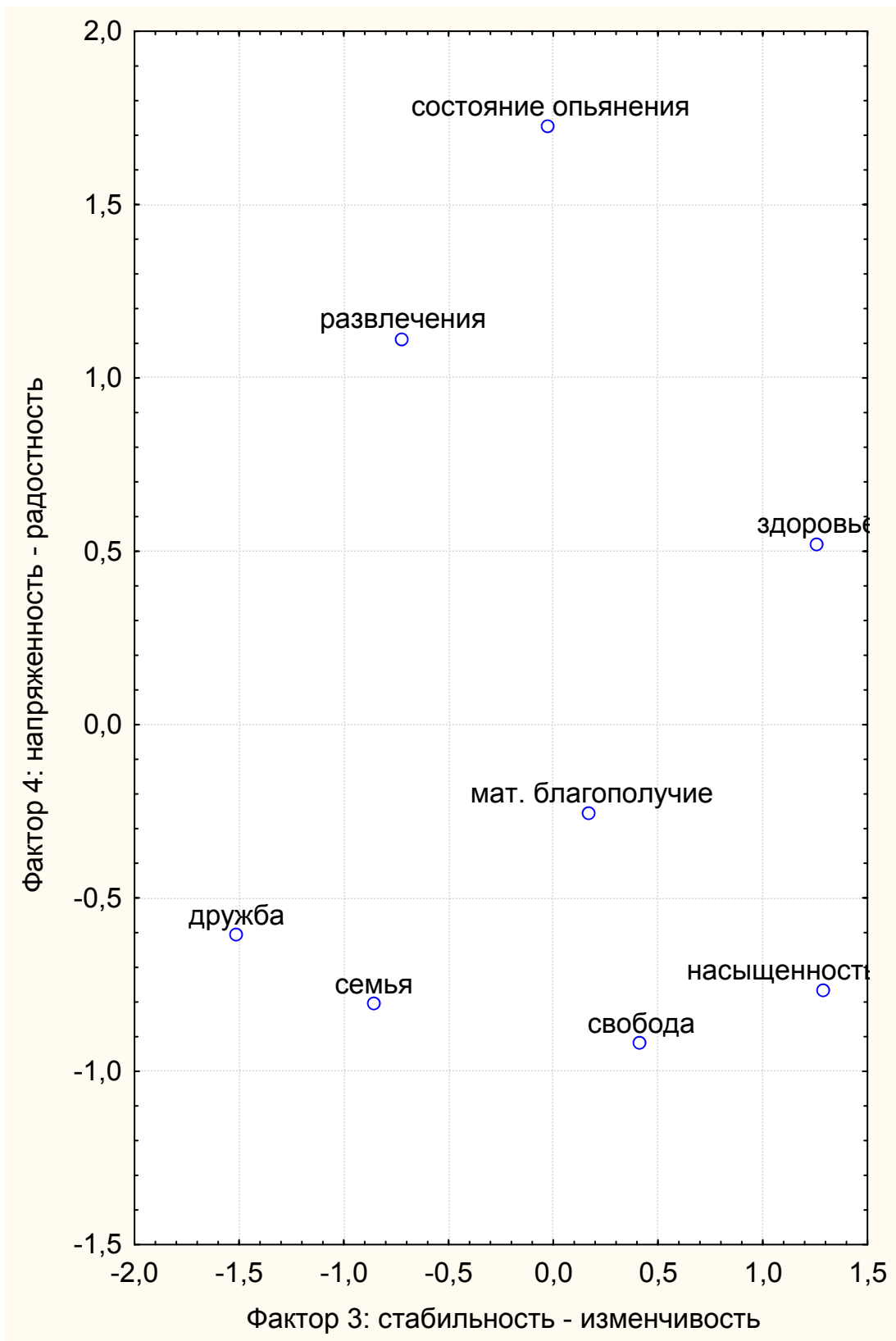

Рис. 14. Семантическое пространство ценностей наркозависимых для факторов 3 и 4

Также нами было проведено исследование специфики языка наркозависимых. В субкультуре зависимых формируется свой особый язык, описывающий реальность потребления психоактивных веществ. Контент-анализ высказываний испытуемых, имеющих опыт употребления наркотиков, позволил выявить особые термины, словосочетания, фразеологизмы, которые часто используются в такой среде. Мы отобрали фразы и выражения, наиболее часто встречающиеся в описаниях наркозависимыми их состояния в период наркотического опьянения. Контент-анализ проводился на основании аудиозаписи шести психотерапевтических сессий, проведенных с наркозависимыми во время работы благотворительного фонда по реабилитации наркозависимых «Второе рождение». Затем, используя психосемантический метод субъективного шкалирования и статистический метод многомерного шкалирования, было получено 5-мерное пространство, в котором оказалось возможным адекватно реконструировать семантическую сеть исследуемых понятий совместно с ценностными ориентациями, наиболее актуальными для наркозависимых по результатам наших исследований. Ниже приведены только некоторые наиболее типичные высказывания наркозависимых и их ведущие ценностные ориентации.

Методы многомерного шкалирования позволяют определить, каким ценностям соответствуют высказывания, формирующиеся в субкультуре употребляющих наркотические вещества. На фрагменте пространства, представленного на рисунке 15, близость (вплоть до почти полного совпадения) ценностных категорий и выражений из тезауруса наркоманской субкультуры позволяет точно указать, описанию каких ценностей соответствуют те или иные лексические конструкции. Так, выражение «чувство полета» соответствует, главным образом, ощущению насыщенности жизни, «чувство всемогения» соответствует «Я-идеальному», а «всепонимание» описывает состояния гармонии и свободы. Тем самым в самой субкультуре формируются особые лингвистические формы описания, совмещающие в себе описание ценности с описанием состояния наркотического опьянения. Обладая значительной долей суггестивности, создавая собственный жаргон, дискурс субкультуры потребителей психоактивных веществ становится в буквальном смысле

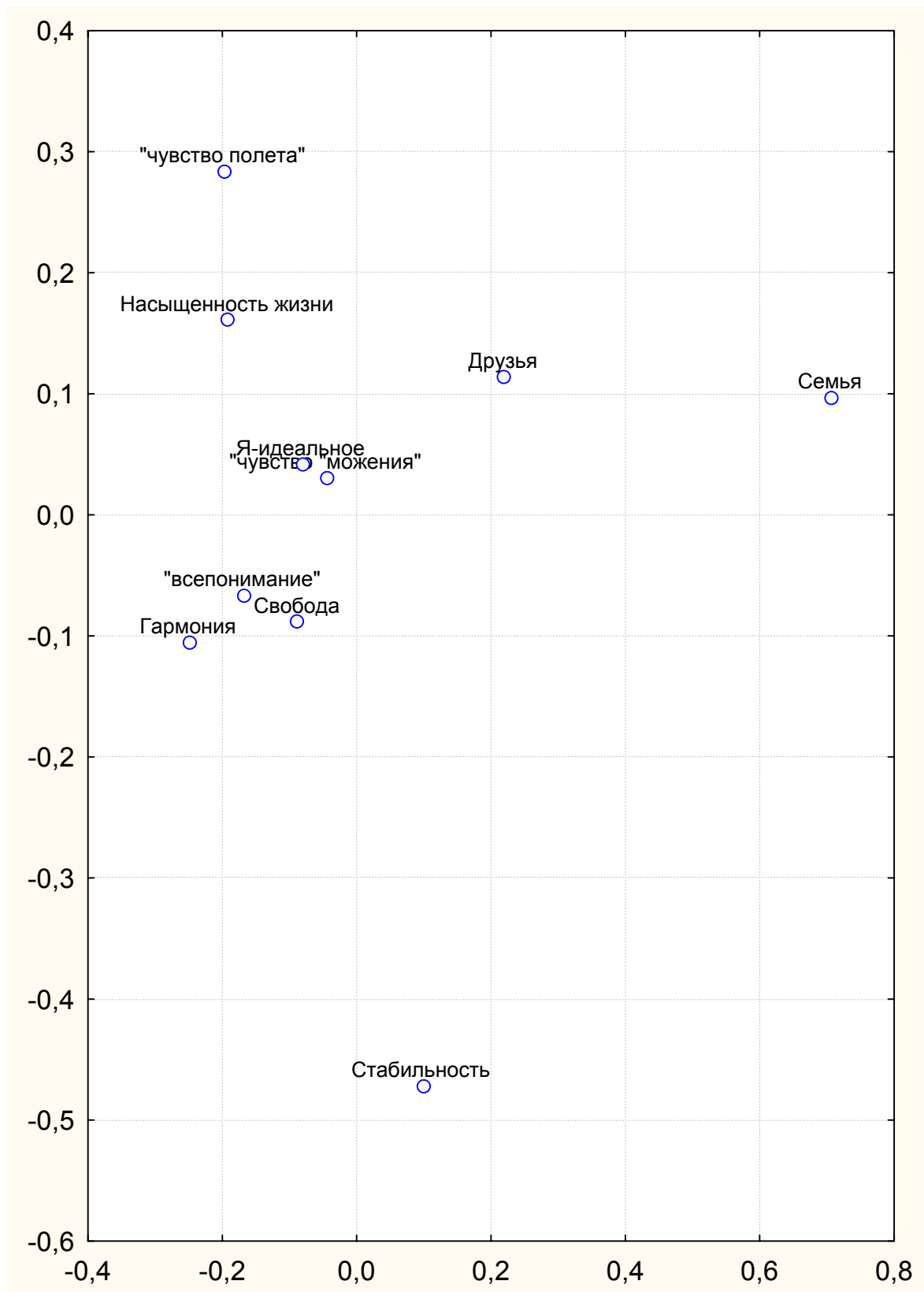

Рис. 15. Субъективные описания наркотического состояния в структуре ценностей наркозависимых (фрагмент семантического пространства)

зачаровывающим для ее членов, особенно для тех, кто находится в ней недавно. В соответствии с социологическим направлением в социальной психологии (П. Бергер, Т. Лукман; С. Московичи; Р. Харре), именно дискурс, характерный для той или иной субкультуры, определяет характерное для нее восприятие окружающего мира. Зачаровывание фразами приводит к существованию в зачарованной реальности.

Вторая частная гипотеза: наркотические вещества, в силу особенностей своего психофизиологического воздействия, стимулируют самовосприятие «всё понимаю», «всё чувствую», «всё могу», что образует феномен «превосходящего Я», в котором сближаются «я-реальное», «я-идеальное» и «я-под-влиянием-наркотика» – была подтверждена экспериментально, когда мы обнаружили, что образованию «превосходящего Я» способствует изменение средних величин дифференциальных порогов восприятия (констант Вебера) у лиц, находящихся в наркотическом опьянении, по сравнению со значениями этих величин у испытуемых, находящихся в трезвом, нормальном состоянии.

Нами было проведено исследование других психофизических особенностей наркозависимых в состоянии наркотического опьянения. Исследование проводилось в медицинских учреждениях, занимающихся деинтоксикацией. Общий объем экспериментальной выборки составил 28 человек, из них 21 испытуемый – юноши и 7 человек – девушки (средний возраст 21 год). Контрольной группой являются студенты Самарского государственного университета 2-5 курсов (всего 50 человек), из них 37 человек – юноши и 13 – девушки. Таким образом, контрольная и экспериментальная группы имеют примерно одинаковую половозрастную структуру. Задачей исследования было проверить пороги чувствительности у человека, находящегося под действием наркотических веществ. Как известно, порог различения ощущений для разных анализаторов является постоянной величиной, известной в психологии как константа Вебера. Нами было обнаружено, что действие любого наркотика связано, в том числе, с изменением данной величины. Использование t-критерия Стьюдента для срав-

нения выборочного среднего с известной заранее величиной позволило установить значимые различия между величиной константы в норме и значением отношения Вебера для человека под действием наркотических препаратов. Общая характеристика обнаруженных нами изменений представлена в таблице 9. Отметим, что чем ниже значение константы – тем выше чувствительность человека к изменениям в том или ином анализаторе.

Таблица 9

Характеристики отношения Вебера у лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения в сравнении со значением константы Вебера в норме

Разностный порог ощущений	Значение константы Вебера	
	В состоянии опьянения	В состоянии абстиненции
Ощущение изменения высоты звука	ниже	ниже
Ощущение изменения яркости света	ниже	ниже
Ощущение изменения веса предметов	выше	без изменений
Ощущение изменения громкости звука	ниже	выше
Ощущение изменения давления на поверхность кожи	выше	ниже
Ощущение изменения вкуса соляного раствора	без изменений	без изменений

Однако дальнейшее исследование с использованием регрессионных моделей показало, что отношение изменения величины раздражения к изменению субъективного ощущения для человека в состоянии наркотического опьянения несколько различается для разной величины стимула. Иными словами, константа Вебера больше не является константой. Тем самым мир, данный наркоману в его ощущениях, преобразуется, возникает переживание избыточных возможностей своего организма на физиологическом уровне.

Нами были также исследованы пороги болевой чувствительности у испытуемых под действием опиатов и в абстинентном синдроме. Экспериментальная группа составила 28 человек, обследованных в условиях медицинских учреждений, занимающихся деинтоксикацией.

Выборка испытуемых, находящихся в абстиненции, составила 30 человек. Результаты подтверждают данные, описанные в литературе: в состоянии наркотического опьянения болевая чувствительность снижается, однако при абстинентном синдроме – возрастает. Результаты представлены в таблице 10.

Таблица 10

**Величина болевого порога у испытуемых в зависимости
от состояния опьянения (в мм. рт. ст.)**

	в нормальном состоянии	в состоянии опьянения	в состоянии абстиненции	значение F-критерия	P-уровень
величина порога	53,5	69,3	32,8	9,217	0,000176

Не менее показательным оказался результат эксперимента по изучению особенностей периферического зрения наркозависимых и обычных испытуемых. Установлено, что периферическое зрение у наркоманов развито сильнее, чем у людей, не имеющих наркотического опыта. Речь здесь идет не о величине поля периферического зрения, которая определена физиологически и примерно одинакова у всех людей, а о скорости, с которой наркозависимые реагируют на возникновение в поле периферического зрения нового объекта. Нами было показано, что наркозависимые лучше и точнее распознают стимулы, которые на короткий момент времени возникают в их периферическом поле зрения. Для подтверждения нашего предположения нами было проведено экспериментальное исследование с использованием специальной компьютерной программы. При выполнении программы в центре черного экрана в течение минуты каждую секунду появляется какая-либо буква русского алфавита. Также в течение минуты в разные моменты времени в разных частях экрана, близко к краям монитора, на короткое время (около 50 миллисекунд) предъявлялись белые изображения простых геометрических фигур – круга, квадрата, треугольника. Испытуемые сидели перед 19-дюймовым мо-

ниторм на расстоянии 30 см от экрана. Задача испытуемых заключалась в чтении вслух букв, появляющихся в центре монитора. По окончании минуты экспериментатор спрашивал, какие геометрические фигуры в какой части экрана заметил испытуемый. Показателем успешности выполнения задания было количество верно названных фигур при верно указанном месте их возникновения в верной последовательности. Каждый испытуемый принимал участие в 5 экспериментальных сериях длительностью в 1 минуту, в каждой из которых предъявлялось 6 изображений фигур. Таким образом, максимальное количество верно названных фигур для каждого испытуемого равняется 30.

Всего в эксперименте приняли участие 30 наркозависимых в возрасте 17-24 года, находящихся в ремиссии в течение 1-5 месяцев, а также 50 испытуемых контрольной группы – студентов Самарского государственного университета. Результаты проведенного эксперимента представлены в таблице 11.

Таблица 11

Результаты экспериментального исследования способности распознавания фигур в зоне периферического зрения

	Среднее значение	Станд. отклонение	Значение t-критерия Стьюдента	Степ. свободы	р-уровень
группа наркозависимых	24,4	3,45	2,655	78	0,0096
контрольная группа	21,7	4,75			

Анализ полученных результатов показывает, что наркозависимые испытуемые существенно лучше справляются с экспериментальным заданием. Заметим, что для его успешного выполнения необходимо высокое развитие целого ряда когнитивных навыков: развитость периферического зрения, концентрация и переключаемость внимания, объем оперативной памяти.

В результате этого в актуальной ситуации наркоманы замечают большее количество событий, предметов, различных подробностей, нежели обыкновенный человек. Естественно, что мы не относим данную особенность к положительному, прогрессивному воздействию наркотиков на живой организм, тем более что все наркозависимые испытуемые, принимавшие участие в эксперименте, находились в ремиссии. Эффект возникает в результате вынужденной психической активности индивида, постоянно находящегося в экстремальных условиях опасности и непредсказуемости.

Для выявления особенностей представления наркозависимых о себе нами были обобщены экспериментальные результаты ряда работ по изучению Я-концепции подростков, выполненных как в ходе нашей практической работы, так и под нашим руководством. В результате было построено единое семантическое пространство представлений подростков о себе для общей выборки подростков, употребляющих психоактивные вещества (до начала профилактической работы), и не употребляющих наркотики. Основные шкалы, образующие первые два фактора полученного пространства, представлены в таблице 12.

Таблица 12

Основные факторы объединенного семантического пространства представлений испытуемых о себе

	Фактор 1 <i>Социальный интеллект</i>	Фактор 2 <i>Инфантильность</i>
проницательность	0.837635	-0.132539
большие возможности	0.883946	0.049658
веселость	-0.294746	0.948367
сила	0.402145	-0.836891
уверенность	0.782578	0.324835
радость	-0.024356	0.742836
уверенность	0.925764	0.315674
стабильность	-0.214865	0.795792
независимость	0.349175	-0.923176
успешность	0.892256	0.115936

На основании факторных нагрузок (табл. 12), выделенные факторы были проинтерпретированы нами как фактор социального интеллекта (фактор 1) и инфантильности (фактор 2). Семантическое пространство подростков, не употребляющих наркотики, представлено на рисунке 16.

В данном случае результаты отражают адекватный процесс формирования идентичности и целостности восприятия своей жизни: на рисунке 16 объекты «Я в прошлом», «Я-реальное» и «Я в будущем» расположены практически на одной линии и образуют вектор развития, направленный к «Я-идеальному». Такое расположение исследуемых объектов в семантическом пространстве отражает реалистичность представлений подростка о себе, уровня притязаний и сформированность жизненных целей и планов. Однако среди наркозависимых испытуемых наблюдается иная картина.

Вектор развития (от «Я в прошлом» через «Я в настоящем» к «Я в будущем») не направлен на «Я-идеальное»; скорее, восприятие себя в настоящем, в будущем и идеальный образ себя образуют единый малодифференцированный кластер (все объекты находятся в одной координатной четверти), что является показателем слитности данных представлений в сознании наркозависимых испытуемых.

Эти данные подтверждают результаты другого исследования, выполненного нами совместно с Е.В. Литягиной [Лисецкий, Литягина, 2004, 2006]. В исследовании изучались особенности межличностных отношений и самоотношения наркозависимых в начале профилактической работы. На данном этапе наркозависимые побуждаются к «столкновению с реальностью» в процессе межличностного взаимодействия на групповых психотерапевтических сессиях и в процессе индивидуальных консультаций. В результате происходит диссоциация образа себя и восприятия себя под действием наркотиков.

При этом реалистический образ себя приобретает негативные аспекты неуверенности в себе, низкого авторитета, замкнутости и ведомости, в то время, как «Я под действием наркотика» по-прежнему остается в непосредственной близости к «Я-идеальному». Полученное семантическое пространство изображено на рисунке 17.

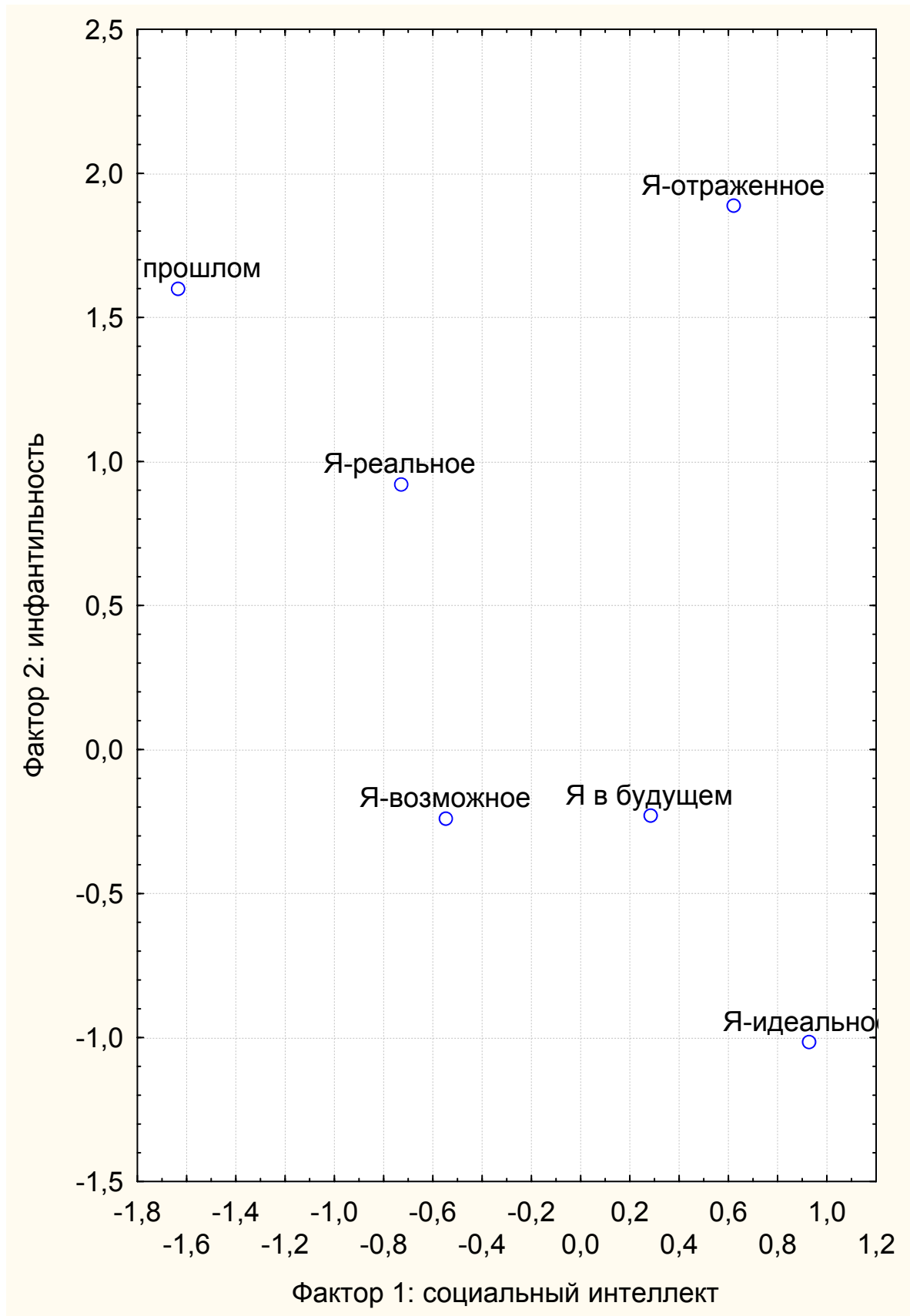

Рис. 16. Семантическое пространство представлений о себе испытуемых, не употребляющих наркотические вещества

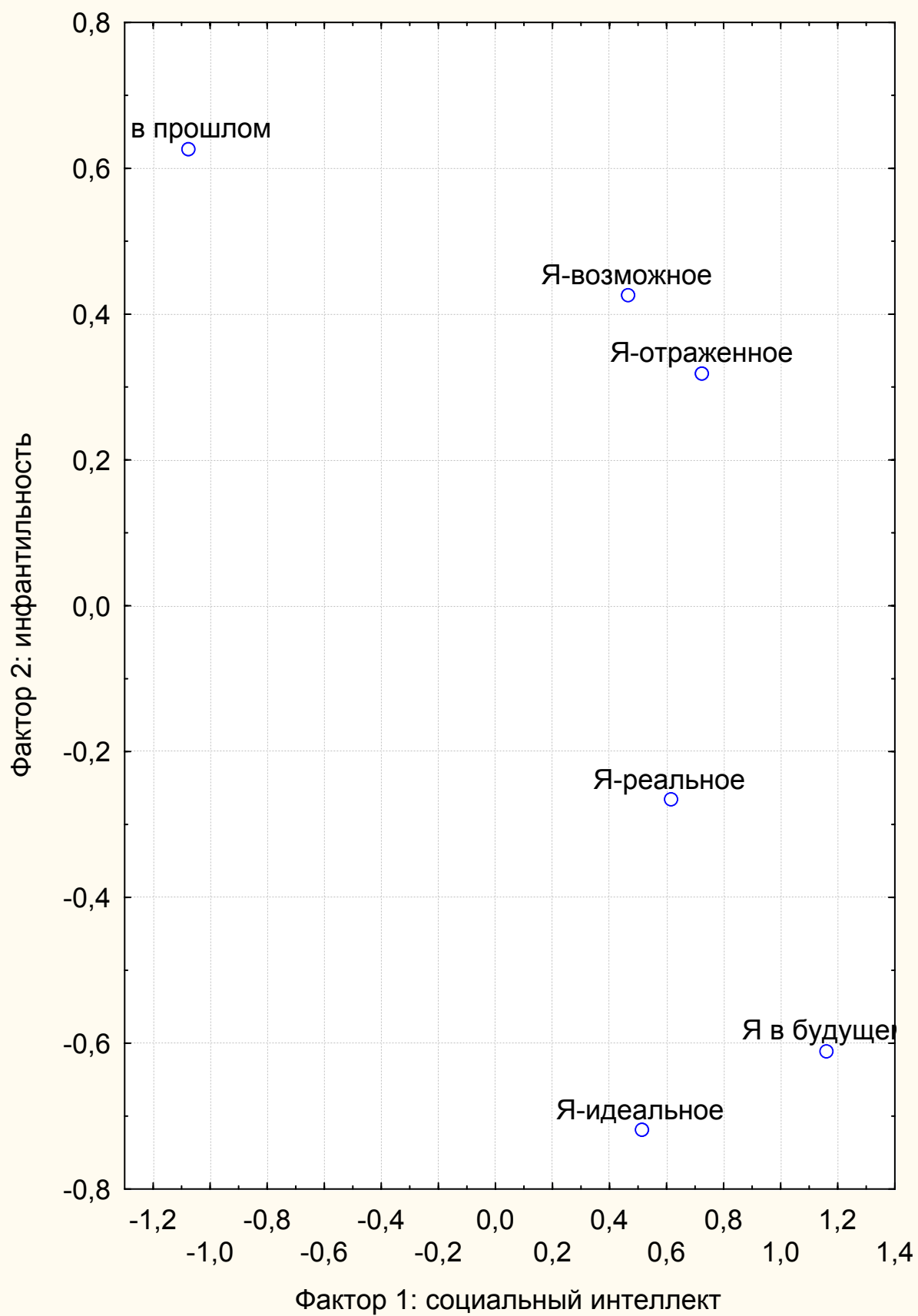

Рис. 17. Семантическое пространство представлений о себе наркозависимых испытуемых

Таким образом, наркотическое опьянение фактически совмещает воспринимаемый образ себя с образом «Я-идеального», что создает ощущение «всемогущества», интериоризированное в «Превосходящем Я», способности преодолеть любые препятствия без особых усилий и способность разрешить возникающие в жизни проблемы и противоречия. Критичность самовосприятия, делающая его более реалистичным, под действием наркотика отсутствует, т.е. наркотическое опьянение уменьшает различимость, диссоциацию между «Я-реальным» и «Я-идеальным», которая провоцирует возникновение депрессивных личностных расстройств (Р. Бернс, 1986; К. Роджерс, 1994; Е. Higgins, 1987). Чем непривлекательней «Я-реальное» и недостижимее «Я-идеальное» (т.е. чем больше диссоциация между исследуемыми модальностями), тем привлекательнее становится наркотическое вещество как универсальное средство устранения данного противоречия при отсутствии других средств (Рис. 18).

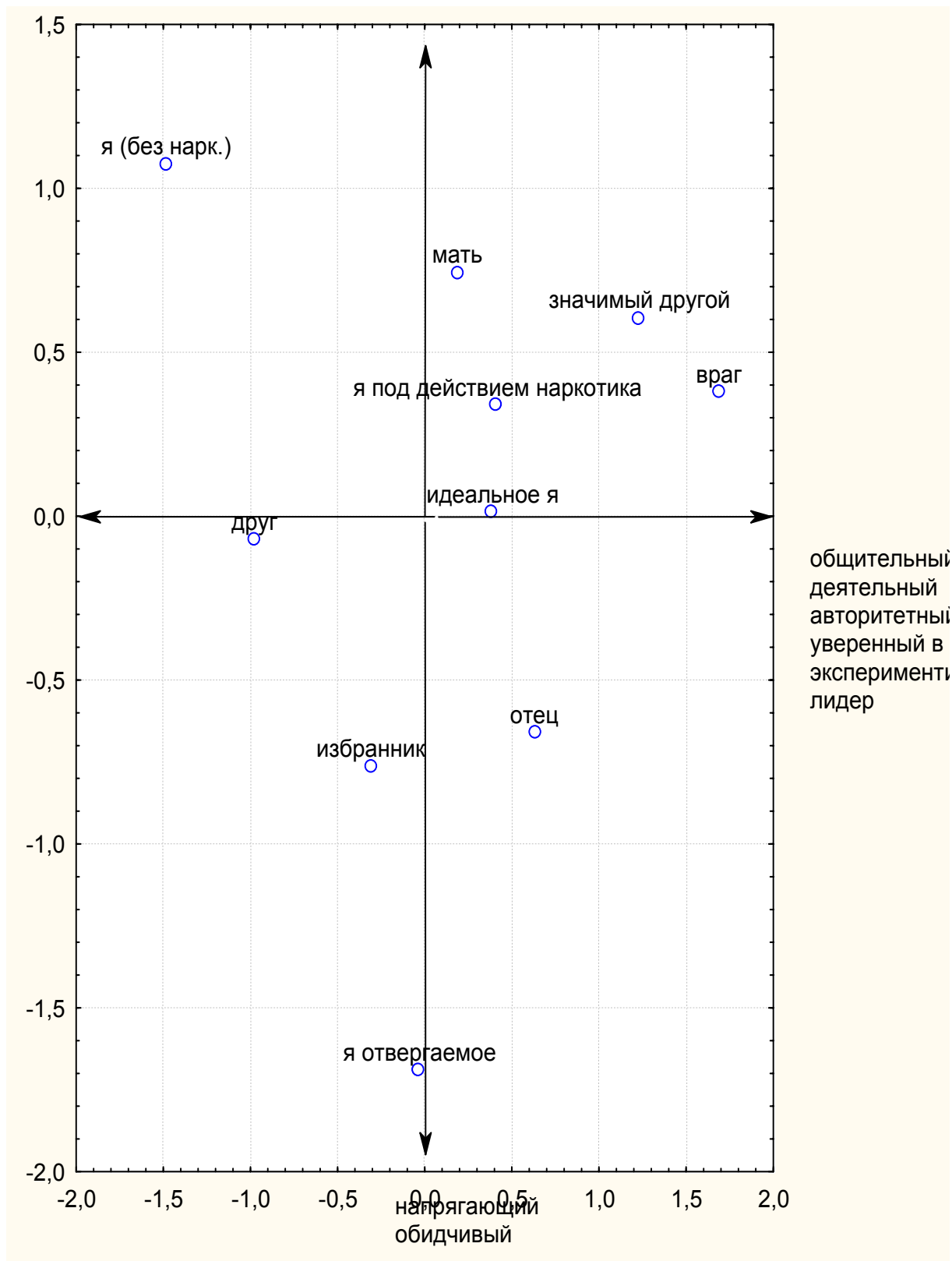

Рис. 18. Семантическое пространство восприятия наркозависимыми испытуемыми себя и значимых других

3.2. Условия и критерии результативности программы «Задачи взросления»

Разработка программы психологической профилактики наркотизма является, по сути, разработкой и обоснованием системы, создающей необходимые условия для развития у подростков – участников программы – внутриличностной самоподдержки как альтернативы наркотической зависимости в период взросления.

Важнейшие компоненты психопрофилактической программы, ориентированной на развитие субъектности подростков (целевой, содержательной, процессуальной, диагностической), были подробно описаны в соответствующих разделах работы. Однако, как это было показано выше, эффективность профилактических программ во многом определяется степенью разработанности критериев результативности. Мы рассматриваем профилактику наркотизма как развивающийся, подвижный, «живой» процесс, способный гибко реагировать на различные параметры наркотизации. Для того, чтобы такое реагирование было в принципе возможно, необходимо, чтобы профилактические программы содержали в своей структуре механизм обратной связи. Мы полагаем, что таким механизмом могут быть процедуры оценки результативности программ профилактики. Наличие достоверных данных об эффективности психопрофилактики дает возможность корректировать содержательные, организационные, процессуальные и другие компоненты программы. К сожалению, именно этот компонент профилактических программ оказывается наименее разработанным. Удивительно, но по сравнению с обоснованием программы, критерии ее результативности практически во всех проанализированных случаях оказываются неопределенными и трудно операционализируемыми. Отметим, что невозможность оценки результативности программ снижает эффективность системы социальной профилактики в целом. При этом очевидно, что неэффективная профилактика – это не только потраченные напрасно деньги, но и прямая опасность вовлечения в наркотизм. У нас есть основания полагать, что

лучше ничего, чем информирование о наркотиках и формирование интереса к ним в процессе неэффективной программы.

В данном разделе будут рассмотрены условия и критерии результативности программы «Задачи взросления» (подробный вариант программы неоднократно публиковался нами в наших предыдущих работах, в частности см. «Профилактика наркотизма: теория и практика», 2006).

Нужно отметить, что авторы многих профилактических программ предлагают критерии эффективности своих разработок.

Среди критериев оценки профилактических программ часто называют: численность участников, отношение к программе, изменение информированности, изменение намерений, изменение отношения к ПАВ, изменения поведения, изменения отношения к себе, изменения в общении. Широкое использование этого выбора критериев связано с распространением профилактической программы «Формирование жизненных навыков», анализ которой был представлен ранее. Отметим, что проблема разработки критериев и методологии оценки эффективности профилактических программ еще далека от своего решения. Тренинги, ориентированные на развитие коммуникативной компетентности учащихся, тренинги личностного роста, здоровьесберегающие технологии часто заменяют программы профилактики аддиктивного поведения. В этом случае в качестве критериев результативности указывают формирование навыков общения, снижение уровня конфликтности, повышение устойчивости к давлению группы, вовлечение подростков в занятия спортом, туризмом и т.п. Однако не ясно, как развитие этих аспектов личности подростков и их поведения снижает вероятность наркотизма. На сегодняшний день любую программу, где в целях указывается профилактика вредных привычек или наркомании относят к профилактическим, не обосновывая при этом принципы организации профилактики, цели и ожидаемые результаты. Ситуация усугубляется тем, что при противоречивости критериев психического и социального здоровья очень сложно оценить эффективность той или иной профилактической программы. Проведенный

ранее анализ мирового и отечественного опыта превентивной практики в области наркотизма, а также обобщение собственных исследовательских данных и клинических наблюдений позволили нам разработать комплекс критериев, позволяющих оценивать профилактические программы.

В качестве критериев, с помощью которых возможно достаточно надежно оценить эффективность программ, можно предложить следующий комплекс, включающий три блока.

Комплекс критериев определения эффективности профилактических программ

1. Особенности программы:

а) теоретическая обоснованность (программа должна иметь в своей основе теоретическое обоснование принципов и методов работы);

б) апробированность (перед широким применением программа должна пройти апробацию, результаты которой должны быть указаны);

в) соответствие возрастным особенностям целевой группы (программа обычно разрабатывается под конкретную целевую группу, в соответствии с возрастными особенностями последней);

г) соответствие социально-психологическим особенностям целевой группы;

д) последовательность, этапность программы (указание этапов проведения программы, возможно также описание преемственности в организации профилактики);

е) комплексность (программа должна представлять собой комплексное воздействие, отражающее сложный, многоуровневый характер молодежного наркотизма);

ж) валидность программы: соответствие полученных результатов программы ожидаемым (результаты реализации программы должны соотноситься с ее целями и задачами).

2. Личность – профессиональные особенности специалиста, привлеченного в профилактическую программу:

- а) теоретическая готовность:
 - знание теорий формирования аддиктивного поведения;
 - знание психологических основ профилактики наркомании;
 - знание возрастной психологии;
 - знание семейной психологии;
 - знание конфликтологии;
 - знание в области клинической психологии;
- б) практическая готовность:
 - опыт ведения тренинговых или психокоррекционных программ;
 - опыт участия в тренинговых или психокоррекционных программах;
 - понимание отличия деятельности по профилактики наркомании от психологического консультирования;
- в) личностная готовность:
 - желание работать в сфере профилактики наркомании;
 - интерес к работе в данном направлении;
 - адекватная профессиональная самооценка;
 - наличие личностно значимых качеств для работы по профилактике наркомании;
- г) субъективно высокая оценка эффективности работы по программе.

3. Целевая группа:

- а) особенности участия в программе:
 - стабильно высокое количество участников программы;
 - интерес участников;
 - заинтересованное отношение к программе, психологу;
 - доверительное отношение к психологу.
- б) медико-социальная динамика у участников программы:
 - снижение спроса на ПАВ;
 - улучшение показателей здоровья;
 - трудоустройство или посещение школы;

- снижение количества проблем с правоохранительными органами;
- снижение количества проблем и конфликтов в образовательном учреждении;
- повышение активности в общественной деятельности;
- в) психологическая динамика:
 - снижение количества деструктивных конфликтов;
 - повышение стрессоустойчивости;
 - развитие децентрации как способности выхода за пределы ситуации в решении задач;
 - развитие эмпатии, чувства юмора, рефлексии;
 - развитие саморегламентации;
 - изменение жизненного тонуса (улучшение настроения, самочувствия, повышение активности);

г) субъективно высокая оценка значимости участия в программе.

Предложенный комплекс критериев содержит описания важных параметров результативности, без которых затруднительно сделать вывод об эффективности той или иной работы по профилактике наркомании среди детей, подростков и молодежи.

Заметим, что в соответствии с разрабатываемым нами онтосубъектным подходом к профилактике наркотизма решающим условием эффективности превентивной программы является развитие внутриличностной системы самоподдержки подростка (независимое «Я», «автономия», «взрослость»). В соответствии с положениями мульти-субъектной теории личности (В.А. Петровский) условием становления эффективной системы саморегуляции индивида является значимый Другой. Мы полагаем, что таким значимым другим в профилактических программах является, прежде всего, ведущий – специалист по организации и проведению занятия с подростками. Речь идет об особом профессионально-личностном феномене, который мы называем готовностью к реализации профилактических программ. В профилактической программе «Задачи взросления» готовности специалиста отводит-

ся решающее значение. Рассмотрим феномен профессионально-личностной готовности к профилактике наркотизма более подробно.

По мнению исследователей (М.Р. Битянова, А.А. Осипова, Дж. Бьюдженталь, Р. Мэй), личность психолога, его особенности, способности построения отношений с клиентами оказывают непосредственное и определяющее влияние на результативность изменений личности каждого участника коррекционного процесса. Эффективность программ первичной профилактики во многом зависит от уровня готовности психолога к ведению профилактической деятельности, к созданию и поддержанию необходимых условий, инициирующих личностное развитие (ситуации неопределенности, баланс поддержки-игнорирование и др.), управлению происходящим на групповых занятиях и принятию ответственности за процесс и результат работы. Готовность психолога, в том числе и личностная, – важное условие понимания и восприятия задач, возникающих в процессе личностного развития подростка, а значит, – и условие эффективности профилактической деятельности. Поэтому обучение психологов работе с подростками предполагает не только основательную теоретическую и практическую подготовку по вопросам патогенеза наркомании, но и формирование личностной готовности как особого качества психолога, работающего в данной области [Самыкина, 2002].

Под личностной готовностью понимается совокупность качеств личности, являющаяся элементом структуры профессиональной готовности и обеспечивающая эффективность профилактической деятельности. Педагогами и психологами накоплен значительный опыт в изучении феномена психологической готовности к профессиональной деятельности инженера и педагога (В.А. Слостенин, Л.Г. Ахтариева, К.М. Дурай-Новакова, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович и др.). Однако, несмотря на актуальность проблемы распространения наркомании в молодежной среде, отмечается недостаточная разработанность вопроса о личностных особенностях специалиста, занимающегося первичной профилактикой наркомании.

Проблема личностной готовности психологов к профилактике наркомании не рассматривалась в литературе, однако существуют исследования, посвященные проблеме психологической готовности к педагогической деятельности, в частности, к разрешению межличностных конфликтов в подростковой среде и среде старшеклассников (И.С. Пилипец), к руководству самопознанием школьников (И.П. Краснощеченко), к деятельности куратора академической группы (Е.В. Винославская), к педагогическому общению у будущих учителей (Е.А. Орлова) и т.д. В психологии накоплен богатый материал, связанный с рассмотрением человека как субъекта деятельности (Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн и др.), что дает основание рассматривать профессиональные особенности психолога с позиций анализа его субъектности. Под субъектностью в данном случае понимается отношение человека к себе как к деятелю. Атрибутными характеристиками субъектности являются активность, способность к целеполаганию, возможность свободы выбора и ответственность за него в условиях неопределенности и риска. Наличие этих качеств, как мы полагаем, и составляет психологическую сущность готовности к работе по профилактике наркомании.

Психологическая готовность выступает как определенный уровень развития личности, предполагающий сформированность целостной системы ее мотивационно-побудительных проявлений, реализующих эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты сферы личности. Понимаемая так, психологическая готовность «вбирает» в себя убеждения, взгляды, отношения, мотивы, чувства, волевые и интеллектуальные качества личности, ее знания, навыки, умения, установки, настроенность на определенное поведение.

Личностная готовность помогает правильно использовать знания, опыт, перестраиваться в различных педагогических ситуациях, является решающим условием быстрой адаптации к условиям труда, дальнейшего профессионального самосовершенствования. По мнению Л.Н. Захаровой, личностная готовность обеспечивает такие характеристики, как интегральное соответствие личности решаемым задачам,

количество и качество решенных задач, результативность и успех в проблемных ситуациях. Сюда добавляется и знание последствий применения конкретных способов воздействия и их эффективности.

Очевидно, что деятельность психолога, работающего с подростками, требует большого внимания к субъектным проявлениям личности и понимание ее внутреннего мира. Взаимодействие психолога и подростка в процессе профилактических занятий носит развивающий характер. Т.е. по своему содержанию профилактическая деятельность среди подростков должна быть отнесена к психокоррекционному, способствующему онтологическому укоренению личности, воздействию. Личностная готовность психолога к профилактике наркомании, таким образом, является системным качеством, сочетающим готовность к педагогической и психологической деятельности.

По мнению Г.А. Цукерман, способность психолога к созданию условий для саморазвития подростков означает «способность дать себе и миру отчет в своих ценностях, осмелиться показать, как из сугубо личного представления о предназначении человеческой жизни через их соотнесение с социокультурными традициями и тенденциями могут быть выведены представления профессиональные – о задачах развития в каждом возрасте, о способах и средствах решения этих задач и т.д.» [Цукерман, 1994].

Развивать в подростках самоценные формы активности (устремления), не имея их в структуре собственной личности, психологу вряд ли под силу. Если у психолога собственные задачи взросления в основном остаются нерешенными, то его профилактическая деятельность с подростками будет формальной и потому малополезной.

Структура личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании предстает как существование в личности психолога самоценных форм активности – устремлений (В.А. Петровский), проявляющихся в различных сферах: интеллектуальной, нравственной, эмоциональной, волевой, организаторской.

В интеллектуальной сфере устремления представлены в виде децентрации, критичности, рефлексии.

Децентрация понимается нами как способность к выходу «за пределы» проблемной ситуации при ее решении, к восприятию точки зрения другого человека. В деятельности психолога, работающего со старшеклассниками по первичной профилактике наркомании, децентрация выступает условием эффективного взаимодействия с детьми. Это обусловлено тем, что онтосубъектный подход направлен на построение развивающего взаимодействия.

В основе *критичности* лежит критическая установка, для которой характерна готовность изменять, проверять, опровергать, фальсифицировать. Критическая установка принимает некоторую «схему ожидания» (миф, предположения, гипотезы), однако определяет готовность модифицировать, исправлять, отбрасывать эти ожидания. Критичность включает рефлексивное отношение человека к процессам и результатам его деятельности, а также рассмотрение спорных и слабых сторон своей деятельности с целью их дальнейшего развития. Критичность в работе психолога по первичной профилактике наркомании проявляется, в первую очередь, как критичность к себе, своим действиям, своей профессиональной и личностной позиции.

Рефлексия – это непрерывный процесс отражения в сознании и оценивания индивидом своих качеств, характеристик, особенностей поведения. Способность к рефлексии проявляется как знание о границе собственных знаний, умений, возможностей. Рефлексия предполагает наличие у субъекта способности к выходу «за пределы» себя, к определению собственных критериев оценки эффективности-неэффективности деятельности, правильности-ложности суждений, соответствия-несоответствия поведения ситуации и т.д. Уровень «хочу» в рефлексии представлен потребностью в самопонимании, самопринятии, самоуважении, а уровень «могу» – в процессе поиска и обнаружения собственных критериев оценки своей личности и поведения.

В нравственной сфере устремления проявляются в качестве ответственности. *Ответственность*, традиционно понимаемая как осознанное следование правилам, в контексте работы практического

психолога проявляется в переоценке и изменении индивидуальных правил, ограничивающих экзистенциальное творчество, построении собственной системы ценностей, открывающей возможность партнерских отношений с людьми.

Кроме того, психологу, работающему в первичной профилактике наркомании со старшеклассниками, приходится брать на себя ответственность не только за собственные действия. Мы согласны с Б.А. Ясько, которая утверждает, что профилактика наркомании требует большей моральной ответственности психолога, чем другая психокоррекционная деятельность, поскольку имеет непосредственное отношение к жизни и смерти ребенка, а также связана с решением социально значимой проблемы. Ответственность психолога проявляется тогда, когда в ходе профилактической деятельности ему приходится решать моральные дилеммы. Это касается, в первую очередь, ситуации, когда ребенок сообщает об опыте употребления или экспериментирования с психоактивными веществами. Перед психологом стоит вопрос: сообщать ли об этом родителям ребенка или следовать правилу конфиденциальности, сохраняя в тайне признание подростка.

В эмоциональной сфере устремления представлены как эмпатия, чувство юмора. *Эмпатия* – это способность понимать и проникать в мир другого человека, а также передавать ему это понимание.

По мнению В.А. Петровского, эмпатия должна быть рассмотрена как трехзвенная структура: сопереживание – сочувствие – импульс к содействию. Эмпатийный процесс основывается на потребности в другом человеке. Началом этого процесса можно считать эмпагогенную ситуацию (эмоциональное состояние другого), эмоциональное заражение, которое представлено субъекту эмпатии в качестве сопереживания, т.е. переживания аналогичных эмоций другого, «запускает» эмоциональную идентификацию с другим. Познавательные компоненты, включенные в процесс в связи с желанием разобраться в ситуации, вызывают ослабление идентификации, способствуют переводу субъекта на собственную позицию, а также обуславливают переход к сочувствию. Адекватное сочувствие требует от субъекта эмпа-

тии определенного уровня интеллектуального развития и наличие способности в социальном ориентировании. Сочувствие и анализ ситуации вызывают импульс к содействию, а результатом эмпатийного процесса является акт реального содействия.

Чувство юмора мы понимаем как интегральную характеристику, обеспечивающую единство личности и реализуемой ею активности. Необходимость развития чувства юмора у психологов, работающих с подростками по профилактике наркомании, очевидна. Остроумие, импровизация, «свободное» поведение как проявления юмора в деятельности и общении, относятся к тем качествам, которые старшеклассники в первую очередь ценят во взрослых.

По мнению Т. Ахолы, Б. Фурмана [Фурман, 2001], юмор в быденной жизни и юмор как средство психокоррекционного воздействия отличаются тем, что в первом случае цель юмора – «высмеять, заставить замолчать, снять напряжение», а во втором – «пересмотреть точку зрения, изменить ход понимания проблемы, уйти от сужения сознания, переоценить ситуацию». Кроме того, юмор выступает как фактор сплочения группы, поскольку помогает ее участникам говорить более открыто и искренне.

Юмор используется в психокоррекционной деятельности в различных формах и ситуациях: анекдоты, юмористические замечания, комментарии, юмористические фантазии, задания, юмористическое оспаривание или доведение до абсурда.

В волевой сфере устремления представлены в виде саморегламентации, т.е. способности к самостоятельному определению границ, правил и способов деятельности, а также в виде проявления волевых качеств личности – целеустремленности, настойчивости, решительности, уверенности.

Саморегламентация представляет собой установление субъектом своих собственных правил, норм, ограничений и запретов. В.А. Петровский отмечает, что потребность в регламентации является мотивирующим фактором активности, а значит, служит одновременно причиной внесения ограничений и источником активности, направленной

на их преодоление. Поскольку внутренняя работа по привлечению дополнительных смыслов или созданию новых понимается как усилие, устремлением в данном случае будет процесс смыслопорождения в ситуации отсутствия мотивации и реализация поведенческих реакций в неадаптивном направлении. Заметим, что более или менее совершенный способ волевой регуляции зависит не только от степени зрелости личности. Большую роль играет сложность задачи и то значение, которое она имеет для индивида: чем сложнее деятельность, которую предстоит осуществить, чем бессмысленнее она кажется, тем труднее продемонстрировать волевое поведение и тем ценнее будет результат.

Волевые свойства личности (настойчивость, самостоятельность, уверенность и т.д.) часто называются в качестве профессионально важных. А.И. Высоцкий к волевым свойствам относит дисциплинированность, сознательное выполнение установленных в данной ситуации правил, самостоятельность, выполнение деятельности без контроля со стороны, умение организовать свою деятельность, выдержку, терпение, решительность, настойчивость как стремление довести начатое дело до конца, преодолевать трудности, умение продолжать деятельность при снижении желаяния ею заниматься.

По мнению А.А. Деркача [Деркач, 2002], воля характеризует человека как субъекта деятельности, развития, жизненного пути, и во многом определяет его личные особенности и результаты достижения цели.

Уверенность психолога, его способность к самостоятельному определению цели и стремление к ее достижению являются важным элементом личностной готовности к первичной профилактике наркомании.

В организаторской сфере устремления проявляются в способности к ориентации и планированию деятельности в зависимости от изменяющихся условий, а также высоком уровне самоорганизации и саморуководства.

Как показано в работах А.Ф. Бондаренко, *самоорганизация и саморазвитие* являются продуктом самопознания, самовоспитания и саморазвития. А.Ф. Бондаренко, исследуя становление личности психолога, уделяет внимание самовоспитанию как критерию готовности личности к профессиональной деятельности. Он подкрепляет это предположение тезисом о том, что «в условиях внутренней детерминации действий и в ситуациях свободного выбора формирование субъектности психолога происходит путем саморазвития».

По результатам анализа психолого-педагогической литературы и работы по подготовке психологов достаточно рассмотреть личностную готовность к первичной профилактике наркомании на трех уровнях сформированности: низком, среднем, высоком.

На первом уровне – низком – деятельность по профилактике наркомании еще не приобрела конкретного содержания и существует лишь в виде формального исполнения должностных обязанностей. Деятельность психолога является подражанием кому-то или переносом общепсихологических знаний на процесс профилактики наркомании. Личностные качества здесь не имеют своего выражения, т.е. существует рассогласование между личностью и деятельностью.

На втором уровне деятельность по первичной профилактике наркомании становится более конкретной. Это происходит, в основном, по мере накопления опыта, но не связано с развитием личности психолога: он ставит определенные задачи, но эти задачи касаются не всей личности в целом, а каких-то частных качеств и умений. Тем не менее, психолог проявляет активность в определении целей собственной деятельности, проявляет свои личностные качества в работе и начинает самостоятельно отслеживать результаты своей работы.

На третьем уровне психолог самостоятельно и всесторонне анализирует и предельно конкретно формулирует цели деятельности, осознает возможности их реализации в процессе практической работы, положительно, но в то же время критично оценивает собственную деятельность, своевременно анализирует ошибки и находит новые ресурсы для их коррекции. На этом уровне психолог проявляется как

целостная взрослая личность и использует свои личностные ресурсы в работе по первичной профилактике наркомании, самостоятельно осуществляет планирование деятельности, управляет развитием старшеклассников и собственным развитием, находит новые, творческие, оригинальные приемы работы по первичной профилактике наркомании.

Эффективность работы психолога по профилактике наркомании в среде подростков зависит от готовности психологов к организации развивающего взаимодействия. Развивающее взаимодействие, вслед за М.В. Клариним, В.А. Петровским, Т.П. Скрипкиной [Петровский, 1995; Скрипкина, 2002] мы определили так: отношение к личности другого как к субъекту развития; ориентация на развитие и саморазвитие личности; создание условий для самореализации и самоопределения личности; установление субъект-субъектных отношений; наличие доверия себе и доверия другому; создание атмосферы доброжелательности и взаимопомощи; введение положительных факторов, расширяющих шкалу ценностей; организация совместной деятельности.

Складывающиеся в деятельности потенциальные возможности динамичны, изменчивы, что позволяет субъекту встать в ситуацию неопределенности при оценке собственных возможностей, порождая в сознании конфликт между переживаниями «могу» и «не могу». Потенциальные возможности выступают в сознании в «неопределенно-чувственной форме». Осознание этих возможностей, придание им «определенно-чувственной» формы и, тем самым, как бы «вписывание» их во внутренне достоверный образ себя есть, прежде всего, внутренний диалог, который позволяет различить в плане самосознания реальное, истинное и мнимое. Но разрешение конфликта «могу – не могу» требует выхода в область предметно-практической деятельности и реального человеческого общения.

Отметим также, что условием развивающего взаимодействия является доверие к себе и окружающим. Вслед за Т.П. Скрипкиной [Скрипкина, 2002], мы понимаем под доверием рефлексивный феномен, позволяющий человеку занять определенную ценностную (при-

страстную) позицию по отношению к самому себе и, исходя из этой позиции, строить собственную жизненную стратегию. Сущность этой позиции заключается в наличии у человека отношения к собственной субъектности, как значимой для него. Как утверждает К.А. Абульханова-Славская, именно такая позиция позволяет человеку «быть субъектом собственной жизни» [Абульханова-Славская, 1991].

По мнению Т.П. Скрипкиной, человек настолько доверяет себе, насколько он способен «выйти за пределы» своего прошлого опыта, не входя в противоречие с собой, со своими внутренними ценностями и смыслами. Доверие к другому человеку можно рассматривать как частный случай взаимодействия человека с миром. Как справедливо отмечает Т.П. Скрипкина, «условием возникновения доверия является актуальная значимость объекта и его априорная безопасность». Доверие реализуется не столько передачей «конфиденциальной» информации, сколько «вовлечением другого лица в собственный внутренний мир, а потому она выступает как значимая информация». Таким образом, можно говорить, что взаимное доверие субъектов друг другу предполагает такое отношение, которое строится на «взаимопроникновении взаимодействующих людей в смыслы друг друга и служит условием порождения новых смыслов».

Доверие к другому человеку – исходное условие человеческого общения и исходное психологическое отношение между людьми. Доверие как внутриличностный феномен в пространстве межличностных отношений осуществляет функцию связи между людьми, человек отражает в другом в каждый момент времени лишь то, что для него актуально и ситуативно имеет смысл и ценность. При условии доверия в момент взаимодействия людей происходит взаимоотражение тех смыслов и ценностей, которые актуальны для обоих.

Для экспериментальной проверки модели личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании в среде старшеклассников было проведено исследование. В эксперименте приняло участие 117 человек – психологи центров социально-психологической помощи «Семья», реабилитационных центров, образовательных уч-

реждений г. Самары, Самарской области, г. Муравленко Ханты-Мансийского АО. Контрольная группа – 52 человека, экспериментальная группа – 65 человек. Опыт работы психологов – от 1 до 7 лет, опыт работы в профилактике наркомании – от 3 месяцев до 2 лет.

Формирующий эксперимент состоял из нескольких этапов.

На первой стадии эксперимента с помощью экспертной оценки по разработанным критериям психодиагностических и социально-психологических методик определялась степень сформированности личностных качеств – элементов личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании. Экспертная оценка проводилась в очной или заочной форме: эксперты либо присутствовали на одном-двух занятиях, проводимых участниками эксперимента со старшеклассниками, либо оценивали видеозапись таких занятий.

Таблица 13

Уровни сформированности личностно важных качеств психологов контрольной и экспериментальной групп по первичной диагностике

Компоненты	Критерии	Низкий		Средний		Высокий	
		Конт.	Эксп.	Конт.	Эксп.	Конт.	Эксп.
Интеллектуальный	Децентрация	27	35	24	24	1	6
	Рефлексия	22	23	28	16	2	26
	Критичность	24	33	22	25	6	7
Нравственный	Ответственность	4	5	23	27	25	33
Эмоциональный	Эмпатия	2	4	11	28	39	33
	Чувство юмора	23	31	20	19	9	15
Волевой	Саморегламентация	24	32	18	23	10	10
	Волевые качества	12	18	35	33	5	14
Организаторский	Самоорганизация	16	22	20	28	16	15
	Саморуководство	16	25	21	23	15	17

У большинства психологов в целом отмечен низкий уровень личностной готовности к первичной профилактике наркомании (табли-

ца 13). Как в экспериментальной, так и в контрольной группе недостаточно сформированы децентрация, критичность, рефлексия, чувство юмора, саморегламентация, волевые качества личности, самоорганизация и саморуководство, однако выявлен достаточно высокий уровень ответственности, эмпатии. Яркая выраженность данных качеств объясняется тем, что они относятся к личностно важным качествам практического психолога вообще, а не только работающего по первичной профилактике наркомании, в то время как остальные качества отражают специфику личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании.

Мы определили, что высокий уровень профессионально-личностной готовности к работе с подростками по профилактике наркомании отмечается у психологов с высокой неадаптивностью поведения и с опытом содействия в разрешении конфликтов взросления у участников психокоррекционных программ.

Низкий уровень децентрации, критичности, самоорганизации связан с тем, что проводимые психологами лекции, тренинги навыков, семинары по первичной профилактике наркомании реализуются по выстроенной и утвержденной программе, т.е. не требуют творческого, развивающего подхода. Чувство юмора у испытуемых ограничивается либо способностью шутить, либо способностью смеяться, причем в работе практически не используется. Как показал анализ результатов, низкий уровень децентрации, критичности, чувства юмора чаще встречается у психологов с большим опытом работы (68% психологов с диагностированным низким уровнем личностной готовности имели стаж работы более 5 лет). Возможно, это связано с наличием у психологов профессиональной деформации, которая проявляется в ригидности, формальности, стереотипных формах мышления и работы.

Основным критерием неготовности психологов к первичной профилактике наркомании мы считаем низкую мотивацию деятельности, стремление к ее избеганию и формальному выполнению. Многие специалисты, принимавшие участие в исследовании, показали низкую

мотивацию к работе по причине «бесмысленности», «непонятности», «скучности» их деятельности. Причиной низкой мотивации специалисты социально-психологических центров назвали большое количество программ и проектов, предлагаемых их вниманию и ориентированных, скорее, на тренировку отдельных навыков, чем на развитие личности ребенка и повышение наркоустойчивости. Недостатком этих программ, по мнению специалистов, является отсутствие критериев и способов оценки эффективности их работы, т.е. специалисты не имеют возможности оценить свою работу и, соответственно, себя как специалиста. Отсутствие системы оценки эффективности профилактической деятельности снижает мотивацию и, как следствие, – ее эффективность. Помимо обозначенного выше критерия мы определили, что к критериям неготовности можно отнести также низкую или неадекватную оценку собственной деятельности, наличие профессионального синдрома сгорания у психологов.

Второй этап формирующего эксперимента был посвящен проведению с психологами экспериментальной группы социально-психологических и личностно ориентированных тренингов из программы первичной профилактики наркомании среди старшеклассников, разработанной на факультете психологии СамГУ. Сама программа разработана таким образом, что в результате у участников происходит, во-первых, разрешение актуальных конфликтов взросления (т.е. проблем, которые переживаются в данное время), а во-вторых, появляются самостоятельные способы разрешения конфликтов за счет формирования в личности самоценных форм активности – устремлений. Таким образом, основной способ подготовки специалистов к профилактике наркотизма заключается в их собственном участии в профилактических программах. Мы обнаружили, что только собственный осмысленный, отрефлексированный и эмоционально пережитый опыт работы с задачами взросления обеспечивает психологу возможность творческой эффективной работы с подростками.

Особое внимание в процессе второго этапа эксперимента уделялось, во-первых, развитию компонентов личностной готовности, а во-

вторых, установлению взаимосвязи между ними. Это достигалось, в первую очередь, предлагаемыми в процессе работы методиками развития устремлений, проблемными ситуациями, а также сочетанием работы в качестве участника программы и собственной практики. Усваиваемые испытуемыми методики и способы работы апробировались ими в практической деятельности и отличались неопределенностью, незавершенностью, а значит, требовали творческого, нестандартного подхода к их организации и проведению, и как следствие, – актуализации в личности психологов устремлений. Кроме того, психологи-участники экспериментальной группы проводили занятия из опыта работы в присутствии супервизоров (супервизорами являлись специалисты, проводившие обучение). Как показал анализ видеозаписи занятий, присутствие на тренингах ведущих обучающей программы значительно повышало активность психолога, актуализировало в нем большую поисковую, творческую активность. По самоотчетам участников, присутствие ведущего программы являлось, с одной стороны, «напрягающим» фактором, а с другой, оказывало поддержку и провоцировало поиск новых методов и способов работы. Подготовка психологов в контрольной группе проходила в виде лекций и бесед, материалы которых они затем воспроизводили в школах и центрах дополнительного образования.

Опыт психолого-педагогической работы показал, что оптимальный способ подготовки психологов сочетает в себе, помимо лекций и семинаров, лично ориентированные и социально-психологические тренинги, обязательное участие в профилактических программах.

Повторная оценка уровней сформированности личностной готовности психологов контрольной и экспериментальной групп проходила на **третьем этапе формирующего эксперимента** (таблица 14).

**Уровни сформированности личностно важных качеств
психологов контрольной и экспериментальной группы
по вторичной диагностике**

Компоненты	Критерии	Низкий		Средний		Высокий	
		Конт.	Эксп.	Конт.	Эксп.	Конт.	Эксп.
Интеллектуальный	Децентрация	25	22	25	22	2	21
	Рефлексия	24	14	26	22	2	29
	Критичность	25	21	21	25	6	19
Нравственный	Ответственность	3	4	24	26	25	35
Эмоциональный	Эмпатия	3	1	11	28	38	36
	Чувство юмора	20	14	23	28	9	23
Волевой	Саморегламентация	23	18	19	31	10	16
	Волевые качества	11	12	36	33	5	20
Организаторский	Самоорганизация	16	13	20	34	16	18
	Саморуководство	16	23	21	23	15	19

Как показал анализ результатов, в контрольной группе выявлены незначительные изменения в уровне организации личностной готовности. Нравственный компонент личностной готовности остался на неизменно высоком уровне, как в контрольной, так и в экспериментальной группе. Видимо, к деятельности по профилактике наркомании склонны люди, отличающиеся ответственностью и высоким уровнем интернальности. В основном, незначительные изменения зафиксированы в организационном (саморуководство) и эмоциональном (эмпатия) компоненте. В интеллектуальной, волевой сфере сдвигов не произошло. В экспериментальной группе отмечены значимые изменения в интеллектуальном, эмоциональном (чувство юмора), волевом компоненте. Кроме того, у психологов обнаружен переход от фиксации на отдельных признаках наркориска (эмоциональная нестабильность, внушаемость, неустойчивость к стрессам и т.д.) к целостному восприятию личности подростка, пониманию взаимосвязи этих качеств, возможностей их взаимоусиления или ослабления, способов

развития или минимизации. Это мы считаем важным результатом нашей работы.

Наличие устремлений (самоценных форм активности) в личности психолога является условием развития устремлений в личности подростков, что способствует разрешению конфликтов взросления и обеспечивает снижение факторов риска наркотической контаминации.

Экспериментально выявлена взаимосвязь между эффективностью практической деятельности психолога по профилактике наркомании и наличием в структуре его личности устремлений, представленных в личностно значимых качествах: децентрации, рефлексии, критичности, ответственности, эмпатии, чувстве юмора, саморегламентации, волевых качествах, самоорганизации, саморуководстве.

Преимущественное развитие у психологов, работающих в профилактике наркомании, имеют такие качества, как эмпатия и ответственность, в то время, как недостаточно развиты значимые в контексте первичной профилактики децентрация, критичность, рефлексия, чувство юмора, саморегламентация.

Наиболее значимые изменения в структуре личностной готовности психологов происходят в процессе сочетания практической деятельности и участия психологов в личностно развивающих тренингах и профилактических программах, обеспечивающих интеграцию структуры личности и деятельности, что повышает эффективность профилактической деятельности.

Важным критерием повышения эффективности деятельности по первичной профилактике наркомании является переход от фиксации психологами внимания на отдельных признаках наркориска к целостному, системному восприятию профилактического процесса.

Дальнейшее развитие профессионально-личностной готовности происходит в процессе развивающего взаимодействия, творческого отношения к процессу профилактики, условием которых является наличие в структуре личности психолога устремлений.

Заметим, что выделенные ранее на основе анализа литературы критерии эффективности программ профилактики являются одновре-

менно и условиями их результативности. Выполнение этих условий позволяет, на наш взгляд, существенно повысить эффективность превентивной практики. Несмотря на возможности количественного подхода при использовании указанных критериев, отметим, что все они носят внешний по отношению к задачам взросления характер. Следовательно, логично было бы использовать параметры оценки программ как условия их эффективности, тогда как критерии результативности увязать с психологическими феноменами, имеющими более тесную связь с наркотизмом. В поисках необходимых и достаточных критериев мы можем обратиться к рассуждениям, логика которых привела нас к обнаружению тематической тревожности подростков и необходимости повышения их субъектности. Наконец, самым надежным и бесспорным критерием эффективности любой программы было зафиксированное в ходе лонгитюдного исследования достоверно более низкое вовлечение в наркотизм ее участников по сравнению с подростками контрольной группы или популяционными показателями.

В данном случае основным объективным показателем эффективности реализации программы профилактики негативных зависимостей является прекращение употребления психоактивных веществ участниками программы. Эффективность программы диагностировалась во всех учреждениях, в которых программа была реализована. Экспериментальную группу составили учащиеся общеобразовательных школ и профессиональных технических училищ г. Самары, воспитанники детских домов-интернатов г. Самары, а также воспитанники Жигулевской воспитательной колонии для несовершеннолетних правонарушителей, находящиеся на начальных стадиях формирования зависимости. Среди описанных в литературе стадий [Березин С.В., Лисецкий К.С. Психология и профилактика ранней наркомании, Самара, 1997] к начальным относятся:

1. стадия активного, эмоционально выраженного интереса к психоактивным веществам при отсутствии опыта их употребления (нулевая стадия – зависимость отсутствует);

2. стадия потребления наркотических веществ с целью познавательного эксперимента, на которой потребление имеет нерегулярный, эпизодический характер (эпизодическое потребление);

3. стадия, на которой употребление психоактивных веществ становится более частым, но еще не регулярным (периодическое потребление).

Последующие стадии наркотизации (стадии регулярного потребления, навязчивой идеи, психофизиологической зависимости) характеризуются наличием наркомании как болезни и нуждаются не в профилактике, а в реабилитации, поэтому в нашем исследовании испытуемые, находящиеся на данных стадиях, участия не принимали.

Контрольную группу составили учащиеся и воспитанники тех же самых заведений, в которых реализовывалась программа профилактики, однако не принимавшие в ней участие. Отбор учащихся и воспитанников для наблюдения в контрольной группе проводился на основании качественного полуструктурированного интервью с сотрудниками и педагогами учреждений [Березин, Лисецкой, 2005]. В течение нескольких лет на основании структурированных интервью и заполненных сотрудниками и педагогами карт наблюдений была получена репрезентативная выборка для контрольной группы, сопоставимая по численности с экспериментальной группой для всех начальных стадий формирования наркотической зависимости.

Описание выборки представлено в таблице 15:

В качестве объективных критериев, по которым можно сделать вывод о вероятном употреблении наркотических веществ, были выбраны следующие:

1. Для воспитанников Жигулевской воспитательной колонии: количество повторных заключений за хранение и употребление наркотических веществ;

2. Для воспитанников интернатов, учащихся общеобразовательных школ и учреждений среднего профессионального образования учителя заполняли карту наблюдения на основании системы поведенческих признаков, наблюдаемых при наркотической зависимости.

**Характеристики выборки для диагностики объективной
эффективности реализации программы профилактики
негативных зависимостей**

стадия наркотизации	экспериментальная группа					контрольная группа				
	Школа	ПТУ	нат	ЖВК	ВСЕГО	Школа	ПТУ	нат	ЖВК	ВСЕГО
Нулевая	147	128	62	-	337	151	118	60	-	329
Эпизодическое потребление	58	77	28	52	215	64	72	30	51	217
Периодическое потребление	-	29	16	26	71	-	28	15	36	79

Карта наблюдения разработана по результатам многолетнего опыта ведения профилактической работы [Березин, Лисецкий, 2005]. Предыдущие исследования доказали валидность предлагаемых признаков наркотической зависимости. Использование целого комплекса выделенных признаков повышает надежность данного диагностического инструмента. Бланк карты наблюдений, заполняемый педагогами каждую неделю для каждого учащегося контрольной группы, представлен на рис. 19.

Подросток относился к «группе риска» употребления наркотических веществ в том случае, если не менее половины из перечисленных признаков отмечались педагогом более одного раза в течение месяца.

Таким образом, вывод о вероятном употреблении наркотических веществ делался на основании наличия признаков употребления, выявляемых с помощью методов беседы, карты наблюдения и анализа документов.

Ф. И. О.: _____ Класс/группа: _____	Поставьте «Х», если данный признак был замечен в течение недели
Наблюдаемый признак	
бледность кожи	
расширенные или суженные зрачки, покрасневшие или мутные глаза	
замедленная, несвязанная речь	
хронический кашель	
плохая координация движений (пошатывание или спотыкание)	
беспричинное возбуждение, вялость	
повышенная работоспособность	
нарастающее безразличие ко всему, ухудшение памяти и внимания	
уходы из дома, прогулы в школе по непонятным причинам	
трудности в сосредоточении на чем-то конкретном	
повышенная утомляемость	
избегание общения с людьми, с которыми раньше был близок	
снижение успеваемости в школе	
постоянные просьбы дать денег	
самоизоляция, уход от участия в делах, которые раньше были интересными	
неопрятность внешнего вида	
следы от уколов, порезы, синяки	

Рис. 19. Карта наблюдения за участниками контрольной группы для педагогов

В экспериментальной группе признаки употребления оценивались через год после проведения профилактической программы; данные контрольной группы собирались в тех же самых учреждениях на протяжении четырех лет.

Результаты проведенного исследования показали высокую эффективность реализации программы во всех группах, в которых она проводилась: в каждой из них количество человек, у которых были

замечены признаки, характерные для употребления наркотических веществ, снизилось существенно и неслучайным образом.

Соотношение черной и белой частей столбца на изображенной гистограмме (рис.20) отражает соотношение участников группы, для которых в дальнейшем были диагностированы признаки употребления наркотических веществ, и для которых такие признаки диагностированы не были.

В каждой из групп предлагаемая программа доказала свою эффективность: число участников, у которых не было выявлено признаков употребления наркотических веществ, значительно больше среди принимавших участие в программе, чем не принимавших. При этом можно отметить следующую тенденцию: чем более «рисковой» является группа, тем больше разница в данной группе между количеством испытуемых, для которых диагностировались признаки употребления ПАВ, среди прошедших курс по программе и не прошедших его. Как видно из диаграммы, среди воспитанников домов-интернатов, проявляющих активный интерес к наркотикам (нулевая стадия), в дальнейшем признаки употребления наркотических веществ не были выявлены у 88,7% из числа прошедших курс профилактики и у 73,3% тех, кто занятия по программе не проходил. Разница в данном случае составляет 16,4% – это примерная доля воспитанников в данной группе, которые, вероятно, имели бы риск попробовать наркотики, если бы не приняли участие в нашей программе. В то же время на стадии эпизодического употребления признаки потребления ПАВ выявлены у 71,4% из тех воспитанников домов-интернатов, кто прошел программу, и только у 43,3% из тех, кто программу не проходил. Здесь разница составляет уже 28,1%. На стадии периодического употребления признаки потребления не были диагностированы у 62,5% среди тех, кто принял участие в программе, и только у 26,7% среди тех, кто участия в занятиях по программе не принимал. В данном случае разница достигает 35,8% – вот примерное число воспитанников детских домов-интернатов, которые, вероятнее всего, продолжили бы время от времени употреблять наркотические вещества, если бы не приняли

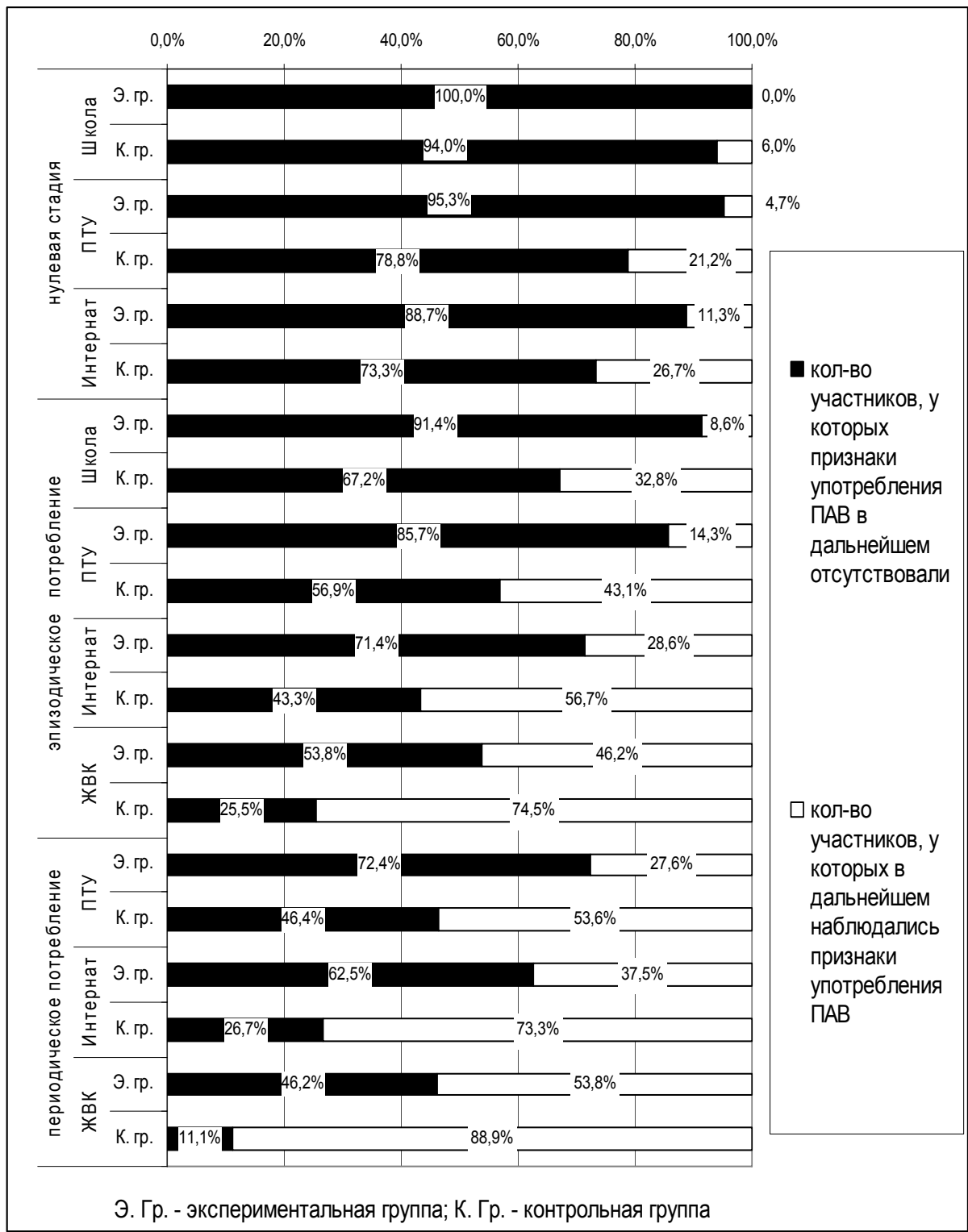

Рис. 20. Соотношение участников контрольной и экспериментальной групп, для которых были диагностированы признаки употребления психоактивных веществ, и для которых такие признаки выявлены не были (в течение года после реализации программы профилактики)

Статистический анализ результатов исследования

стадия зависимости	учреждение	Экспериментальная группа			Контрольная группа			χ^2	Степ. свободы	р-уровень
		прекр. употр.	не прекр. употр.	Всего	прекр. употр.	не прекр. употр.	Всего			
Нулевая	Школа	147	0	147	142	9	151	9,0344	1	0,0026
	ПТУ	122	6	128	93	25	118	15,1754	1	0,0001
	Интернат	55	7	62	44	16	60	4,7124	1	0,0299
	ВСЕГО	324	13	337	290	39	329	14,7888	1	0,0001
Эпизодическое употребление	Школа	53	5	58	43	21	64	10,6184	1	0,0011
	ПТУ	66	11	77	41	31	72	15,2143	1	0,0001
	Интернат	20	8	28	13	17	30	4,6614	1	0,0308
	ЖВК	28	24	52	13	38	51	8,6402	1	0,0033
	ВСЕГО	167	48	215	110	107	217	33,1162	1	менее 0,0001
Периодическое употребление	ПТУ	21	8	29	13	15	28	3,9965	1	0,0456
	Интернат	10	6	16	4	11	15	4,0139	1	0,0451
	ЖВК	12	14	26	4	32	36	9,6825	1	0,0019
	ВСЕГО	43	28	71	21	58	79	13,7837	1	0,0002

участие в программе профилактики, описанной в настоящей работе. Иными словами, чем сильнее наркотизация – тем понемногу уменьшается уверенность в том, что программа действительно поможет избавиться от наркотической зависимости; однако в то же время все сильнее растет уверенность в том, что если не принять срочных мер профилактики, например, таких, как предлагаемая программа, то уже точно ничего не поможет.

Как видно из диаграммы (рис. 20), аналогичная тенденция прослеживается и для других типов заведений, в которых проводилась работа по программе.

Важным объективным психологическим критерием устойчивости к вовлечению в наркотизм является повышение уровня субъектности подростка, т.к. это является реальной альтернативой заимствованным формам субъектности – негативным зависимостям. Развитие внутри-

личностной системы самоподдержки подростка (феноменологически такая система раскрывается как «взрослость», «автономия», «независимое Я») рассматривается нами как определяющее условие устойчивости к вовлечению в наркотизм и формированию наркотической зависимости.

Выше мы теоретически обосновали тезис о том, что внутриличностная система самоподдержки является внутренним контуром саморегуляции, имеющим осознанный характер. Было также показано, что внутриличностная система самоподдержки формируется в процессе индивидуальной активности при участии значимых других. Нам удалось обосновать, что активность подростков должна быть направлена на решение онтологически значимых задач взросления. Фиксация задач взросления в противовес их решению порождает тематическую тревожность. Было обнаружено, что тематическая тревожность, характеризующая наличие нерешенных/нерешаемых задач взросления имеет специфические поведенческие и экспрессивные референты.

С другой стороны, мы предположили, что нерешенные задачи взросления, порождающие тематическую тревожность, могут быть обнаружены по эмоциональным откликам индивида, возникающим при столкновении с ними. Следовательно, критерием результативности профилактики может быть снижение эмоциональных откликов на столкновение с задачами взросления.

Дополнительным диагностическим критерием может служить изучение особенностей индивидуального сознания участников нашего эксперимента (и контрольной, и экспериментальной групп). Для диагностики изменений использовались следующие методики: психо-семантическая методика множественной идентификации, проективное задание «Лев», для обработки данных которой применялся критерий ϕ^* – угловое преобразование Фишера.

На **первом этапе** исследования проводилась первичная диагностика структур индивидуального сознания старших подростков контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группы.

На **втором этапе** с подростками экспериментальной группы проводились личностно ориентированные тренинги из программы первичной профилактики наркомании, разработанные на психологическом факультете Самарского государственного университета. Каждое занятие программы направлено на работу с какой-либо задачей взросления. Тренинги проводились один раз в неделю по два учебных часа с сентября по март, исключая каникулярное время. Подростки контрольной группы не принимали участие в тренингах.

На **третьем этапе** проводилась вторичная диагностика с использованием методики множественной идентификации, оценивались изменения в структуре индивидуального сознания в контрольной и экспериментальной группах. Также было проведено задание «Лев», целью которого было выявить уровень развития способности к выходу за пределы заданной ситуации.

Результаты **первичной диагностики** структуры индивидуального сознания подростков контрольной и экспериментальной группы с применением методики множественных идентификаций показали, что семантические пространства в обеих группах принципиально схожи. Проанализируем полученные сводные семантические пространства экспериментальной группы. Рассмотрим семантическое пространство ЭГ, образованное 1-2 факторами (рис. 20).

Фактор 1. образован следующими характеристиками: уважает чувства другого (0, 86), вызывает доверие со стороны окружающих (0,82), общительный (0, 78), способен к самопознанию (0,73), творчество (0, 72). Фактор 2. включает такие качества, как: четко планирует дела (0,83), уверен в себе (0,82), наслаждается процессом деятельности (0, 81), сам определяет, что может достичь (0,78), не ленив (0,70).

Расположение образов «Я настоящее» и «Я идеальное» указывает на их актуальное несоответствие. По второму фактору «Я настоящее» имеет близкие проекции с образами «Запутавшегося человека» и «Я отвергаемым» и характеризуется неумением вести и планировать дела, неуверенностью в себе и своих действиях, ленью, неспособностью определять самостоятельно границы своих возможностей. Образ

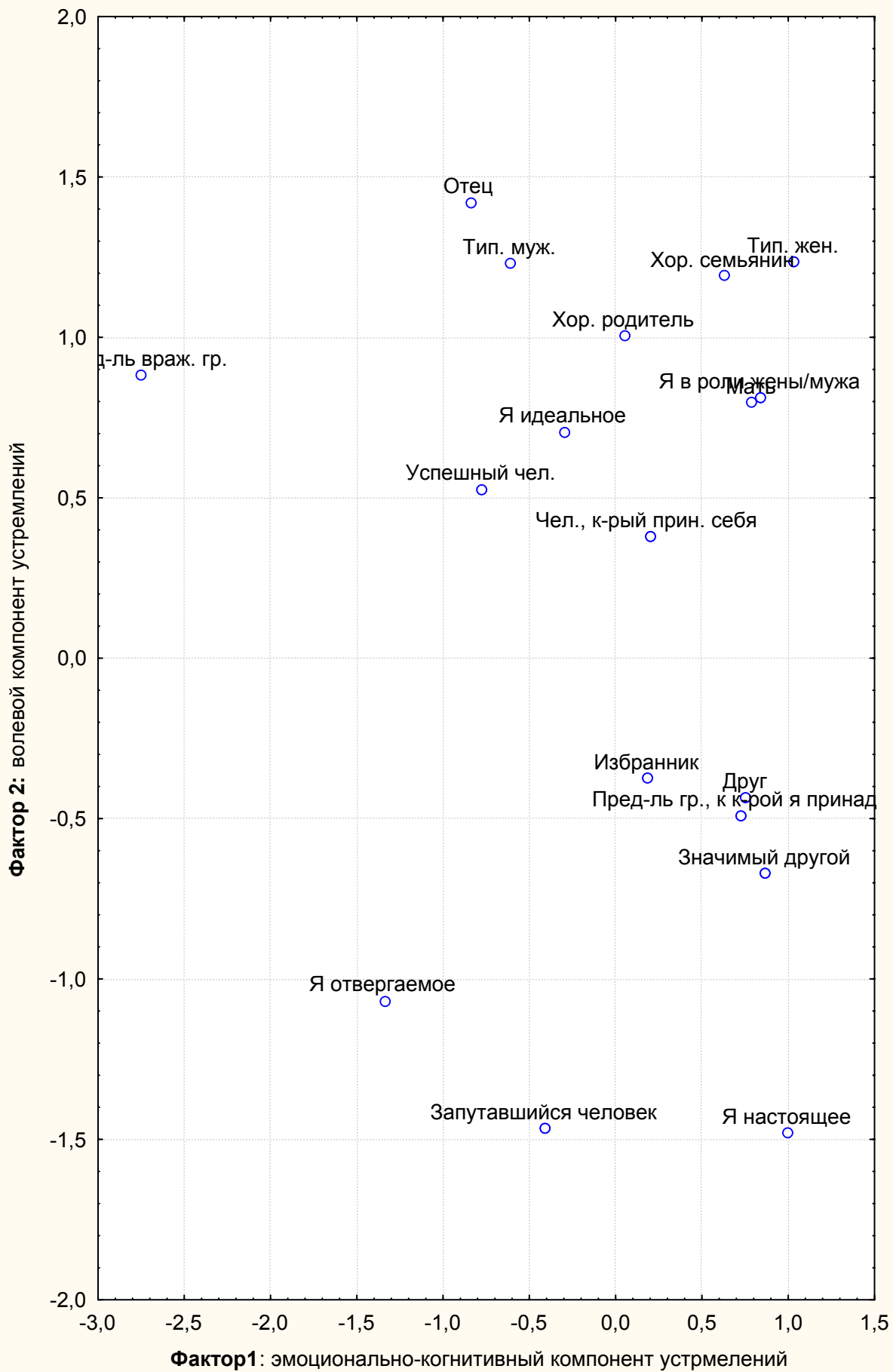

Рис. 20. Семантическое пространство экспериментальной группы (первый замер)

«Я идеальное» близок по проекции с образами «Успешного человека», «Матери», «Я в роли жены/мужа» и «Представителя враждебной группы» и обладает прямо противоположными качествами.

По проекции на первый фактор образ «Я настоящее» близок к образам «Друга», «Значимого другого», «Представителя группы, к которому я принадлежу», «Матери», «Типичной женщины», «Я в роли жены/мужа» и характеризуется уважением к чувствам другого человека и вызывает доверие, общителен, креативен, способен к самопринятию. Можно считать, что подросток находится в ситуации внутриличностного конфликта, т.к. стремится соответствовать образу «Я идеального» и, одновременно, отвергая качества, которые его характеризуют.

Образы «Типичный мужчина», «Типичная женщина» имеют сходные проекции на второй фактор, но типичная женщина оценивается более эмпатичной, общительной, креативной. Образ «Я настоящее» имеет сходные проекции по первому фактору с образом «Типичная женщина», «Значимый другой», «Мать», что может указывать на эмоциональную зависимость подростка от матери и наличие качеств, присущих типичной женщине в личности подростка. О недостаточной половой идентификации подростка можно судить по проекциям этих образов на второй фактор, что указывает на неуверенность в себе и своих действия в вопросах, касающихся своего и противоположного пола. Таким образом, эмоционально чувствуя и осознавая свои желания, подростку не хватает воли в их реализации.

Близкое расположение образов «Избранника», «Друга» и «Значимого другого», «Представителя группы, к которой я принадлежу» говорит о важной роли подростковой группы и отношений с противоположным полом, которые строятся на основе дружбы. С этими людьми подросток может быть самим собой. Из расположения образов «Успешный человек» и «Человек, который принимает себя таким, какой он есть», а также близость с «Я идеальным» говорит о ценности самопознания и принятия себя, своего тела, своих желаний. Успешным может быть только человек, который принимает и верит в себя.

По результатам вторичной диагностики структуры индивидуального сознания подростков можно констатировать, что семантическое пространство в контрольной группе осталось неизменным, а в экспериментальной группе произошли существенные изменения в системе распределения субличностей.

Приводим семантическое пространство экспериментальной группы в динамике первого и второго замера (рис. 21). В сравнении с первым замером существенно изменились характеристики образов «Я идеальное» и «Я настоящее»: они стали характеризоваться большим развитием когнитивных и волевых компонентов устремлений.

Образы «Я настоящее» и «Значимый другой» имеют сходные проекции, что указывает на возросшую значимость собственной личности для подростка, в отличие от первого замера, когда образ «Я настоящее» по проекции на первый фактор сближался с образами «Запутавшегося человека» и «Я отвергаемого». Образ «Я отвергаемое» оказался включенным в область принятых образов, что указывает на интеграцию черт, которые ранее не принимались подростком.

Произошло растождествление с субличностью «Мать» и принятие качеств, характеризующих образ «Отца», что указывает на появившуюся эмоциональную независимость и самостоятельность. Половая идентификация стала более точной.

Как показало сравнение результатов отдельно для юношей и девушек, если при первом замере вне зависимости от пола образ «Я настоящее» был близок к образу «Типичная женщина», то во втором замере у девушек этот образ стал характеризоваться большей степенью развитости когнитивно-волевых компонентов, но остался близок к образу «Типичная женщина», а у юношей образ «Я настоящее» стал близок к образу «Типичный мужчина». Подростки, прошедшие программу, стали эмоционально более терпимы к представителям групп, к которым они непосредственно не относятся, и, возможно, ранее к которым испытывали враждебные чувства. В целом, образ «Я настоящее», особенно по первому фактору, приблизился к образу «Я идеальное», который, в свою очередь, стал характеризоваться большей

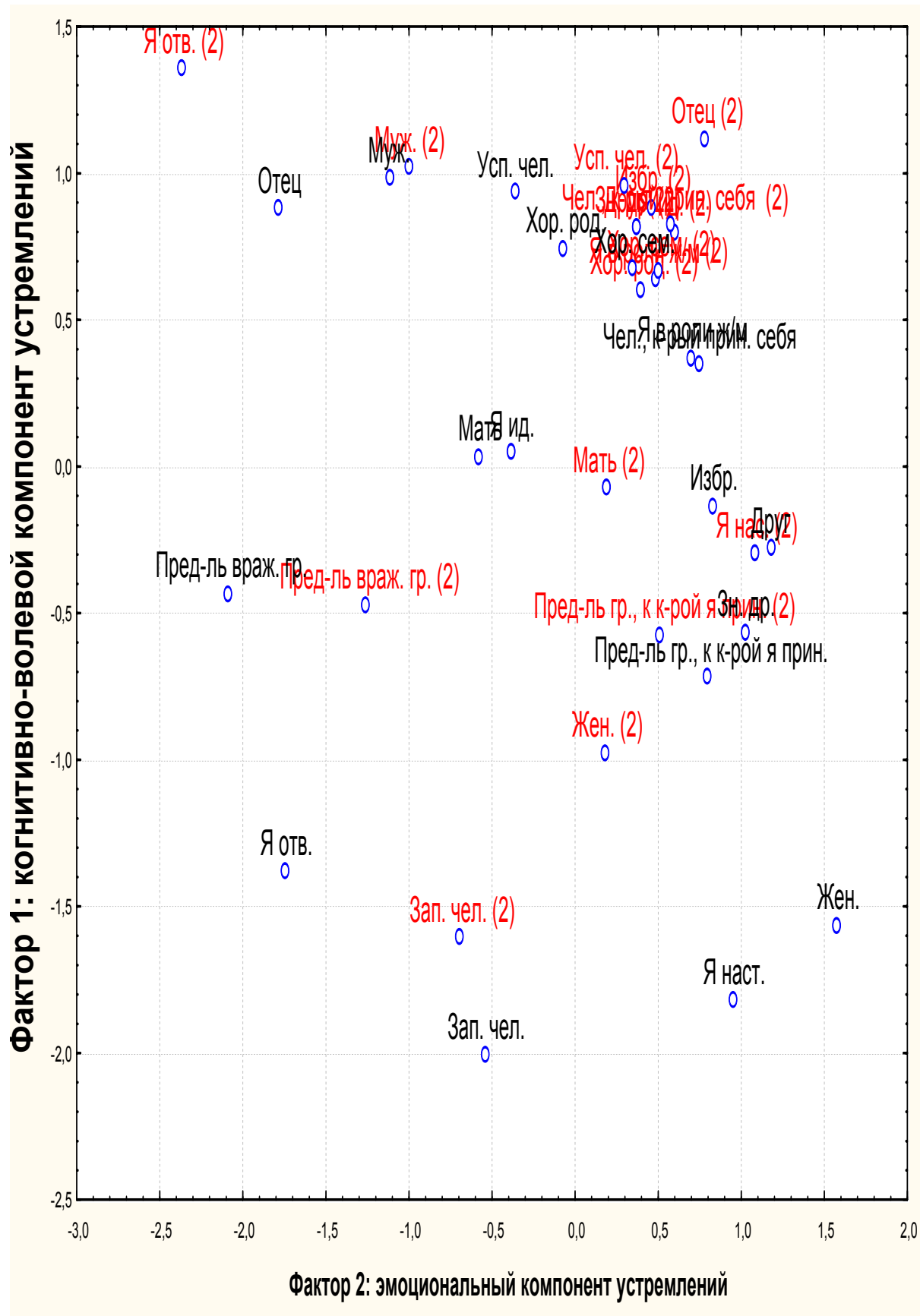

Рис. 21. Семантическое пространство экспериментальной группы в динамике первого и второго замера

интеллектуальностью и догадливостью, самостоятельностью в принятии решений, упорством в достижении целей, уверенностью в себе и своих действиях.

Результаты эксперимента с заданием «Лев» анализировались по четырем критериям:

1. Продуктивность. Подсчитывается общее количество предложенных выходов из ситуации.

2. Оригинальность. Подсчитывается общее количество идей, не повторяющихся в данной выборке испытуемых.

3. Системность (способность к включению проблемы в более широкий контекст); домысливание и дополнение изображения картинки тем, что «находится за ее пределами».

4. Децентрированность (способность к оценке ситуации с разных точек зрения). Подсчитывается количество выходов из ситуации, предложенных с точки зрения льва.

После обработки данных, полученных в экспериментальной и контрольной группах по вышеперечисленным критериям с применением t-критерия были получены следующие результаты (таблица 18).

Таблица 18

Сравнение уровня проявления неадаптивной активности в КГ и ЭГ

	Продуктивность		Оригинальность		Системность		Децентрация	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Среднее значение	16,8	36,8	4	5,8	3,8	9,7	1,8	5,3
Выборочная дисперсия	32,47	58,77	3,3	5,34	18,57	21,89	0,93	3,29
Значение t-критерия Стьюдента	4,54		1,5		2,27		4,17	
Уровень значимости	0,001		статистически не значимо		0,05		0,01	

Показатели продуктивности, системности и децентрации в экспериментальной группе статистически значимо превосходят соответствующие показатели в контрольной группе. Этот факт указывает на то, что подростки, участвующие в тренинге, находят большее количество

выходов из проблемной ситуации (продуктивность), обладают развитой способностью к включению проблемы в более широкий контекст (системность), т.е. способны выходить «за пределы заданного», и подходить к решению проблемы с разных позиций (децентрация).

По критерию «Оригинальность» расхождение в значениях контрольной и экспериментальной группах статистически не значимо, т.е. на способность к продуцированию оригинальных идей предложенная нами программа не оказывает существенного влияния.

1. Решение задач взросления вызывает изменение структуры индивидуального сознания. Референтами динамики индивидуального сознания являются изменения в расположении элементов семантического пространства в следующих сферах:

– «Я сам»: сближение образов «Я настоящее» и «Я идеальное», «Успешный человек» и «Человека, который принимает себя таким, какой он есть»;

– «Семья»: включение образов «Мать», «Отец» в сферу принятых образов;

– «Поло-ролевая идентичность»: идентификация со своим полом (сближение образов «Я настоящее» и «Типичная женщина/мужчина», «Представитель группы, к которой я принадлежу»), различение образов «Будущего мужа/жены» (сближение с образами «Хорошего родителя», «Хорошего семьянина», «Я в роли супруга») и образа «Друг».

2. Показана эффективность программы первичной профилактики наркомании среди старших подростков. Оценка программы проводилась с использованием авторской модификации психосемантической методики множественной идентификации, позволяющей отслеживать изменения в структуре индивидуального сознания старших подростков.

У подростков, прошедших личностно-ориентированные тренинги, содействующие решению задач взросления, изменилась структура индивидуального сознания: субличности «Я идеальное» и «Я в настоящем» практически совпадают по значению; субличности «Я в настоящем», «Я желаемое» («Я идеальное») имеют сходные качества с

образом «Человека, который принимает себя таким, какой он есть» и «Успешным человеком». В расположении субличностей «Отец» и «Мать» усилились нежелательные для подростков качества в образах отца и матери по когнитивному фактору, в тоже время, проекции образа «Представителя враждебной для меня группы» на рассматриваемые факторы указывают, что образы родителей являются принятыми образами для подростка. Половая идентификация стала более точной, и подросток воспринимает себя как представителя группы мужчин или женщин. Отмечается также более терпимое отношение подростков к представителям групп, к которым они непосредственно не относятся и, возможно, ранее к которым испытывали враждебные чувства. Отношения с противоположным полом стали более дифференцированными: подростки начали различать друзей и людей из своего окружения, которые в будущем могут быть супругами и хорошими родителями.

У подростков, прошедших тренинги, проявления неадаптивной активности статистически значимо превосходят соответствующие показатели подростков контрольной группы. Этот факт указывает на то, что подростки, участвующие в тренинге, находят большее количество выходов из проблемной ситуации (продуктивность), обладают развитой способностью к включению проблемы в более широкий контекст (системность), т.е. способны выходить «за пределы заданного», и подходить к решению проблемы с разных позиций (децентрация).

Выводы по третьей главе

1. На основании данных проведенных нами эмпирических исследований мы можем утверждать, что среди наркозависимых подростков существенно больше человек обладают «спутанной» «Я-концепцией», что свидетельствует о высоком уровне их онтологической энтропии.

2. В системе ценностей наркозависимого нет ни одной категории, которая могла бы сравниться по субъективной значимости с состоянием опьянения. Для них состояние опьянения становится одной

из ведущих инструментальных ценностей, способствующей достижению остальных, как терминальных, так и инструментальных ценностей. В восприятии наркозависимого состояние опьянения связано не только с большим личностным потенциалом, но и с переживанием положительных эмоций, при этом достижение и реализация других ценностей не доставляет наркозависимому сравнимых по силе и интенсивности положительных чувств и эмоций. Таким образом, обладание ценностями становится для наркозависимого неразрывно связанным с состоянием опьянения, и тогда состояние Я, в котором ценности становятся доступными, переживается как «превосходящее Я».

3. Также нами было обнаружено, что в состоянии наркотического опьянения изменяется отношение изменения величины раздражения к изменению субъективного ощущения. Иными словами, константа Вебера больше не является константой! Тем самым мир, данный наркоману в его ощущениях, преобразуется, возникает переживание избыточных возможностей своего организма на физиологическом уровне.

4. Нами были также исследованы пороги болевой чувствительности у испытуемых под действием опиатов и в абстинентном синдроме. Результаты подтверждают данные, описанные в литературе: в состоянии наркотического опьянения болевая чувствительность снижается, однако при абстинентном синдроме – возрастает.

5. Результаты исследований наиболее «наркоманского сленга» показали, что в самой субкультуре формируются особые лингвистические формы описания, совмещающие в себе описание ценности с описанием состояния наркотического опьянения. Выражение «чувство полета» соответствует, главным образом, ощущению насыщенности жизни, «чувство всемогения» соответствует «Я-идеальному», а «всепонимание» описывает состояния гармонии и свободы. Обладая значительной долей суггестивности, создавая собственный жаргон, дискурс субкультуры потребителей психоактивных веществ становится в буквальном смысле зачаровывающим для ее членов, особенно для тех, кто находится в ней недавно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Статистика социально-психологических и медицинских центров помощи населению показывает, что в стране наблюдается неуклонный рост количества больных с различными видами зависимостей. На фоне высоких показателей химических зависимостей (алкоголизм, наркомания, токсикомания и др.) стремительно растет статистика различных нехимических зависимостей (гемблинг, аддикция отношений, работоголизм и др.). Нередко высказывается предположение, что химические и нехимические зависимости формируются на основе специфических личностных предрасположенностей. Считается, что структура таких предрасположенностей может быть различна при той или иной конкретной зависимости, но, в целом, они образуют особый зависимый тип личности. Именно эта установка в значительной степени предопределила направленность большого числа исследований проблем наркомании и наркотизма. Анализ психологических исследований проблем наркомании, выполненных отечественными учеными за последние тридцать лет, показывает, что, несмотря на сходную направленность, эмпирические данные крайне противоречивы и неоднозначны, а используемые схемы исследований не позволяют надежно дифференцировать причины и следствия употребления наркотиков. Очевидно, что такая эмпирическая база не может быть надежным фундаментом для теоретических обобщений. Именно поэтому ни одна из существующих концепций возникновения и развития психической зависимости не представляется исчерпывающей и убедительной. Большинство из существующих ныне психологических концепций наркомании представляют собой более-менее удачную транскрипцию психологических теорий личности, формировавшихся преимущественно на клинической основе. Это приводит к интерпретации наркомании как нарушению в поведении, невроза, психоза, в конечном итоге – к утрате специфики наркозависимости и попыток ее лечения с помощью неспецифических методов. Ограниченность существующих теоретических концепций психологической зависимости и

противоречивость эмпирических данных связаны, на наш взгляд, с тем, что явно или неявно исследователи наркотизма и наркомании исходят в своих работах из постулата сообразности. Следуя ему, исследователи стремятся найти причины приобщения к наркотикам. Обобщенные данные, полученные в ходе эмпирических исследований, направленных на «поиск причин», в свою очередь выступают предпосылками для разработки программ профилактики наркотизма. Анализируя корпус работ по проблеме, мы составили список феноменов, которые интерпретируются авторами исследований как возможные причины наркомании. Итоговый список составил 116 пунктов. Соотнесение этого списка с особенностями популяции показывает, что все (!) население России составляет группу риска по наркомании. Это приводит нас к выводу о том, что никакой причинной, целевой или смысловой определенности в дебюте наркомании не существует. Такая определенность складывается по мере развития наркотической личности уже после пробных употреблений наркотиков.

Таким образом, мы сталкиваемся с парадоксом, не разрешенным в рамках сложившейся традиции исследования и объяснения наркомании: причина наркомании формируется после начала употребления наркотиков. Традиционное понимание психологических аспектов наркомании оставляет без ответа и вопросы о причинах трудноустраняемости психической зависимости.

Ответы на эти вопросы обнаруживаются при исследовании психологических проблем наркомании с позиции парадигмы субъекта.

В основе наших рассуждений лежит интерпретация синдрома психической зависимости как активности, заключающей в себе возможность неограниченного воспроизводства (В.А. Петровский). Если пробное употребление наркотического вещества вызывает у индивида иллюзию «возрастающего могущества», переживается им как потенциальная возможность достижения психического комфорта, то сама возможность становится достаточным основанием действия. Таким образом, в динамике психической зависимости важнейшую роль играет фиксация «могу», реализация которого формирует «хочу». Пе-

переход «могу» в «хочу» (соблазн возможности (В.А. Петровский)), когда каждое последующее движение становится условием возрастания «хочу», а достижение желаемого – условием возрастания «могу», приводит к неограниченному воспроизводству активности, реализующей такой переход. Как показывают наши клинические наблюдения, употребляя наркотики, индивид зачастую действует не потому, что стремится к какому-либо результату, а потому, что стремится к реализации самого действия. Устремление к реализации действия, мотивированное возможностью действовать, раскрывает нам отличие психической зависимости от других форм устремлений, например, эмоциональных. В эмоциональных устремлениях взаимопереход «хочу» в «могу» и обратно, поддерживаемый средой, приводит к наращиванию и расширению реальных возможностей индивида в эмоциональном освоении мира. В том числе и возможности управления собственным «хочу». По мере развития физиологической симптоматики наркомании способность субъекта к саморегуляции своего «хочу» снижается: «хочу» подменяется необходимостью как следствием нарушений физиологической организации индивида. «Могу» принадлежит субъекту, а «хочу», теперь уже в виде «надо», – индивиду. «Могу» субъекта переживается им как всемогущество: «все могу», «все понимаю», «все чувствую». Очевидно, однако, что речь в данном случае не может идти о подлинной субъектности, ибо состояние всемогущества есть результат отнюдь не саморегуляции, а воздействия наркотического вещества. Индивид, употребляющий наркотики, переживает нужную субъектность. Во-первых, потому, что его «хочу» теперь существует исключительно в виде «надо», а, во-вторых, потому, что он все больше и больше утрачивает способность к саморегуляции и самоподдержке. Постепенно наркотик становится основным средством саморегуляции. Таким образом, мы можем говорить, что субъектность наркозависимого – это заимствованная форма субъектности, формирующая в его сознании особую инстанцию – «Превосходящее Я» («субъект ничем не стесненных возможностей»), состояние всемогущества, все чувства, всепонимания. По своему происхождению та-

кие состояния заимствованы, привнесены извне (наркотик здесь выступает в качестве своеобразного «донора»), неотделимы от внешних источников, хотя и действуют непосредственно «изнутри», как если бы индивид сам был источником их порождения и действительности. Вот это «изнутри»-действие заимствованных форм субъектности и сбивает с толку и самого наркозависимого (ему кажется, что он сам себе хозяин, сам себе голова), и исследователей наркомании и наркотизма. «Превосходящее Я», проявляющееся в стремлении человека к воспроизводству состояния могущества и воли, лишено причинности «в себе» (самопричинности), превращается в самоценную ненасыщаемую тенденцию личности. Стремление к воспроизводству «Превосходящего Я» и есть, как мы полагаем, сущность наркотической зависимости. Однако самодвижение психической зависимости не делает ее устремлением в подлинном смысле этого слова. Метафорой, выражающей самодвижение психической зависимости, является движение по окружности.

В ходе наших эмпирических исследований мы обнаружили, что возникновение заимствованных форм субъектности и, соответственно, наркозависимости обусловлено (1) сочетанием внутриличностной готовности к самоиспытанию, в том числе и экстремальным методом, (2) специфическим действием наркотика на состояние сознания и тела, пробуждающее ощущение особых возможностей, (3) провокативностью молодежной субкультуры и (4) противоречивостью реализуемых в настоящее время программ профилактики молодежного наркотизма.

Изучая внутриличностную готовность подростков к самоиспытанию, мы обнаружили специфическую для подросткового возраста неопределенность самопонимания и мирочувствия, идентичность образа «Я» и картины мира, особую восприимчивость к воздействиям, позволяющим пережить собственную субъектность. Мы полагаем, что именно эти стартовые переживания обуславливают возникновение особых онтологически значимых задач – задач взросления. Под психологическими задачами взросления мы понимаем особый вид задач

развития, которое мы обозначаем как «онтологическое укоренение» субъекта жизни в отношениях к себе и миру. Результатом решения задач взросления является взрослость как системная характеристика личности. Формы поведения подростка – это не только субкультурные нормы, но «идеальные» формы взрослости. В этом контексте подростковую девиацию необходимо рассматривать как стремление подростка решать свои задачи взросления: принятие своего имени; принятие собственной внешности и тела; достижение новых и более зрелых отношений со сверстниками обоего пола; достижение полоролевой идентичности; достижение эмоциональной независимости от родителей; построение системы ценностей, выстраивание отношений со временем (будущим, смертью, жизнью), с Абсолютом (Богом); выбор профессиональной перспективы; принятие себя.

Нерешенные задачи взросления, т.е. отсутствие у подростка его субъективного, проясненного для него самого, его собственного отношения к онтологически значимым сторонам его жизни порождает особое фоновое состояние, которое мы назвали «тематическая тревожность». В ходе эмпирических исследований мы обнаружили, что преодолеваемая тематическая тревожность может либо в результате субъектного поведения, что ведет к взрослению, обретению идентичности, и, в конечном итоге, к взрослости, либо деструктивно, что феноменологически может проявляться в виде различных зависимостей, неврозов, психозов и т.д.

Каждая решенная задача взросления – это самоопределенность личности по отношению к значимому аспекту бытия человека в мире. Решение задач взросления – это осознанное построение своего отношения к значимым аспектам бытия. Решенная задача взросления – это осмысленное отношение личности к той или иной стороне ее жизни.

На основании проведенных эмпирических исследований мы можем утверждать, что среди наркозависимых подростков существенно преобладают индивиды со «спутанной» «Я-концепцией», что свидетельствует о высоком уровне их онтологической энтропии.

Изучая подростковые группы, вовлеченные в наркотизм, и сообщества наркозависимых, мы установили несколько аспектов повышенной аттрактивности употребления наркотических веществ: (1) межпоколенная рассогласованность; (2) привлечение к употреблению наркотиков в системе «подросток»-«подросток» через механизмы подражания образцам поведения и обмена «ценностями»; (3) разнообразие психоактивных веществ; (4) фасцинация ценностями и символами наркокультуры, «погружение» в особый язык, идеологию, отношения.

Иными словами, у подростков, употребляющих наркотики, отсутствует глубоко личностное, аутентичное и проясненное отношение к онтологически значимым сторонам жизни. Отсутствие такой проясненности приводит к визуально фиксированному всплеску тревожности и напряжения всякий раз, когда подросток оказывается в ситуации, требующей от него реагирования как индивида определенного пола, имеющего свое мнение, способного преодолеть мотивационные и/или ценностные противоречия. Нерешенность задач взросления означает невозможность такого ответа. Решенность конкретной задачи взросления означает ценностное отношение индивида к выбранному варианту ее решения. Как показали наши исследования, проведенные с помощью методов психосемантики, в системе ценностей наркозависимого нет ни одной категории, которая могла бы сравниться по субъектной значимости с состоянием опьянения. Для них состояние опьянения становится одной из ведущих инструментальных ценностей, способствующей достижению остальных, как терминальных, так и инструментальных ценностей. В восприятии наркозависимого состояние опьянения связано не только с большим личностным потенциалом, но и переживанием положительных эмоций, при этом достижение и реализация других ценностей не доставляет наркозависимому сравнимых по силе и интенсивности положительных чувств и эмоций. Таким образом, обладание ценностями становится для наркозависимого неразрывно связанным с состоянием

опьянения, и тогда состояние Я, в котором ценности становятся доступными, переживается как «превосходящее Я».

Исследуя субъективные переживания наркозависимыми воздействия наркотического вещества на их сознание, мы обнаружили, что наркотики пробуждают ощущение особых возможностей. Мы установили, что в состоянии наркотического опьянения изменение величины раздражения и изменение субъективного ощущения находятся в ином соотношении. Иными словами, константа Вебера больше не является константой! Тем самым мир, данный наркоману в его ощущениях, преобразуется, возникает переживание избыточных возможностей своего организма на физиологическом уровне.

Нами были также исследованы пороги болевой чувствительности испытуемых под действием опиатов и в абстинентном синдроме. Результаты подтверждают данные, описанные в литературе: в состоянии наркотического опьянения болевая чувствительность снижается, однако при абстинентном синдроме – возрастает.

Как показали исследования, подростки гораздо лучше родителей осведомлены о наркотиках, их воздействии и последствиях их употребления, родители категоричнее детей в оценке последствий наркотизации. Жесткие оценки наркотизма и потребителей наркотиков, авторами которых являются представители поколения «родителей», составляют основу социальной стигматизации наркозависимых, что приводит к повышению закрытости для профилактики значительной части молодежи.

Одним из социально-психологических факторов аттрактивности употребления наркотиков, как показывают наши исследования, является нарушение преемственности в системе норм и ценностей «взрослого» и «подросткового» миров.

Мы обнаружили, что существенным фактором вовлечения подростков в наркотизм является фасцинация ценностями и символами наркокультуры. Наши исследования «наркоманского сленга» показали, что в самой подростковой субкультуре формируются особые лингвистические формы описания, совмещающие в себе описание социально-

одобряемых ценностей с описанием состояния наркотического опьянения. Выражение «чувство полета» соответствует, главным образом, ощущению насыщенности жизни, «чувство всемогения» соответствует «Я-идеальному», а «всепонимание» описывает состояния гармонии и свободы. Обладая значительной долей суггестивности, создавая собственный жаргон, дискурс субкультуры потребителей психоактивных веществ становится в буквальном смысле зачаровывающим для ее членов, особенно для тех, кто находится в ней недавно.

Наконец, мы обнаружили, что существенным фактором молодежного наркотизма является противоречивость превентивной практики в сфере молодежного наркотизма. Со всей уверенностью можно говорить о парадоксальном несовпадении целей и эффектов социального противодействия наркотизму. При всей декларируемой гуманности целей превентивных программ, заинтересованности и добросовестности специалистов, масштабности государственного финансирования профилактических программ, их результативность несопоставима усилиям и затратам. Однако дело не только в низкой эффективности затрачиваемых ресурсов. Мы обнаружили, что обоснованные только логикой «взрослой жизни» программы подрывают доверие подростков к воспитывающим взрослым, что и повышает вероятность вовлечения молодежи в наркотизм. При всем многообразии подходов и моделей профилактики, практически все они ориентированы на формирование той или иной совокупности знаний и навыков. С этой точки зрения профилактические программы методологически обоснованы и методически обеспечены. Среди критериев оценки результативности программ профилактики часто называют: численность участников, отношение к программе, изменение информированности, изменение намерений, изменение отношения к ПАВ, изменения поведения, изменения отношения к себе, изменения в общении. Однако при противоречивости выделенных критериев психического и социального здоровья очень сложно оценить эффективность той или иной профилактической программы.

Профилактика, в основном, связывается с термином «формирование» (навыков здорового образа жизни, конструктивного общения, преодоления стрессовых ситуаций и др.), т.е. предполагается отсутствие в личности подростка каких-то качеств, дефицит навыков, неверные жизненные ориентации и т.д. Недостаточно уделяется внимания при разработке программ внутреннему миру личности, ценностям и потребностям подростков.

Из сферы внимания разработчиков и пользователей ускользает, казалось бы, очевидная вещь: обучение не тождественно развитию, обученный – не значит зрелый. Редукция развития к трансляции знаний, умений, навыков означает, по сути, вынесение субъекта за границы самого процесса. Поэтому можно со всей уверенностью сказать, что подросток в рамках существующих программ профилактики наркотизма – индивид, даже социальный объект. И в этом смысле эти программы бессубъектны.

Существующие профилактические программы продолжают оставаться в рамках причинно-ориентированных и факторных теорий, ограниченность которых уже обоснована. Трансляция социально приемлемых и желаемых форм поведения, которая происходит во время таких профилактических занятий с подростками, не учитывает индивидуальные особенности подростка и актуальных для него задач взросления. Кроме того, такая работа предполагает заданные образцы действий и тем самым лишает подростка возможности экспериментировать в социальном пространстве, проявлять спонтанность и ответственность, которые в неопределенных, но онтологически значимых ситуациях его жизни выступают условием его взросления, развития субъектности.

Мы полагаем, что именно в ситуации неопределенности индивид имеет потенциальную возможность проявиться как субъект. Эта установка в значительной степени определила наш подход к разработке программ профилактики. Мы исходили из двух посылок. (1) Задачи взросления являются специфическими ситуациями неопределенности. (2) Ситуации неопределенности, исходы которых не предрешены и

определяются только активностью субъекта, являются ситуациями потенциального субъектогенеза.

Действуя в ситуации неопределенности свободно и ответственно в направлении ее разрешения, подросток проявляется как субъект и тем самым наращивает потенциал своей субъектности. Проектируя программу так, чтобы ее структурные единицы (отдельные сессии) моделировали неопределенность конкретной задачи взросления, мы создаем подросткам условия для наращивания субъектности в сфере решения ими онтологических задач взросления.

Мы вводим специальную единицу процесса групповой психо-профилактики – субъектный шаг (или субъектное действие), понимаемый нами как сознательное действие кого-либо из подростков за пределами сложившихся паттернов поведения, что является предпосылкой преобразования группы в целом: как феномен, он одновременно является событием, отражающимся и во внутреннем пространстве его автора (субъектный вклад индивида в других), и в пространстве группы как целого (интерсубъектная отраженность). Изменения в состоянии и поведении членов группы при актуализации образа ситуации, в которой был совершен субъектный шаг (отраженная интерсубъектность) и есть минимальное количественное изменение в группе. Количественные накопления в системе ведут к ее качественным изменениям.

При организации работы с группой мы используем два аспекта групповой динамики: синхронный и диахронный. Под синхронным аспектом групповой работы мы подразумеваем состояние группы в каждый конкретный момент времени (здесь и теперь). Говоря о диахронном аспекте динамики группы, мы имеем в виду ее эволюцию, собственно историю развития группы (там и тогда). Преодолевая «здесь и теперь» сложившиеся «там и тогда» паттерны поведения, ограничивающие возможности подростка в решении задач взросления, он приобретает потенциал свободного и ответственного поведения «везде и всегда».

Каждое занятие программы «Задачи взросления» является ее единицей (не элементом) в том смысле, что в каждой сессии группа реально работает со всеми задачами взросления. Таким образом, каждое занятие, являясь единицей программы в целом, самоценно. Последнее обстоятельство является особенно важным не только потому, что создает контекстуально-смысловые условия возгонки субъектности, но и потому, что «сшивает» занятия в единое целое и по процессу, и по его отраженности в сознании подростков.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что решающим условием эффективности профилактики наркотизма является развитие внутриличностной системы самоподдержки подростка. «Независимое Я», «автономия», «взрослость» являются реальной альтернативой заимствованным формам субъектности («заимствованное», «превосходящее Я»), стихийно складывающимся в современном мире.

Исследуя подростковую среду, мы обнаружили факторы повышенной привлекательности наркотизма:

1. Фактор открытости подростка к постановке онтологических задач взросления.
2. Фактор провокативности среды.

Изучая изменения, возникающие в сознании подростков под действием наркотика, мы обнаружили феномен «превосходящего Я», переживаемый как всемогущество. Анализируя существующие программы профилактики, мы пришли к выводу о присутствии им парадоксальным несовпадением целей и эффектов.

Обобщая данные, полученные в ходе теоретического и эмпирического исследования проблем молодежного наркотизма, мы пришли к возможности построения развивающих взаимодействий в системе «воспитывающие взрослые – подростки» при постановке и решении подростками значимых задач взросления. Инструментальная реализация таких взаимодействий составили основу профилактической программы «Задачи взросления». Ведущий работу взрослый (тренер-психолог) поддерживает те и только те проявления активности подростков, которые соответствуют основному критерию субъектности –

действие в направлении тревоги, маркирующей ту или иную задачу взросления. Реакции, смысл которых состоит в избегании действий, адекватных «вызову» со стороны неопределенности ситуации или уходом в «тень покровителя», принимающего ответственность за решения на себя, игнорируются, т.е. не вознаграждаются и не осуждаются. Полученные нами в ходе эмпирической проверки данные подтвердили, что в этих условиях рождается автономная система самомотивации подростков «быть субъектом собственной жизни» – «внутриличностная система самоподдержки». Мы также обнаружили – и это открывает перспективы дальнейших исследований – что проявления субъектности пропорциональны степени заданной неопределенности.

В ходе работы нам удалось теоретически обосновать и эмпирически проверить результативность разработанной нами программы «Задачи взросления». Вместе с тем, мы вполне отдаем себе отчет в том, что целый ряд вопросов, значимых с точки зрения организации превентивной практики, остался вне нашего анализа.

Так, например, необходимо продолжить разработку методических приемов реструктуризации «превосходящего Я» и нейтрализации психологических и личностных эффектов его функционирования.

Перспективу дальнейших исследований составляет:

1. изучение возможностей онтосубъектного подхода в организации и содержательном обеспечении вторичной и третичной профилактики наркомании;
2. изучение феноменологии решения онтологических задач взросления;
3. исследование факторов устойчивости к провокативным воздействиям социальной среды;
4. разработка социально-психологических механизмов снижения межпоколенной рассогласованности;
5. поиск адекватных для подросткового возраста ценностных и смысловых оснований разработки программ превенции;

6. изучение развивающих взаимодействий в системе «воспитывающие взрослые – подростки», способствующих решению подростками онтологических задач взросления;

7. изучение влияния заимствованных форм субъектности на жизненный путь личности и ее выборы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «О законодательном обеспечении предупреждения и профилактики наркомании в Российской Федерации» // Материалы Парламентских слушаний Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 14 апреля 2005 г.
2. Абульханова К.А. Рубинштейн С.Л. – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. – М.: Изд-во «Академический проект», 2000. – С. 11-26.
3. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991.
4. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. – Самара, 2000.
5. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М.: За экономическую грамотность, 1995.
6. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. – М., 2002.
7. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. Т. 1. – М., 1980.
8. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена «субъект» и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. – М.: Изд-во «Академический проект», 2000. – С. 27-42.
9. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М.: Академия, 2002.
10. Ассаджиоли Р. Психосинтез. – М., 1997.
11. Бабаян Э.А., Гонопольский М.Х. Наркология. – М.: Медицина, 1987.
12. Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии / пер. с англ. – М.: «Смысл», 2003.
13. Белогуров С.Б. Наркотики и наркомания. – СПб.: Университетская книга, 1997.

14. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: АСТ, 2006.
15. Профилактика наркотизма: теория и практика / Под ред. С.В.Березина, К.С.Лисецкого. – Самара: Изд-во «Перспектива», 2005.
16. Березин С.В., Лисецкий К.С. К вопросу о сущности наркотической зависимости // Альманах современной науки и образования [Текст]. – Тамбов: «Грамота», 2008. – №4 (11): Педагогика, психология, социология и методика.
17. Березин С.В., Лисецкий К.С. Личностно-развивающий потенциал подростковых конфликтов // «Вестник СамГУ», 1996, № 1.
18. Березин С.В., Лисецкий К.С. Наркомания глазами семейного психолога. – СПб.: Речь, 2005.
19. Березин С.В., Лисецкий К.С. Опыт построения модели системы профилактики молодежной наркомании в г. Муравленко. – Изд-во Администрации г. Муравленко, 1998.
20. Березин С.В., Лисецкий К.С. Подготовка школьных психологов. Учебное пособие. – Самара: Изд-во: СамГУ, 1992.
21. Березин С.В., Лисецкий К.С. Серебрякова М.Е. Предпосылки подростковой наркозависимости. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.
22. Березин С.В., Лисецкий К.С., Назаров Е.Н. Психология наркотической зависимости и созависимости. Монография. – М.:МПА, 2001.
23. Березин С.В., Лисецкий К.С., Самыкина Н.Ю. Социальная адаптация наркозависимой молодежи, находящейся в ремиссии. – Самара: Изд-во «ОФОРТ», 2007.
24. Бернштейн Н.А. Избранные труды. – М., 1996.
25. Битенский В.С., Личко А.Е., Херсонский Б.Г. Психологические факторы в развитии токсикоманий у подростков // Психол. журнал. 1991. – Том 12.
26. Битенский В.С., Херсонский Б.Г. Мотивировка и условия, способствующие злоупотреблению опиатами у подростков // Психологические исследования и психотерапия в наркологии. – Л., 1989.

27. Битенский В.С., Херсонский Б.Г., Дворяк С.В., Глушков В.А. Наркомании у подростков. – Киев: Здоровье, 1989.
28. Блейхер В.М., Круг И.В. Толковый словарь психиатрических терминов / Под общ. ред. к.м.н. С.Н.Бокова. в 2-х томах. – Р/н/Д.: Феникс, 1996.
29. Боголюбова Т.А. Наркотизм в России. Состояние и меры борьбы / Состояние и тенденции насильственной преступности в Российской Федерации. – М., 1993.
30. Бодалев А.А. Психология межличностных отношений (к 100-летию со дня рождения В.Н. Мясищева) // Вопросы психологии, 1993, № 2.
31. Божович Л.И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности / Под. ред. Д.И. Фельдшейна. – М.: Международная педагогическая академия, 1995.
32. Борисов И.Ю. Механизм «гедонистического риска» и его роль в отклоняющемся поведении молодежи // Мир психологии и психология в мире. 1995. №3.
33. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. – Воронеж, 1996.
34. Буякас Т.М. О феномене наслаждения процессом деятельности и условиях его возникновения (по работам М.Чиксентмихайи) // Вестник МГУ. 1995. – Серия 14. – №2.
35. Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. – Том 18. – № 2.
36. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: МГУ, 1984.
37. Василюк Ф.Е. Типология переживания различных критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. – Том 16. – №5.
38. Выготский Л.С. Собрание сочинений. – М., 1882-1884.
39. Габиани А.А. Наркотизм вчера и сегодня. – Тбилиси: Сабчота сокортвело, 1988.
40. Ганзен В. А. Системное описание в психологии. – Л., 1984.

41. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий. Их статика, динамика, систематика (1933) // Изб.тр. – М.: Медицина, 1964.
42. Гегель Г.В.Ф. Система наук. – СПб.: Наука, 1992.
43. Генайло С.П. Особенности премобиды больных наркоманиями // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1990. – № 2.
44. Гольдштейн К. Принципы целостности в медицине // Советская психоневрология. – М., 1933.
45. Гульдман В.В., Романова О.Л. Подросток-наркоман и его окружение // Вопросы психологии. – 1993. – №2.
46. Гульдман В.В., Романова О.Л., Корсун А.М., Шведова М.В. Эмоционально-когнитивный диссонанс в структуре представлений школьников о наркомании и токсикомании // Психологические исследования и психотерапия в наркологии. – Л.: Изд-во «Ленинградский психоневрологический институт», 1989. – С.68-74.
47. Гульдман В.В., Шведова М.В. Психологический анализ мотиво-образующих факторов наркотизации подростков // Саморазрушающее поведение у подростков. – Л.: Из-во «Ленинградский психоневрологический институт», 1991. – С.64-71.
48. Драган Н.Г., Калачев Б.Ф. Наркомания и наркобизнес. Выявление и пресечение наркооборота наркотических средств и психотропных веществ / Под ред. П.Г. Пономарева. – М., 1988.
49. Зинченко О.П. Особенности психического развития младших sibсов в семьях наркотизирующихся подростков. Автореф. канд. диссер. – Калуга, 2004.
50. Иванец Н.Н., Винникова М.А. Героиновая зависимость. – М.: Медпрактика, 2000.
51. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М., 1991.
52. Иванов В.И. Наркотики и дети / Психология зависимости. – Минск: Харвест, 2004
53. Изард К. Эмоции человека. – М.: МГУ, 1980.
54. Кант И. Критика чистого разума. – Минск, 1998.
55. Карвасарский Б.Д. Неврозы. – М.: Медицина, 1990.

56. Козлов Д. Д., Дмитриева И. В. О возможности и необходимости идиографического исследования копинг-механизмов // Ананьевские чтения-2005. Материалы научно-практической конференции. – СПб., 2005.

57. Конопкин О.А., Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегуляции деятельности // Вопр. психологии. 1989. – № 5. – С. 18-26.

58. Кривцова С.В. и др. Подросток на перекрестке эпох. – М.: Генезис, 1997.

59. Лазарева Т.А. Переживание счастья в разных периодах жизни // Психологические исследования: сб.науч.тр.: Выпуск 2 / Под ред. А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой. – Самара: Универс-групп, 2006.

60. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. – М., 1964.

61. Лекции по клинической наркологии / Под ред. Н.Н. Иванца. – М., 1995

62. Леонтьев А.Н. Избранные психологические труды. Том 11. – М.: «Педагогика», 1983.

63. Лисецкий К.С. «Другая реальность» при возникновении наркотической зависимости личности. // Психологические исследования. Сб.науч.трудов. Вып.6. – Самара: Универс-групп, 2008.

64. Лисецкий К.С. Бессилие как культурная патология // Психологические исследования. Сб.науч.трудов. Вып.5. – Самара: Универс-групп, 2007.

65. Лисецкий К.С. Диалектика конфликта в зеркале психосемантики // Материалы конференции «Межличностный конфликт: проблемы и перспективы исследования». – Самара: СамГУ, 1998.

66. Лисецкий К.С. К вопросу о механизмах формирования самосознания при наркомании // Проблема сознания в психологии и смежных науках. Межвузовский сборник научных трудов. – Самара: Изд-во «Парус», 2002.

67. Лисецкий К.С. К вопросу о профилактике наркомании в вузе //Сборник материалов научно-практической конференции «Проблемы наркомании в молодежной среде». – Самара: СИПКРО, 2001.

68. Лисецкий К.С. Культура вынужденных желаний // Известия Самарского научного центра РАН. – Самара, 2003.
69. Лисецкий К.С. Литягина Е.В. Психология и профилактика наркотической зависимости личности. – Самара: Издательский Дом «Бахрах», 2008.
70. Лисецкий К.С. Методологические основы диагностики и преодоления конфликтов в среде старшеклассников // Материалы конференции «Межличностный конфликт: проблемы и перспективы исследования». – Самара: СамГУ, 1998.
71. Лисецкий К.С. Наркоманская субкультура как фактор приобщения к наркотикам // Фундаментальные проблемы психологии: личность в исторической психологии. Материалы научной конференции 23-25 апреля 2002г. – СПб.: Изд-во С.-Петербург.Универс., 2002.
72. Лисецкий К.С. Ограниченность концепции снижения вреда // Материалы Антинаркотических чтений. – Самара, 2008.
73. Лисецкий К.С. Основы профилактики подростковой и юношеской наркомании. – Самара: Универс-групп, 2004.
74. Лисецкий К.С. Поведенческие особенности потребителей инъекционных наркотиков // Известия СНЦ РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии». – Самара, 2006.
75. Лисецкий К.С. Потребность субъекта в «саморегуляции неизвестного» // Фундаментальные проблемы психологии: личность в исторической психологии. Материалы научной конференции 23-25 апреля 2002г. – СПб.: Изд-во С.-Петербург.Универс., 2002.
76. Лисецкий К.С. Предупреждение межличностных конфликтов в системе отношений старшеклассников. Автореферат кандидатской диссертации. – Самара: СамГУ, 1995.
77. Лисецкий К.С. Происхождение «Я-превосходящего» у наркозависимой личности // Вестник Самарского государственного университета. – Самара, 2006.
78. Лисецкий К.С. Профилактика наркомании в УИС // Преступление и наказание, 2000. – №5.

79. Лисецкий К.С. Психолог как субъект наркопрофилактики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – декабрь 2002.

80. Лисецкий К.С. Психологическая зависимость как «Жажда целостности» // Психологические исследования. Сб. науч. трудов. Вып.3. – Самара: Универс-групп, 2006.

81. Лисецкий К.С. Психологическая зависимость с точки зрения онтосубъектного подхода // Материалы конференции «Проблемы и перспективы профилактики и реабилитации негативной зависимости среди несовершеннолетних и молодежи в Самарской области». – Самара: Изд-во «ОФОРТ», 2006.

82. Лисецкий К.С. Психологические основы предупреждения наркотической зависимости личности. – Самара: Универс-групп, 2007.

83. Лисецкий К.С. Психология и профилактика ранней наркомании. Книга для учителя. Учебное пособие. Поволжский филиал института развития личности РАО, Отдел образования администрации г. Самары. – Самара, 1996.

84. Лисецкий К.С. Решение задач взросления как основа разработки программ профилактики наркомании в среде старшеклассников. // Психологические исследования. Сб. науч. трудов. Вып.6. – Самара: Универс-групп, 2008

85. Лисецкий К.С. Современные подходы к пониманию негативных зависимостей в молодежной среде//Сборник материалов конференции «Проблемы профилактики негативных зависимостей среди молодежи». – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001.

86. Лисецкий К.С. Спецкурс «Психология негативной зависимости» как средство формирования личностной устойчивости к наркомании в Вузе // Материалы Антинаркотических чтений. – Самара, 2008.

87. Лисецкий К.С. Субъектность как психологического основания профилактики наркозависимости личности// Вестник Самарского государственного университета. – Самара, 2006.

88. Лисецкий К.С. Условия эффективности профилактики наркомании у старшеклассников // Материалы Антинаркотических чтений. – Самара, 2008.
89. Лисецкий К.С. Факторы и причины наркотизации // Вестник Самарского университета. – Самара, 2003.
90. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Здоровье – ценность парадоксальная // Психология и школа, 2003. – № 3.
91. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Критика общепринятой концепции профилактики наркотизма // Ежегодник Российского психологического общества: Материалы III Всероссийского съезда психологов 25-28 июня: В 8т. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
92. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Психология негативных зависимостей. Рекомендация УМО. – Самара: Универс-групп, 2006.
93. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Психология не-зависимости. – Самара: Универс-групп, 2004.
94. Лисецкий К.С., Самыкина Н.Ю. Подростковая Я-концепция в системе факторов наркориска. // Сборник научных трудов кафедры психологии СамГУ «На пути к практической психологии: междисциплинарные исследования». – Самара: СамГУ, 1999.
95. Литягина Е.В. Нерешенные задачи взросления как психологические условия формирования аддиктивного поведения старшеклассников. Автореф. канд. диссер. – Калуга, 2004.
96. Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркомания. – Л.: Медицина, 1991.
97. Лэнг Р. Расколотое «Я». – М.: «Академия», 1995.
98. Магомедов Н.М. Дифференцированный подход к обучению и воспитанию школьников: проблемы и перспективы. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993.
99. Макеева А.Г. Педагогическая профилактика наркомании в школе. – М.: «Сентябрь», 1999. – 54 с.
100. Максимова Н.Ю. О склонности подростков к аддиктивному поведению // Психологический журнал, 1996. – Том 17. – №3.

101. Максимова Н.Ю. Психологическая предрасположенность несовершеннолетних к употреблению наркотических веществ // Психология, клиника и профилактика отклоняющегося поведения у детей и подростков: Материалы межобластной научно-практической конференции. – Чернигов, 1991
102. Максимова С.В. Исследование проявлений творческой активности у лиц с наркозависимостью // Вопросы психологии, 2006. – №1.
103. Малюченко Г.Н. Профилактика наркомании в образовательной среде: проблемно-ориентированный подход. – Балашов: Изд-во БГПИ, 2001.
104. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. – М., 1997.
105. Менделевич В.Д. Наркозависимость и коморбидные расстройства личности. – М.: Медпресс-информ, 2003.
106. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. – М., 1998.
107. Моросанова В.И. Регуляторные предпосылки выбора новой профессии // Психологические аспекты социальной нестабильности. – М., 1995.
108. Моросанова В.И., Агафонова А.О. Индивидуальные особенности саморегуляции и личностные защиты // Регуляция психических состояний / Под ред. А.О. Прохорова. – Казань, 2001. – Вып. 3.
109. Назаров Е.А. Наркотическая зависимость и созависимость личности в семье: Автореф. дисс. канд. псих. наук. – Самара: Изд-во Самарский университет, 2000.
110. Нартова-Бочавер С.К. «Coping-behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал, 1997. – Т. 18. – № 5.
111. Научно-методические основы первичной профилактики детской наркомании: для работников центров социально-психологической помощи семье и детям / Под. ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2000а.

112. Научно-методические основы профилактики наркомании в семье / Под. ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – М.: Изд-во РАО, 2000б.
113. Омельченко Е.А. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Институт социологии РАН, 2000.
114. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии, 1996. – № 1.
115. Первичная профилактика наркомании / под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: Универс-групп, 2006.
116. Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. – СПб., 2002.
117. Петракова Т.И., Лимонова Д.Л., Меньшикова Е.С. Ситуационная мотивация употребления наркотиков у подростков // Вопросы психологии, 1999. – № 5.
118. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М., 2005.
119. Петровский В.А. Индивидуальность и саморегуляция: опыт мультисубъектной теории // Мир психологии, 2007. – № 1 (49).
120. Петровский В.А. К пониманию личности в психологии / Вопросы психологии, 1981. – № 2.
121. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов-на-Дону, 1996.
122. Петровский В.А. Мультисубъектная теория личности // Энциклопедический словарь. Общая психология / Под ред. А.В. Петровского. – М.-СПб.: PerSe, 2005.
123. Петровский В.А. Очерк теории свободной причинности // Вестник Самарского университета, 1996. – №1.
124. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. Российский открытый университет. – М.: ТОО «Горбунок», 1992.
125. Петровский В.А. Феномены субъективности в развитии личности. – Самара, 1997.
126. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003, издание третье (2000, 2001).

127. Профилактика наркотизма: теория и практика / Под ред. С.В.Березина, К.С.Лисецкого. – Самара: Изд-во «Перспектива», 2005.
128. Психологические исследования и психотерапия в наркологии. – Л.: Изд-во Ленинградского психоневрологического института, 1989.
129. Психологические особенности наркоманов периода взросления (опыт комплексного экспериментально – психологического исследования) / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара, 1998.
130. Психология воспитания / Под ред. В.А. Петровского. – М.: Аспект-Пресс, 1995.
131. Психология наркотической зависимости и созависимости / под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – М.: Изд-во Международной педагогической академии, 2001.
132. Психология ранней наркомании / Под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Москва – Самара: МАБНН, 2000.
133. Пятницкая И.Н. Наркомания. – М.: Медицина, 1994.
134. Реан А.А. Локус контроля делинквентной личности // Психологический журн., 1994. – Т. 15. – № 2. – С. 54.
135. Розенбаум М. Безопасность прежде всего. Подростки, наркотики и образовательные программы: реалистичный подход. – М., 2002.
136. Розин М.В. Психология судьбы: программирование или творчество // Вопросы психологии, 1992. – №1-2.
137. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. – М.: 1976.
138. Салливан Г.С. Интерперсональная теория психиатрии. – М.: КСП+, Ювента, 1999.
139. Самыкина Н.Ю. Формирование личностной готовности психологов к первичной профилактике наркомании в среде старшеклассников: Автореф. дисс. канд. псих. наук. – Калуга, 2002.
140. Сеченов И.В. Биография. Главные труды. – М.: Изд-во «Деан», 2004.

141. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Профилактика наркомании и алкоголизма: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.

142. Сирота Н.А., Ялтонский В.М., Хажиллина И.И., Видерман Н.С. Профилактика наркомании у подростков: от теории к практике. / Под науч. ред. Л.И. Шипициной и Е.И. Казаковой. – СПб.: Изд-во «Питер», 2001.

143. Скрипкина Т.П. Доверие к миру как фундаментальное условие толерантности. – Ростов-на-Д., 2002.

144. Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление. Автореф. дисс. доктора псих. наук. – Р/н/Д., 1998.

145. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: введение в психологию субъективности. – М.: Школа-Пресс, 1995.

146. Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии, 1995. – № 3.

147. Собкин В.С., Абросимова З.Б. и др. Проявление девиации в подростковой субкультуре // Вопросы психологии, 2004. – №3.

148. Соломзес Дж.А., Чеурсан В., Соколовский Г. Наркотики и общество. – М., 1998.

149. Сухарев А.В. Этнофункциональный подход к проблемам психопрофилактики и воспитания // Вопросы психологии, 1996. – № 4.

150. Сухарев А.В., Брюн Е.А. Сравнительное психологическое исследование этнофункциональных рассогласований у страдающих героиновой наркоманией, алкоголизмом и аффективными расстройствами // Психологический журнал, 1998. – Т. 19. – № 3.

151. Технология формирования социальных навыков / под ред. С.В. Березина, К.С. Лисецкого. – Самара: Универс-групп, 2005.

152. Тхостов А.Ш. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологической форм адаптации: обратная сторона социализации // Психологический журнал, 2005. – Т.26. – №6.

153. Тхостов А.Ш. Телесность человека в контексте культурно – исторического подхода // Вестник Московского университета, 2002. – Серия 14. – № 4.
154. Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психологический журнал, 1992. – Т.13. – № 1.
155. Фельдштейн Д.И. Психология становления личности. – М.: Международная педагогическая академия, 1994.
156. Фельдштейн Д.И. Трудный подросток. – Душанбе, 1972.
157. Фридман Л.С., Флеминг Н.Ф., Робертс Д.Х., Хейман С.Е. Наркология / Пер. с англ. – М.; СПб.: «Издательство Бинон» – «Невский диалект», 1998.
158. Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1995.
159. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Магистериум, 1996.
160. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998.
161. Фурман Б. Терапевтическое консультирование. Беседа, направленная на решение проблем. – СПб.: Речь, 2001.
162. Хараш А.У. Психология одиночества. – М., 2000.
163. Цукерман Г.А. Психология саморазвития: задача для подростков и их педагогов. – М.: Интерпракс, 1994.
164. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. – М., 1977.
165. Шабанов В.А. Руководство по наркологии. – СПб.: Издательство «Лань», 1998.
166. Шабельников В.К. Функциональная психология. – М., 2004.
167. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. – М., 1982.
168. Шапатина О.В. Согласование родительских позиций как условие развития личности ребенка в семье. Автореф. канд.дисс. – Самара, 2001.

169. Шмелев А.Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. – М.: МГУ, 1983.

170. Энциклопедия преступлений и катастроф. Наркотики и яды. – Минск: Литература, 1996.

171. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Общ. ред. и предисловие А.В. Толстых. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.

172. Юнг К.Г. Конфликты детской души. – М., 1995

173. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: Университетская книга, 1994.

174. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбкиной. – М.: Класс, 2005.

175. Ялтонский В.М., Сирота Н.А. Проксемическое поведение при злоупотреблении гашишем и гашишной наркомании у подростков // Саморазрушающее поведение у подростков. – Л.: Изд-во «Ленинградский психоневрологический институт», 1991.

Научное издание

Лисецкий Константин Сергеевич
СУБЪЕКТНАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ
НАРКОТИЧЕСКОЙ
ЗАВИСИМОСТИ ЛИЧНОСТИ

Монография

Корректор В.В. Трифонова
Компьютерная верстка, макет В.И. Никонов

Подписано в печать 27.11.08

Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Усл.-печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 11,21. Тираж 500 экз. Заказ № 859

Издательство «Универс групп», 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано в ООО «Универс групп»